

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
КАФЕДРА ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
ООО «ИНСТИТУТ ПСИХОТЕРАПИИ И МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ РПА
им. Б. Д. КАРВАСАРСКОГО»
АНО «ИНСТИТУТ ПСИХОДРАМЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ»
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ФГБОУ ВО ДГУ «ПСИ-ФАКТОР» им. А.М. АХМЕДХАНОВА

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

30-31 мая 2024 года

Махачкала 2024

УДК 159.9
ББК 67.91
П-78

*Печатается по решению Научно-экспертного совета
ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»*

Редакционная коллегия:

*Казиева Н.Н.
Муталимова А.М.
Омарова М.К.
Джабраилов А.Н.*

Рецензенты:

Ханова Зоя Гаджиалиевна – советник Постоянного представителя Республики Дагестан при Президенте Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор университета "Синергия".

Магомедханова Умагани Шамхаловна - кандидат психологических наук, доцент, руководитель психологической службы ФГБОУ ВО "ДГПУ им. Р.Гамзатова"

П-78 Проблемы и перспективы современной психологической науки и практики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2024 г. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2024. – 222 с.

ISBN 978-5-00212-735-1 (Печать по требованию)

DOI: 10.33580/9785002127351

ISBN 978-5-00212-735-1

© Дагестанский государственный университет, 2024

© Коллектив авторов, 2024

© Издательство АЛЕФ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Далгатов М.М.</i> Проблемы и векторы развития психологии в Республике Дагестан	6
<i>Казиева Н.Н.</i> К проблеме образа руководителя в представлениях сотрудников организации	9
<i>Муталимова А.М.</i> Психологические критерии профессионального портрета HR-директора	13
<i>Джабраилов А.Н.</i> Деформация идентичности как причина невротического развития личности	16
<i>Назыров Р.К.</i> Психотерапия и клиническая (медицинская) психология: тенденции развития и нерешённые вопросы	25
<i>Омарова М.К.</i> Влияние перфекционизма на психологическое благополучие личности	36
<i>Семенов В.В.</i> Связь теории и практики в условиях современных реалий развития психологии	44
<i>Семёнова Ф.О.</i> Формирование социальной компетентности студентов в процессе обучения в вузе	47

РАЗДЕЛ 1: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ГРУПП

<i>Алиев Г.Р.</i> Пропаганда и цифровая осознанность личности	53
<i>Алиева С.М.</i> Психология тревоги ранней взрослости	58
<i>Бертенёва И.А., Гаджибабаева Д.Р., Квашина М.М., Коншина В.В., Семенов Н.А., Яковлева С.С.</i> Исследование ценностных ориентаций современных студентов-психологов.....	61
<i>Гаджибабаева Д.Р., Мазунова С.Ю.</i> Формирование стрессоустойчивости у сотрудников избирательных комиссий методом социально-психологического тренинга	69
<i>Гаджибабаева Д.Р., Чурсина Ю.В.</i> Манипулирование в семейно-брачных отношениях	75

<i>Гасанова С.А.</i> Теоретический обзор подходов к изучению самореализации личности	83
<i>Майндурова Х.М.</i> Особенности мотивационной структуры личности.....	89
<i>Османова Х.А.</i> Взаимосвязь толерантности к неопределенности и характерологических особенностей личности	93
<i>Сурхаев М.А.</i> Социальное пространство как структурное звено самосознания личности.....	97
<i>Тажутдинова Г.Ш.</i> Профилактика деструктивного поведения подростков в образовательных организациях Республики Дагестан (по результатам проведенного СПТ).....	101
<i>Хайбулаева А.Г.</i> Актуальные проблемы ценностей и ценностных ориентаций личности в современной психологии.....	108

РАЗДЕЛ 2: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ И ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

<i>Айвазова Х.Б.</i> Типология лидерства и управление коллективом...	115
<i>Ахмедов И.А.</i> Гуманистический подход в воспитании современной молодёжи как фактор психологической устойчивости в жизни общества.....	121
<i>Гапизова Х.Г.</i> Корпоративная культура и индивидуальные особенности сотрудников организации.....	128
<i>Далгатова К.М.</i> Формирование и специфика мотивации трудовой деятельности персонала в организации	131
<i>Долгунова А.В., Пирожкова В.О.</i> Особенности самооценки у гимнасток на тренировочном этапе спортивной подготовки.....	138
<i>Гаджиева У.Б.</i> Влияние психологического неблагополучия на эмоциональное самочувствие человека	143
<i>Казиева Р.З.</i> Социально-психологические аспекты межкультурной адаптации иностранных студентов.....	148

<i>Магомедова Х.Н.</i> Информационный стресс и его влияние на психическое здоровье населения	154
<i>Махачева А.И.</i> Виртуальная самопрезентация личности: организационно-психологические аспекты.....	159
<i>Нагаев Х.М.</i> Адаптивность личности как показатель жизнестойкости.....	164
<i>Омарова М.К., Ибрагимов А.И.</i> Гендерный аспект в системе управления организацией	168
<i>Яхьяев М.Я.</i> Психологические особенности современного терроризма.....	173

РАЗДЕЛ 3: ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

<i>Богомякова О.Н.</i> История жизни начинается с истории детства. Сюжеты и сценарии в работе психолога.....	179
<i>Давидян Ю.Р.</i> Дефицит материнской привязанности: психодраматическая реконструкция	183
<i>Джамалудинова М. И.</i> Применение психодраматической техники «Ресурсный атом»	189
<i>Кулакова-Куприянчук М.Н.</i> Психодрама с людьми с расстройством личности, основанная на ментализации.....	192
<i>Мусаева С.Р.</i> Работа клинического психолога в реабилитации больных с различными нарушениями ЦНС.....	198
<i>Нараленкова О.М.</i> Психодрама сотворчества: исцеляя раненое «Я» и вырастая в меру человека (психотерапевтические особенности работы с травмой)	205

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Далгатов Магомед Магомедаминович
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова»,
г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Уважаемые коллеги, хочу поприветствовать вас всех и поздравить с началом важного, научно-практического форума на площадке ведущего, главного ВУЗа нашей республики, факультета психологии и философии Дагестанского государственного университета.

В наше непростое время хочется, чтобы психологи, сказали своё слово о важности взаимосвязи науки и практики, а именно оказании квалифицированной психологической помощи, психологического сопровождения, психологической поддержки. Сегодня я говорю не только как руководитель Регионального отделения Российского Психологического Общества, но и как главный внештатный специалист по медицинской психологии Минздрава России по СКФО.

Прежде всего, когда мы говорим о проблемах и векторах развития психологии, я имею ввиду три составляющие элемента: психология как наука, психология как практика и психология как образование. Вот об этих вещах очень коротко. Говоря о науке, мы в той или иной степени, представляем не искусство, а психологическую науку. Разные теории, разные направления, и конечно в этом плане мы стараемся обучать своих студентов, давать именно научные знания. Хотя сегодня мы живём в достаточно непростое время, и говоря о науке, мы можем говорить о содержательной части. С другой стороны, важно говорить о том, как

развивается наука в республике сегодня. Конечно, здесь я должен заметить, что мотивация научной деятельности у психологов в республике сегодня недостаточно высокая и, как бы нам не хотелось, не то, что отсутствуют советы диссертационные, но сам факт, что даже имея аспирантуру в классическом университете, педагогическом университете, желающих поступать именно с мотивацией стать кандидатом наук или профессором, вообще защитить диссертацию, не очень много. Если анализировать количество молодых ученых, приходящих в науку, то за последние, может быть, семь-восемь лет защитилось два-три человека. Надо ставить этот вопрос и обсуждать его в профессиональном научном сообществе и с руководством университетов, в противном случае через 10-15 лет, не будет людей, которые будут иметь учёную степень.

По поводу тематики, конечно хотелось, чтобы мы развивали не только те вопросы, освещали те научные проблемы, которые везде освещаем, много специфичных, которые я называю вопросами социокультурного плана. И сегодня очень важен фактор религиозности. Это не исследуется ни в рамках кандидатских, ни даже магистерских диссертаций. А потом, подготавливая людей, мы имеем дело с тем, что надо работать с населением Дагестана. И не всегда выпускник-психолог, который не имеет соответствующих знаний в области религиозных учений, имеет возможность говорить и мотивировать клиента на диалог, консультацию. Поэтому я сейчас перехожу к образованию, что тоже очень важно. В учебных планах важно предусмотреть за счёт блока, формируемого образовательными организациями, то есть не федерального блока. Обязательно надо включать те дисциплины, которые исходят из той реалии, с которой мы сталкиваемся. Нет, я вовсе не говорю, что надо идти на поводу, нет, но со своей реальностью надо считаться и надо размышлять над тем, какую огромную нишу в нашем обществе занимает религиозное образование и порой функции психологического сопровождения берет на себя духовенство.

Мне подсказывает мой опыт, что надо кардинально пересматривать наш подход к организации психологического высшего образования, в контексте повышения мотивации учебно-профессиональной деятельности обучающихся. Поскольку, как показывает практика уровень подготовки студентов, которые принимают участие в разных форумах, научно-практических конференциях, оставляет желать лучшего. Здесь необходимо тесное взаимодействие между разными вузами. В рамках нашей Республики мы должны интегрироваться, развиваться и представлять свой регион на высоком профессиональном уровне. И что касается практики, здесь, конечно, я не смогу, наверное, определённо сказать, но мониторинг, проведённый в нашей сфере образования, показал, что психологическая практика в ряде случаев превращается в некое ремесло, которое не опирается ни на какие научные теории, а мы конечно понимаем, что любая психотехнология, психотерапевтическая, консультативная, коррекционная, она так или иначе корнями уходит в научные школы. На сегодня их известно более полусотни, а может больше сотни и, конечно, без теоретической концептуализации – это превращается в некое ремесло, не имеющее научного фундамента.

Очевидно, что то, что мы наблюдаем в социальных сетях, в различных сферах где идет поток предложения неквалифицированной помощи, так называемой «психологической» просто приводит к различным негативным последствиям с людьми, не имеющими представления о критериях профессиональной психологической помощи, которые становятся жертвами разного рода псевдоспециалистов.

Что касается сферы здравоохранения, то тут тоже есть проблемы, однако между научным психологическим сообществом и медико-психологическими службами республиканских учреждений здравоохранения есть взаимодействие. Недавно, состоялись встречи с социально-психологической службой Республиканского психоневрологического диспансера, мы обсудили вопросы

сотрудничества, но очевидно, что необходимо выстроить систему взаимодействия не только с государственными медицинскими учреждениями, но и с частными клиниками, которых у нас в регионе очень много. Хотелось бы, чтобы факультет психологии ДГУ и психологическая служба выступили в качестве флага в этой интеграции и взаимодействия. Эта интеграция действительно важна, нашему профессиональному сообществу и в рамках Дагестанского регионального отделения необходимо взять на себя ответственность за оказание психологических услуг на уровне региона.

Научно-практические конференции, форумы, семинары, круглые столы действительно полезны в деле развития профессионального диалога и межведомственного взаимодействия. Хочу ещё раз отметить необходимость и значимость конструктивного взаимодействия между разными направлениями, сферами науки, психологического образования и практики Республики Дагестан. Только этот диалог, взаимодействие и взаимная ответственность позволят нам выйти на новый более высокий качественный уровень психологической науки и практики.

Казиева Нуржаган Нурбагандова
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗА РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

Изучение управленческой деятельности неразрывно связано с анализом взаимодействий между руководителем и подчиненными. Особенности этого процесса подразумевают непрерывную коммуникацию, характеризующуюся тесными связями и взаимным формированием восприятий. Следовательно, роль руководителя как ключевого агента влияния особо подчеркивается при изучении

структур и особенностей, которые складывают представление о нем в глазах его команды.

Ключевые характеристики лидера, согласно многочисленным научным трудам, объединяют психологические, моральные и профессиональные аспекты его личности. В контексте управления, неоднородные свойства руководителя выявляют свою значимость в различных контингентах, под воздействием разнообразных методов и инструментов руководящего влияния.

В парадигме управленческой науки, образ руководителя признан влиятельным регулятором не только его собственной деятельности, но и работы его подчиненных. Это позволяет рассматривать образ руководителя как ключевую составляющую профессионального портрета и индикатор качества управления [5].

Сформированные сознанием подчиненных впечатления, чувства и установки, связанные с личностью управленца, определяют понятие "образа руководителя" в системе корпоративной культуры. Лидерам, по мнению исследователей, необходимо стремиться к положительной самопрезентации перед своими подчиненными, а также к развитию характеристик, способствующих лидерству.

Изучая аспекты, влияющие на формирование и восприятие образа руководителя, Д.А. Дурдыева выделяет ключевые характеристики лидера, такие как способность к общению, сопереживание, самоанализ, искусство риторики, ценностные ориентиры из педагогической и академической сфер, психологическое благополучие, профессиональные умения, результативный опыт, идейные принципы, позитивное отношение к подчиненным, способность к автономному решению задач и командованию [2].

В исследовании А.С. Чернышева рассматриваются этические аспекты, обоснована недопустимость манипуляций руководителем над восприятием его образа в сознании подчиненных [3].

Рассмотрев сущность характеристик, на которые ссылается Д.А. Дурдыева, можно прийти к выводу о том, что уважение к руководителю со стороны подчиненных и приверженность их к его управленческому стилю обусловлены прежде всего набором индивидуальных качеств самого руководителя, его образовательного и воспитательного потенциала, а также стратегическим видением лидера своей роли в организации [2].

Выявленные Д.К. Ширяевой атрибуты успешного лидера начинаются с социального положения внутри организационного контекста, воплощенного в уровне признания и значимости руководящей позиции. Взаимодействие с другими влиятельными людьми или коллективами способствуют снижению градуса авторитетности руководства. Индивидуальные черты, такие как харизматичность, решительность, высокий уровень эмоционального интеллекта следуют далее в списке значимых характеристик руководителя. Профессиональные навыки, четкое понимание и грамотное применение методов, правил, и техник для эффективного воздействия и руководства сотрудниками являются неотъемлемыми составляющими управленца. Умение использовать разнообразные роли сообразно актуальным целям и задачам осуществляемых работ, также относится к значимым характеристикам. Завершается список успешности руководства способностью к конструктивному общению с подчиненными, с учетом их мнения и способностью налаживать взаимоотношения внутри коллектива. Эти критерии являются базовыми составляющими, на которых строится идеал искусства управления в представлении эффективного лидера [4].

М.А. Бондаренко среди ключевых критериев руководства выделяет: методы воздействия и личностные характеристики руководителя. Эффективность разнообразных руководящих стилей обусловлена их адаптивностью к определенным обстоятельствам и специфическим задачам. Конкретный стиль руководства воспринимается подчиненными через набор отличительных качеств

личности руководителя, формируя таким образом множественные представления о образе эффективного управленца [1].

Способность руководителя к владению данными характеристиками напрямую влияет на продуктивность и сотрудничество между членами коллектива. Управленческая компетентность руководящего состава, несомненно, способствует становлению и поддержанию стойкого восприятия эффективной управленческой деятельности и формирует у подчиненных доверие к руководству организации.

Анализ проблемы образа руководителя показал, что данный конструкт взаимосвязан со складывающимися отношениями с подчиненными, а также с эмоциональным восприятием работников своего непосредственного начальника.

Список литературы:

1. Бондаренко М.А. Стиль руководства как предмет психологического исследования. // МНКО – 2014 № 2 (45) – С. 217-220.

2. Дурдыева Д.А. Особенности формирования имиджа руководителя как фактор повышения эффективности деятельности предприятия // Символ науки – 2017, № 1 – С. 25-30.

3. Чернышев А.С. Роль лидерства в функционировании группы как субъекта совместной деятельности. – Курск., 2019. – 243 с.

4. Ширяева Д.К. Выбор наиболее эффективного стиля руководства при управлении на предприятиях // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 1. – С. 187-191.

5. Яковлев Е. А. Образ руководителя как фактор эффективности деятельности группы. //Чувашский государственный университет. – 2009 – № 3. – С. 543-548.

Муталимова Аида Магомедбеговна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОРТРЕТА HR-ДИРЕКТОРА

Современное развитие бизнеса формирует запрос на формирование и развитие корпоративной культуры организации, построение долгосрочных перспектив компании, качественный подбор персонала, координация работы действующих сотрудников. В связи с чем растет запрос на HR-специальности и тем самым всё большее количество людей останавливают свой выбор в данной области. Однако, кажущаяся на первый взгляд ясность должностных полномочий HR-директора, остаются не изученными основные психологические критерии его профессионального портрета. Как показывает практика, за последние несколько лет становится всё сложнее успешно решать задачи, связанные с растущими требованиями бизнеса к сотрудникам организации.

Важным критерием профессиональной успешности HR-директора на сегодняшний день является способность приносить компании максимальную пользу, посредством выработки способов преодоления новых вызовов и сохранения максимальной продуктивности команды.

В стремительно меняющихся обстоятельствах особую актуальность приобретает вопрос о самых приоритетных компетенциях HR-директора.

Какими конкретно знаниями, умениями и навыками необходимо обладать человеку, чтобы стать эффективным в области HR-технологий? На что можно рассчитывать линейным менеджерам от современного HR-директора?

В данном докладе мне хочется обозначить некоторые критерии, которые позволяют нам иначе посмотреть на привычную для

организационно-психологического анализа HR сферу и профессиональную деятельность современного HR-директора.

Подобный анализ позволит HR-отделам компаний более успешно решать возникающие перед ними задачи, а главное – это позволит поднять достаточно сложную профессию HR-директора на качественно новый уровень.

Понятие «HR» (human resources – кадровые ресурсы) зачастую применяется в самых разных аспектах. Порой термином HR могут называть и отдельный вид профессиональной деятельности, и отдел, а также подразумевать большую обобщенную сферу деятельности с человеческими ресурсами и кадровым потенциалом.

На современном этапе можно выделить ряд основных аспектов на наш взгляд наиболее точно характеризующих HR-направление.

1. Выработка стандартов профессии. Основная ориентация профессии HR направлена на достижение высоких бизнес-результатов. Устанавливаются профессиональные стандарты в HR сфере, которым необходимо соответствовать, в то время как ранее, HR-департаменты выдвигали минимальные необходимые базовые компетенции для специалистов.

2. Дифференциация HR подразделений. Современный рост и укрупнение организаций, требует деятельности отдельных структурированных HR-департаментов, осуществляющих реализацию стратегических целей компании.

3. Расширение сферы деятельности. На сегодняшний день деятельность HR расширяется до технологий управления персоналом и организацией в целом. Основная часть деятельности HR подразделений сконцентрирована на работе с человеческими ресурсами: отбор и найм персонала; корпоративное обучение; тренинговая работа по формированию профессиональных навыков у сотрудников компании; аутсорсинг. Кроме того, сфера деятельности HR-департаментов связана и новыми подходами к регуляции трудовых взаимоотношений и соблюдению сотрудниками условий

труда, а также к оценке персонала, которая влечет за собой премирование и стимулирование сотрудников

4. Взаимосвязи в компетенциях HR с другими специалистами.

Новые ориентиры современных бизнес компаний связаны с оптимизацией рабочего пространства (склады, производственные цеха, офисы и т.д.). HR-департаменты совместно с узкими специалистами вырабатывают стратегии по улучшению условий труда, что безусловно повышает потенциал деятельности сотрудников (оформление рабочего места, принятие эргономических решений в организации рабочего пространства).

Подвергая анализу деятельность HR-директоров, хочется отметить, что большинством компаний сфера HR отождествляется с таким узким направлением как работа с персоналом. Однако, деятельность HR направления гораздо шире, на сегодняшний день помимо работы с человеческими ресурсами HR-директора крупнейших компаний занимают серьезное место в руководстве организаций, принимают непосредственное участие в принятии стратегических бизнес-решений, являются членами советов директоров или акционеров.

За последние десятилетия можно наблюдать ряд изменений, происходящих в сфере HR: феминизация профессии; повышение уровня профессионализма; от административной деятельности к стратегической.

Отметим, что в экспертном профессиональном HR-сообществе активно обсуждаются основные профессиональные компетенции? которыми необходимо владеть современным HR-директорам. Как показывает анализ представленных в интернет пространстве резюме потенциальных HR-директоров, основным направлением в его деятельности является построение организационной культуры компании, что безусловно является ключевым сектором компании. HR-департаменты занимаются обучением управляющих компании, через которых формируют корпоративную культуру всей компании.

Таким образом, являясь основным проводником корпоративной культуры, детерминирующей развитие компании HR-директору необходимо:

- создавать корпоративную культуру;
- создавать благоприятные условия для изменений;
- персонализировать корпоративную культуру;
- утверждать корпоративную культуру.

Таким образом, анализируя динамику самой профессии HR директора, становится очевидным, что современная прогрессивная бизнес сфера поднимает требования к HR-директорам, предъявляются психологические критерии как предикторы готовности личности следовать требованиям современного бизнеса, владеть ключевыми профессиональными качествами и высокой долей ответственности за принимаемые решения.

Все это безусловно расширяет сферу стратегических задач и возможностей HR-директора в компании, который оказывается на равных позициях с лидерами компании, принимающими решения.

*Джабраилов Арсен Набиевич
Психологический центр ФГБОУ ВО ДГУ «Пси-фактор»
им. А.М. Ахмедханова,
г. Махачкала*

ДЕФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРИЧИНА НЕВРОТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Жизнь современного человека характеризуется, как «нестабильная» и «неопределенная». Личность, оказавшаяся в ситуации динамически меняющегося мира, вынуждена каждый раз искать новые ориентиры на пути к обретению внутренней стабильности и определенности своего будущего.

В настоящее время «проблема поля психологии личности существенно расширилась». На поверхность выходят проблемы, касающиеся «механизмов личностных изменений, личностной

автономии, субъектности и самодетерминации, а также отношений с неопределенностью» [5. с. 293]. Необходимость каждый раз выходить за «пределы привычного контекста и зоны комфорта может способствовать возрастанию негативных последствий на личностном уровне» [10]. При этом человек, оказавшийся перед подобным выбором, боится потерять собственную идентичность, испытать тревожность, неуверенность и т.д. Это приводит к тому, что «человек рассматривается, как изолированное от мира существо» [1].

Неопределенность рассматривается как один из вызовов современного мира, по отношению к которому возможен широкий спектр индивидуальных стратегий – от максимального избегания неопределенности и изгнания ее из жизни, иногда принимающих формы клинического невроза, до принятия неопределенности и получения удовольствия от гибкого реагирования на изменяющиеся условия [4]. Широкая коммуникация позволяет личности развиваться, усваивая в процессе социализации, принятые данным обществом нормы общежития, и качества, одобряемые данным социумом. Ограничения взаимодействия с обществом, в котором живет отдельная личность, ведет к деформации идентичности в целом или ее отдельных видов. Тот факт, что личность продолжает формироваться и развиваться в процессе коммуникации, в диалоге с другими, а не является совокупностью раз и навсегда заданных, имеющих врожденную природу, качеств, независимых от среды, ситуации и взаимодействия с другими, редко учитывается.

Именно страх неопределенности будущего и потери важной для себя стабильности настоящего толкает человека к поиску оптимальных, а значит доступных для него форм совладания с возникающими в социуме трудностями. Человек, в особенности молодой человек, находится в постоянном поиске оптимальных путей «налаживания контакта» с миром, в котором живет. Если в силу индивидуальных ограничений это не получается, мы

сталкиваемся с деформацией идентичности и, как результат, с проблемой развития личности.

Само понятие идентичности за последние 30-40 лет пополнилось весьма разнообразным содержанием. Это произошло не только в силу его все большей «принадлежности» к разным областям гуманитарных знаний, но и – прежде всего, - в силу внимания исследователей к различным аспектам процесса социальной идентификации (гендерному, профессиональному, этническому, религиозному и т.д.) [2. с.308].

Если мы рассматриваем идентичность как «результат переживания и осознания своей принадлежности к определенной социальной группе посредством противопоставления существованию других групп» [11], то зачатки ее деформации начинаются в дошкольном (2-4 года), а закрепляются в подростковом возрасте. Именно в этом возрасте ребенок учится взаимодействовать с другими людьми, принимая или отвергая те или иные нормы социальной коммуникации. Неудачный опыт идентификации или ее частичное (а порой и полное) отсутствие приводит к нарушениям в усвоении норм и правил социальной группы и, как результат, закладывает основу для последующей деформации той или иной идентичности в подростковом и юношеском возрасте. Такая деформация, на наш взгляд, становится основой для развития невроза, как расстройства личности. Однако, если деформация идентичности не просто закрепляется, а продолжается, это может привести к личностному расстройству. Таким образом, разница между неврозом и личностным расстройством зависит от степени «повреждения» структуры личности и деформации ее идентичности.

Проблема идентичности, как важный фактор, определяющий выбор поведения в межкультурном и межличностном взаимодействии, в настоящее время вновь приобрела свою актуальность. Этот всплеск интереса к данному явлению продиктован и теми факторами нестабильности современного

общества, в котором представлена каждая отдельная личность, и неопределенностью будущего этой самой личности. Как справедливо замечает Т.Д. Марцинковская, «проблема идентичности всегда актуализировалась в сознании ученых и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, когда вставали вопросы о том, какие нормы, ценности, эталоны будут востребованы завтра, как будут трансформироваться нормы и правила поведения» [6].

Анализ идентичности и ее содержания показывает, что в настоящее время мы можем говорить не только об утрате отдельной идентичности или ее целостности, являющейся фундаментом здоровой личности, но и о том, что присутствует некоторый промежуточный вариант развития идентичности. В данном случае, последняя определяется «как представление человека о себе в данное время и заданном социальном контексте взаимодействия» [2, с. 314]. Понятие «возможного Я», введенное Х. Маркусом и П. Нуриусом, как нельзя лучше описывает вышесказанное, показывая, что один набор «Я» актуализируется чаще, а другой реже, в зависимости от ситуации.

Ойзерман Д. в своей «теории мотивации, основанной на идентичности», отмечает, что «возможные Я» разделяются на те, которые оказывают влияние на поведение человека («само-регулирующие») и те, которые служат лишь некоторым эмоциональным фоном («само-улучшающие»). При этом задача первых – направлять Я к потенциальным целям, а задача вторых – поддерживать позитивную самооценку. Белинская Е.П. пишет: «Очевидно, однако, что может случиться обратное. А именно – «само-регулирующее возможное Я» оказывается нерелевантным ситуации, а «само-улучшающее возможное Я» не выполняет своей функции» [2, с. 318]. В этом случае у человека возникает ощущение проигрыша в попытке найти оптимальное решение сложившейся вокруг него социальной ситуации со всеми своими вызовами, против которых и начиналась данная борьба. Это приводит к

внутриличностной конфликтности, которая, как известно, есть основа развития невроза.

Жизнь, как показывает практика, - это постоянный выбор. Выбор человека всегда ориентирован на значимые и определенные его потребностями объекты. Мясищев В.Н. писал, что «проблема значимости, существенности или важности того или иного объекта и воздействия приобрела свой объективный смысл со времен работ И. П. Павлова. Для человека это – связь с жизненно существенным обстоятельством. При этом необходимо сделать оговорку о том, что жизненно существенной для человека является не только ассоциативная, иначе говоря временная, связь с безусловными раздражителями, а существо, смысл, т.е. основные признаки предмета, явления или ситуации и его связь с жизненными интересами, которые имеют для человека характер, прежде всего социальный, моральный или экономический. Невроз потому является болезнью личности, что он вызывается обстоятельствами значимости в системе отношений личности» [6, с. 203].

Деформация идентичности ведет к необходимости «нахождения баланса изменчивости/устойчивости «Я», которое видится либо в достижении согласованных (неконфликтных) социальных «Я», либо в «укреплении» персонального «Я». Таким образом, в первом случае Я «договаривается с другими», а во втором случае «с самим собой», что отражает суть Принципа Реальности Э. Берна. Однако необходимо учесть, что Э. Берн писал о трех группах сил, с которыми надо договариваться: самим собой, другими людьми и Природой. Только в этом случае можно говорить об устойчивости личности к ситуации неопределенности, как вызова современности. Именно такой подход дает нам возможность создавать определенность из хаоса неопределенности, а не надеяться на «лучшее», т.е. перекладывать ответственность за свою жизнь на других [3, с.111]. В противном же случае мы имеем дело с деформацией идентичности, например, биосоциальной, при которой

человек не может точно определить: человек он или животное, например, фурри, рептилоид или кошка и др.

Человек, оказавшийся в подобной ситуации «обречен на постоянный и не приносящий удовлетворения, незавершенный процесс поиска и «примерок» разных идентичностей, причем его «Я» остается некоторой пустой полостью или ускользающей химерой» [9, с. 324]. Это все формирует страх перед любой определенностью, так как она подпитывает состояние внутренней неопределенности. Вопросы: Кто «Я»? , Зачем я живу?, В чем смысл жизни? и другие вновь приобретают свою актуальность в современном нестабильном и неопределенном мире. В мире хаотически меняющихся ценностей, иллюзий, трансгрессии и расплывающихся границ между дозволенным и запретным высшей ценностью становится манипулирование (самим собой и другими), всевластие личного произвола в конструировании и бесконечном «переиздании» собственного «Я» (ценностей, телесного облика, пола), а также забота о перфекционистской шлифовке фасадного и фальшивого образа «Я».

Чем многообразнее становится мир, чем быстрее происходит смена ценностей, тем более проявляются люди, не способные адаптироваться к этим изменениям, к этой нестабильности и неопределенности. Попытки адаптировать свое «Я» к этим социальным трансформациям требуют мобильности, быстроты реагирования и большого внутреннего потенциала. В противном случае, человек вынужден искать различные способы адаптации, которые «размывают» его идентичности, что в итоге приводит к невротическому развитию личности или даже к развитию личностного расстройства. Белинская С. пишет: «В таком искаженном пространстве идентичности нет не только необходимых альтернатив, не только возможностей самоконструирования в толерантном к используемым различиям диалоге, в нем нет и самого будущего – и как «времени идентичности», и как механизма,

переводящего энергию «возможных Я» в реальные действия» [2, с. 317].

Джордж Келли писал, что «человек нашего времени - это уже не тот человек, что человек 20-тилетней давности, а популярные психологические теории описывают вчерашнего человека, не успевая за сегодняшним» [12]. Сегодня в психологической практике все чаще встречаются люди с «размытой» идентичностью. Это свидетельство появления и развития клиента/пациента нового типа, «чьи жизненные неудачи не в последнюю очередь обусловлены непереносимостью, неопределенностью и постоянной необходимостью «подгонять» себя под требования социума, чтобы не остаться без устойчивых моделей человеческих отношений и перспектив будущего. Однако глубина дезадаптации может угрожать самой их жизни» [9, с. 326]. Личность, – по мнению Г. Олпорта, - это скорее переходный процесс, чем законченный продукт. В ней есть некоторые стабильные черты, но в тоже время она постоянно изменяется [8]. Однако современное общество меняется с огромной скоростью, а соответственно, требует от личности таких же быстрых изменений. Столь быстрые изменения могут происходить либо с нарушением структуры и/или функции всей личности, либо деформацией ее отдельных идентичностей. И в первом и во втором случае, мы можем говорить о развитии невроза.

В данном случае, мы считаем, что «невроз – это нарушение нормальной жизнедеятельности личности субъекта, связанное с повреждением ее структуры и функции под влиянием чрезмерных раздражителей внешней и внутренней среды» [3, с. 145], к которым можно отнести проблему деформации идентичности. Таким образом, деформация идентичности становится одной из серьезных психологических проблем, способствующих развитию невроза, как болезни личности в результате повреждения ее структуры и/или функции, к которым проблемы идентичности, описанные выше, имеют непосредственное отношение. Как писал В.Н. Мясищев: «Невроз представляет болезнь личности еще и потому, что нигде,

как в неврозе, с такой полнотой и выпуклостью не раскрывается перед исследователем личность человека, нигде так убедительно не выступает болезнетворная и благотворная роль человеческих отношений, нигде так ясно не выступают уродующая и целительная сила воздействия, не сказывается с такой отчетливостью роль созданных людьми обстоятельств» [6, с.204]. Невроз по сути это проблема отношений человека с той реальностью, в которой развивалась и представлена его личность.

Данная ситуация, в которой оказался и живет современный человек, толкает его на поиск внутренней ресурсной базы для сохранения своей целостности путем укрепления идентичности в частности, и личности в целом, а приводит к их деформации и, как способ адаптации к требованиям общества, объединению в новые социальные группы, данным обществом порицаемые. Таким образом, проблема идентичности не решается, а усугубляется. Хаос современного мира скорее говорит о том, что в нем не просто установилась неопределенность, а мир потерял смысл. Продолжая мысль Леонтьева о том, что «кризис смыслоутраты возникает при столкновении существа, ищущего смысл, с миром, который сам по себе смысл не содержит» [5, с. 300], мы можем говорить, что сегодня человек, страдающий неврозом, проигрывает в борьбе за собственную идентичность миру, который направлен на ее деформацию. Таким образом, разворот мирового сообщества в сторону традиционных ценностей может вернуть личность в целостное состояние и помочь в восстановлении ее идентичности.

Сегодня мы не ставим перед собой задачу определить критерии нормы и патологии, связанные с деформацией или утратой идентичности. Скорее мы приглашаем коллег к обсуждению данного вопроса.

Список литературы:

1. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Смысл, 2001.
2. Белинская Е.П. Изменчивость Я: Кризис идентичности или кризис знания о ней? // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* /

Под ред. Александра Асмолова. —М.: Издательский дом ЯСК, 2018. — 546 с.

3. Джабраилов А.Н. Сценарно-ролевая психотерапия. Теория и практика. / Арсен Джабраилов. — Санкт-Петербург: Реноме, 2024.

4. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования, 2015. 8 (40). 10. (URL:<http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40/html>)

5. Леонтьев Д.А. Экзистенциальный подход в современной психологии личности. // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под ред. Александра Асмолова. —М.: Издательский дом ЯСК, 2018. — 546 с.

6. Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования, 2014. 7 (36). 1. (URL:<http://psystudy.ru>)

7. Мясищев В.Н. Психология отношений. Избранные психологические труды. Под ред. А.А. Бодалева. Москва-Воронеж, 1995.

8. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.

9. Соколова Е.Т. Трансформация идентичности в условиях социокультурной неопределенности // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под ред. Александра Асмолова. —М.: Издательский дом ЯСК, 2018. — 546 с.

10. Солдатова Г.У., Шейгерова Л.А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций// Психологические исследования, 2015. 8 (40). 10. (URL:<http://psystudy.ru>)

11. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Издательство «Питер», 2019.

12. Kelly G/ Clinikal psychology and personality: The selected papers of George Kelly / Ed. By V. Maher. N. Y. Wiley, 1969

Назыров Равиль Каисович
ООО «Институт психотерапии и медицинской
психологии РПА им. Б.Д. Карвасарского»
г. Санкт-Петербург

ПСИХОТЕРАПИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ (МЕДИЦИНСКАЯ) ПСИХОЛОГИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И НЕРЕШЁННЫЕ ВОПРОСЫ

Приветствую Вас, уважаемые коллеги! Мы делаем первые шаги к сотрудничеству, и мне очень приятно, что они выражаются в том числе в разных формах, то есть, с одной стороны коллеги организовываются и включаются в образование, потому что наш институт, конечно, проводит очень неплохо образование в области психотерапии, но я отдаю себе отчёт, и мы все осознаём, что психотерапия в этом плане базируется на прочном фундаменте психологических наук и мне очень важно, что на таких конференциях можно наряду, в том числе с обсуждениями психологии в других областях социальной практики, HR-деятельности, можно ещё коснуться других важных вопросов о том, что в психологии является несущей областью психотерапии.

С моей точки зрения, такое сотрудничество имеет очень важное значение, и мне кажется, что сообщество профессиональное, в котором уживаются и индивидуальная, и социальная, и клиническая, медицинская психология, конечно имеет высокий шанс для развития, и в том числе внедрения достижений современной психологии во все области социальной практики. Мне кажется, что это тем более важно в медицине, что когда мы говорим сегодня о современной медицине и о ресурсе биомедицинских подходов, то вы всегда увидите в литературе, в монографиях, в публикациях, коллеги, одно и то же говорят – это примерно 10-15-20% всё, что может сделать сегодня специалист в области медицины, оказывая влияние и воздействие на жизнь человека. Имею ввиду, что это воздействие биомедицинское. А мы с вами понимаем, что, по сути,

биомедицинское воздействие является следствием того, как человек живёт, как он функционирует, как он взаимодействует, какие, вообще говоря, стратегии он реализует, свои свойства личности, как он относится к здоровому образу жизни и другим важным вопросам. То есть, другими словами, если бы можно было бы включить в эту работу современные достижения психологических наук, то я думаю, что система здравоохранения могла бы повысить качество своей эффективности.

Моё выступление будет касаться психотерапии и клинической психологии, в том числе и некоторых тенденций, которые сегодня появляются, которые переплетаются между собой в медицинской и клинической психологии, психотерапии, ну и каких-то очень важных нерешённых вопросов.

Какова миссия института психотерапии и медицинской психологии им. Б.Д. Карвасарского?

Коллеги, прошу вас понять, что роль нашего института, миссия института психотерапии и медицинской психологии имени Карвасарского, моего учителя, человека, который этот институт, по сути, отправил в такой профессиональный путь, это развитие медицинской модели психотерапии, передовой концепции которой является Клиническая психотерапия, которая базируется на достижениях современной клинической психологии.

Вот если мы зададимся вопросом – зачем вообще психотерапия и психология в медицине? Зачем это нужно? То есть, как это необходимо и т.д.?

Рассмотрим психологию в медицине.

Если исходить из того, что лишь 10-15% деятельности здравоохранения реализует лечебно-оздоровительный потенциал здоровья человека, то это верно лишь при условии, что усилия врачей и «иного» медицинского и немедицинского персонала сосредоточены в «биологической» плоскости его лечения. Далее, при более широком подходе к заболеванию и лечению

обнаруживаются дополнительные ресурсы, предоставляемые психологией.

Коснёмся сегодня таких важных вопросов, как например, некоторых типов расстройств, ну, например, шизофрении. Сегодня можно говорить о доказанной эффективности психосоциального воздействия: применение индивидуальной и семейной психотерапии при лечении шизофрении снижает риск повторного приступа в 2,2 раза; применение системы психотерапии при лечении шизофрении (психотерапевтическая среда, индивидуальная, семейная и групповая психотерапия) – снижает риск повторного приступа в 3,4 раза.

То есть, таким образом, если представить себе, что человек обратился за психиатрической помощью, то, если так перетрактовать эти цифры, то можно сказать, что мгновенно заболеть шизофренией может человек, которому это суждено, но иметь повторный приступ – это значит, что помощь оказывается плохо, это значит, что ни психологи, ни психотерапевты не соприкасаются с этой сущностью души и с этим человеком и его семьёй, а если бы мы привлекли туда очень качественным образом психотерапевта, психолога медицинского, социального специалиста, то тогда мы могли бы фактически создать условия для снижения риска повторного приступа, а значит вообще устранения вот этих эффектов госпитализации наших пациентов. По крайней мере, есть замечательные примеры и у моих коллег, и у меня тоже, когда тяжёлые заболевания, такие, как шизофрения, при хорошем психотерапевтическом обеспечении и оснащении могут создавать условия для полноценного погружения пациента в реальную жизнь, снижения риска повторного приступа, возможны социальные оформления и даже успешная социальная практика. А если мы говорим о таких вещах, как например, невротические расстройства, соматоформные расстройства, зависимости, то здесь мы должны понимать, что без психотерапии невротические расстройства, другие пограничные расстройства просто не могут вылечиться.

Сегодня есть подтвержденные данные о том, что применение когнитивно-поведенческой или интерперсональной психотерапии при лечении депрессии в сочетании с фармакотерапией – снижает риск повторного приступа в 2,3 раза, а психотерапия при невротических и соматоформных расстройствах является патогенетической.

Следующий вопрос, который хотелось бы обсудить, касается биопсихосоциальной парадигмы в медицине и психиатрии.

В биопсихосоциальной модели Engel G.L. (1980) отдельные части рассматриваются в их динамическом единстве постоянного изменения и взаимного влияния как иерархическая структура:

- Биохимически-молекулярный уровень;
- Клеточный уровень;
- Личностный уровень;
- Культурно-общественный (социальный) уровень.

Сегодня, дорогие друзья, современная парадигма медицины – это биопсихосоциальная парадигма в понимании болезни и лечения, её сформулировал Engel в 80-ых годах прошлого века, в которой он предлагает рассматривать отдельные части в динамическом единстве с постоянным взаимодействием, иерархизацией этих структур. Конечно, мы сами видим, что сегодня современное понимание медицины предполагает, что должно быть синтезировано всё, начиная от биологической базы, клеточного уровня, дальше восходить к личностному, к культурно-общественному (социальному) уровню функционирования человека. Как вы понимаете, личностный и культурно-общественный план человеческого функционирования, здоровья и болезней, конечно должны определяться современным развитием психологии, психологических наук и психотерапии.

На мой взгляд, необходимо коснуться краткой истории психологии и психотерапии в медицине.

Для отечественной психологии в её значении для здравоохранения вторая половина XX в. и начало XXI в.

характеризуются сменой концептуальных парадигм. Можно выделить четыре основных этапа, первый из которых начинался в начале 20-го века и был связан в нашей стране с именем Бехтерева, который создавал и очень много всего сделал для психологии, одна из первых лабораторий была связана с его работами.

Следующий этап – это патопсихологический этап доминирования Московской школы Б.Ф. Зейгарник и Ю.В. Полякова, которые имели своей целью обогащение сознания врача представлениями о роли психологических функций в здоровье и болезни, и я подчёркиваю, что конечно это вот такая миссия двух этих важных наших психологов, Зейгарник и Полякова, создавших такой прецедент, профессиональный подвиг, по сути. Вы помните, Зейгарник очень точно ограничивала психологов и просила их не включаться в интервенцию в медицине, не заниматься психологической практикой, а только диагностикой. Я считаю, что это была очень качественная идея, которая, по сути, имела целью зародить представление врачей о роли психологического фактора в болезни и лечении, здоровье и других состояний и, таким образом, эта задача была выполнена.

Следующий этап – это уже работа Мясищева, Ананьева и Карвасарского, моего учителя, которые фактически развивали такой важный этап медицинской психологии, в понимании такой позиции, в Петербургской (Ленинградской) школе психологии/психотерапии и, по сути, с её попытками определить вот это место психологии в медицине, которое было реализовано.

Последний этап, как нам кажется, наивысшая стадия развития психологии в медицине – это клиническая психология, которая сегодня находит своё место, хотя этот процесс очень непростой и, возможно, так же, как и в других странах, мы сохраним возможно и медицинскую, и клиническую психологию, что было бы полезно для наших пациентов.

В некоторых странах, например, России, Франции, США, остаётся и медицинская, и клиническая психология.

Рассмотрим организационные этапы развития психотерапевтической помощи в РФ:

- 60-ые годы – первые психотерапевтические кабинеты в психоневрологических диспансерах;
- 1975 год – Приказ Минздрава СССР от 02.09.75 г. №791 «О мерах по улучшению психотерапевтической помощи населению»: психотерапевтические кабинеты в крупных городах;
- 1985 год – Приказ Минздрава РФ от 31.05.1985 г. «О дальнейшем совершенствовании психотерапевтической помощи населению»: появление прообраза первых полипрофессиональных бригад (врач-психотерапевт и медицинский психолог);
- 1995 год – Приказ МЗ и МП РФ от 30.10.1995 №294: интеграция в медицину, появление психотерапевтических стационаров;
- 2003 год – Приказ МЗ РФ от 16.09.2003 г. №438 «О психотерапевтической помощи»: целостная служба в здравоохранении, появление психотерапевтических центров;
- 2012 год – Порядки оказания психиатрической и наркологической помощи;
- 2022 год – Расширение медико-психологической базы психотерапии в медицине.

Если мы с вами отдельно рассмотрим организационные этапы развития психотерапевтической помощи в РФ, то она у нас в стране, видите, началась в 60-ые годы, с большим запозданием получается. Помните работы Фрейда? Там конец 19-го века, а у нас в 20-ом веке возникла эта очень важная история. Одна из проблем была связана с тем, что мощная школа И.П. Павлова, как мы говорим, тогда победила подход Фрейда, который был не совсем научно обоснованный, и к этим вопросам вернулись только в 60-ые годы, когда возникли первые кабинеты психотерапевтические, потом 1975 год - уже более системный подход, в 1985-ом году появляется прообраз первых полипрофессиональных бригад, куда включаются врач-психотерапевт и медицинский психолог. В медицине мы

считаем, что медицинский психолог – это важнейший наш партнёр, которому приписывается отдельное автономное состояние, что было подкреплено приказом 1995-го года. В 2003 году этот приказ, по сути, стал формированием психотерапевтических центров, с 2012-го года существуют порядки оказания так называемой психиатрической и наркологической помощи. И в 2022-ом году – мощный прорыв в психологии и медицине, потому что значительным образом расширяется эта медико-психологическая база психотерапии в медицине, за счёт того, что формируются две очень важные организационные формы, когда психолог становится не только партнёром врача, он становится ведущим специалистом в ряде случаев. О чём я говорю – с 2022 года в новом варианте порядка оказания психотерапевтической помощи, помощи при психических расстройствах определены такие рабочие места и организационные формы, как кабинет медико-психологической помощи в системе здравоохранения и кабинет медико-психологического консультирования.

Важным, на мой взгляд, будет сегодня рассмотрение вопроса о соотношении клинической и медицинской психологии. Что важно понимать и о чём следует говорить? Во-первых, этап медицинской психологии позволил ещё больше упрочить роль психологии в медицине и распространить её на все основные области, а также её приложения, в частности, в экспертную практику. Во-вторых, важна интеграция психологии в различные области медицины: к числу таких областей можно отнести нейропсихологию и психологические аспекты нейрореабилитации, психосоматическую концепцию и психологию психосоматических составляющих, клиническую психодиагностику и ряд других. В-третьих, существуют ограничения, связанные с медициной и её контекстно-организационной рамкой. В-четвёртых, психология в медицине в качестве медицинской психологии имела и ряд системных ограничений. К их числу можно отнести формирование определённой тенденции к «копированию медицинской

психологией методологических принципов самой медицины предшествующего периода, практически полностью лишенной сколько-нибудь ясного понимания роли личности в возникновении и течении болезни. Именно поэтому в первую очередь получили развитие разделы психологии, рассматривающие:

- Нейропсихологию;
- Психические функции;
- Психосоматические соотношения.

Нельзя не сказать о фрагментарности развития медицинской психологии, выразившейся в неоднозначном представлении об её предмете. Так, медицинская психология - часть медицины (а не психологии), в связи с чем на последнем этапе стали активно обсуждаться идеи подготовки комплексных специалистов, например, врача-психолога или привлечение для выполнения психологических мероприятий медицинских работников со средним медицинским образованием.

При рассмотрении клинической психологии как самостоятельной психологической специальности намечается тенденция к интеграции основных её достижений с методологической переработкой существующих идей и практических достижений вокруг естественного центра психологического видения человека – концепции личности.

В этом смысле клиническая психология сегодня, творчески интегрируя достижения своих предшественниц, становится научной психологической личностно-центрированной дисциплиной, включающей в себя всю систему использования психологических знаний в клинике – диагностику, интервенцию, а также психологическое обеспечение лечебно-диагностического процесса в целом.

Однако, такая интеграция ещё далека от завершения, и не случайно до сих пор формирующаяся клиническая психология входит в медицину постепенно и поэтапно, например, сохраняется и, видимо, пока сохранится, наименование должности «медицинский

психолог» и понятие «медицинская психология» в качестве научной специальности Высшей аттестационной комиссии (ВАКа) при изменении названия и сути соответствующей им образовательной дисциплины «клиническая психология».

Что необходимо для развития клинической психологии? Для ускорения процесса перехода от медицинской психологии к клинической психологии предстоит ещё решить ряд задач, к числу которых можно отнести:

- 1) Научно-теоретический анализ необозримых результатов научных исследований с переводом их в систематическое знание;
- 2) Научные и организационные усилия по созданию клинико-психологической классификации, отражающей связь диагностической и коррекционных составляющих психологии в медицине;
- 3) Развитие системы непрерывного образования;
- 4) Проведение переобучения медицинских психологов на клинических с задачей специалисту-клиническому психологу соответствующего его знаниям и роли в здравоохранении статуса аутентичного специалиста, а не помощника врача, как это было принято ранее, а также
- 5) Создание организационных условий для развития клинической психологии в медицине.

Сегодня в психологии есть медицинская психология как специальность в здравоохранении, медицинская психология как специальность ВАК России и клиническая психология как специальность по образованию.

Клиническая психология – специальность широкого профиля, имеющая межотраслевой характер и участвующая в решении комплекса задач в системе здравоохранения, в образовании, в оказании социальной помощи, в спорте, в оказании помощи населению при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Работа клинического психолога направлена на повышение психологических ресурсов и адаптационных возможностей

человека, гармонизацию психического развития, охрану здоровья, профилактику и преодоление недугов, психологическую реабилитацию и т.д.

Предмет клинической психологии как научно-практической дисциплины включает в себя: психические проявления различных расстройств; роль психики в возникновении, течении и предупреждении расстройств; влияние различных расстройств на психику; нарушения развития психики; разработку принципов и методов исследования в клинике; психотерапию, проведение и разработку методов; создание психологических методов воздействия на психику человека в лечебных и профилактических целях.

Клиническая психология как прикладная персонология рассматривает проблемы организации психотерапевтической и медико-психологической помощи, изучает условия для психотерапии и клинико-психологической интервенции; вопросы подготовки специалиста (врача-психотерапевта, медицинского психолога, социального специалиста); психотерапевтический (психологический) контекст лечения; создание психотерапевтической (лечебной, реабилитационной) среды; создание условий для включения психотерапевтической помощи и клинико-психологической интервенции в систему регионального здравоохранения, а также развитие материально-технической базы психотерапевтической помощи.

Рассмотрим медико-психологическую помощь и психотерапевтическую помощь в РФ 2022 год.

В структуре психотерапевтической помощи основными формами её организации являются следующие: психотерапевтический центр; психотерапевтическое стационарное отделение; психотерапевтический кабинет; кабинет медико-психологической помощи; кабинет медико-психологического консультирования; вспомогательные формы организации психотерапевтической помощи (кабинеты психологической

разгрузки, кабинеты социально-психологической помощи, психологические консультации в системе здравоохранения, психотерапевтические клубы и «клубы бывших пациентов», психотерапевтические студии);

Кабинет (отделение) медико-психологической помощи (далее - Кабинет) является структурным подразделением медицинской организации или иной организации, осуществляющей медицинскую деятельность (далее - медицинская организация), имеющей лицензию на осуществление медицинской деятельности, предусматривающую выполнение работ (оказание услуг) по "психотерапии" или "психиатрии". Данное структурное подразделение Утверждено Приказом Минздрава РФ от 14.10.2022 N 668Н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения»

Кабинет (отделение) медико-психологической помощи осуществляет следующие функции:

1) оказание первичной специализированной медико-санитарной помощи лицам, пострадавшим при чрезвычайных ситуациях, пострадавшим от различных видов насилия и злоупотреблений, а также лицам с нарушением адаптационных реакций, суицидальным и самоповреждающим поведением (далее - пострадавшие);

2) проведение психосоциальной реабилитации пострадавших;

3) направление лиц, страдающих психическими расстройствами или имеющих риск их развития, при наличии медицинских показаний в медицинские организации, оказывающие медицинскую помощь при психических расстройствах;

4) направление лиц, страдающих психическими расстройствами или имеющих риск их развития, при наличии медицинских показаний на консультацию к врачам-специалистам;

5) осуществление мероприятий по профилактике психических расстройств.

Как создать, как осуществить внедрение подразделений психотерапевтической помощи?

Для этого необходимы: внедренческий проект, программа создания подразделения, команда внедрения, администрация, полипрофессиональная бригада, консультанты ИПМП, описание (модель деятельности), направление пациентов, приём пациентов, диагностика, осуществление полипрофессиональной интервенции, оценка результатов, коррекция системы деятельности, опытный образец в рамках деловой игры, регулярная деятельность и проектная поддержка.

Для обучения специалистов для психотерапии необходим принципиальный компетентностный подход. Это когда специалисты применяют в нужное время в нужном месте профессиональный приём, который обеспечивает достижение клинического результата!

Какие на сегодняшний день существуют нерешённые вопросы?

- Упрощенное понимание психического;
 - Постнеклассический характер пограничных расстройств, психотерапии;
 - Трансформация психотерапии в клиническую психотерапию;
 - Надметодическое положение клинической психотерапии;
 - Психотерапия для пациента, а не пациент для психотерапии.
- Благодарю за внимание!

Омарова Марина Карахановна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

ВЛИЯНИЕ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ

Перфекционизм как проблема, несмотря на небольшой срок существования, вызывает интерес у довольно большого числа исследователей, предлагающих своё понимание данного конструкта,

и выдвигающих предположения о причинах его появления в структуре индивидуальности. Как о феномене, о перфекционизме впервые упомянул в своей работе М. Холлендер в конце 60-х годов прошлого века. Достаточно известны в психологической науке теории перфекционизма П. Хьюита и Г. Флетта, Р. Фроста, модель Р. Слэней и Дж. Эшби. В отечественной науке проблема представлена именами Холмогоровой А.Б., Гаранян Н.Г. и пр.

Каждый, кто стремится к совершенству, точности и аккуратности при выполнении какой-либо деятельности, обретает статус «перфекциониста», причём эмоциональный окрас при различных обстоятельствах это слово может иметь как позитивный, так и негативный. В основе термина «перфекционизм» лежит латинское слово «perfectio», что в самом широком смысле можно трактовать, как стремление к безупречности и совершенству.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что взгляды на перфекционизм в философии и социологии значительно разнятся со взглядами психологов. Так, для философов перфекционизм представляет собой стремление к самосовершенствованию, совершенству своих моральных и нравственных качеств. Для большинства современных психологов перфекционизм выглядит, как ситуация предъявления к себе и окружающим людям излишне высоких требований, соответствовать которым не так-то уж и легко. Американский ученый Барнс Д. как основу перфекционизма рассматривает механизм искажения когнитивной структуры личности. Быть перфекционистом – значит быть человеком с невероятно высоким уровнем притязаний, придающим слишком высокую значимость собственным достижениям, преувеличенной требовательностью к себе и другим, а также не терпящий ситуации со своими и чужими ошибками [8].

При анализе проблемы перфекционизма стоит сказать о перфекционистской самопрезентации, как стремлении индивида к демонстрированию своего совершенства другим людям и склонностью прятать собственные недостатки. Отличие этих двух

явлений состоит в том, что для истинного перфекциониста достижение лучшего результата стоит на первом месте даже тогда, когда единственным человеком, который может дать оценку результату, является он сам. При этом в перфекционистской самопрезентации самое главное – это продемонстрировать всем окружающим свои высокие достижения, а достижение цели находится где-то в конце списка значимости [2].

В теориях неопрейдистов, представителей диспозиционального, гуманистического и других направлений психологии стремление к совершенству выступает как мотивационная движущая сила развития. Стремление к совершенству в работах А.Адлера, К.Хорни, Э.Фромма, Г.Оллпорта, Р. Уайта рассматривается с различных точек зрения [1;3;4;6]. Так, Уайт ввёл в науку понятие «компетентность», в которое им включались такие формы поведения, как манипулирование, осматривание, творчество, игра и т.д. Все перечисленные виды поведения, характеризующиеся отсутствием каких-либо подкреплений, нацелены на повышение эффективности деятельности и компетентности человека. То, насколько сильно индивид стремится к компетентности, зависит от силы его мотивации.

Адлер А. был убежден в том, что что бы человек ни делал, является следствием его стремления к превосходству, основная цель которого заключается в достижении совершенства, полноты и целостности. «Стремление к превосходству» выступает ведущим мотивом в теории индивидуальной психологии [1].

Г. Оллпорт, о котором часто упоминают, как об одном из представителей гуманистического направления, говоря о природе человека, выделяет в центральном ядре личности системы высших мотивов, которые преобразуются в системы ценностей человека. Стремления к самореализации и самоактуализации относятся к мотивам развития, которые заложены в человеке от природы и связаны с удовлетворением его биологических, прежде всего,

потребностей. Гордон Оллпорт так же, как и Альфред Адлер, предлагает говорить о человеке, как о существе, обращенном в будущее, когда мотивы развития создают систему целей, стремление к которым обеспечивает формирование новых возможностей личности [3].

Стремление к совершенству является неотъемлемой характеристикой здоровой и творчески относящейся к своей жизни личности. Но при этом стремление к совершенству может приобретать и нездоровые черты, приводя к неврозам и другим эмоциональным нарушениям личности.

Как проблема, перфекционизм появился в психологии в 60-80-е годы прошлого столетия. Как стремление к безупречному выполнению работы, склонность предъявлять высокие требования к себе и к другим людям рассматривается он в работах представителей психоаналитического направления, в частности, М. Холлендера, который исследовал данный феномен как проявление нарциссизма, защиту от токсического стыда и попытку соответствовать требованиям недостижимого суперэго. Перфекционизм проявляется в проблемах с самоидентичностью, во враждебном отношении к себе и другим, в когнитивных и эмоциональных нарушениях и пр [5].

Достаточно известна в психологической науке теория перфекционизма канадских ученых П. Хьюита и Г. Флетта, в которой ими даётся определение как «стремление быть безупречным и совершенным во всём». Представлена трёхмерная модель, состоящая из трёх факторов: субъектно-ориентированного перфекционизма, объектно-ориентированного и социально предписанного. Когда говорят о субъектно-ориентированном перфекционизме, речь идёт о придании чрезвычайно значимости собственным достижениям, неспособности прощать себе свои ошибки и погрешности. Субъективно-ориентированный перфекционизм подразумевает высокую требовательность к себе, нереально высокие требования к результатам своей деятельности, а также важность собственных достижений [10;11].

Объектно-ориентированный перфекционизм по своей сути противостоит субъектно-ориентированному. При объектно-ориентированном перфекционизме в поведении отсутствует терпимость к поведению и ошибкам других, а также способность к принятию их оплошностей и ошибок. К примеру, человек слишком критично относится к их поступкам и поведению, при этом придавая большую значимость собственному мнению в ходе принятия решений и оценки поведения окружающих.

Социально предписываемый перфекционизм проявляется в том, что субъект ожидает высокие требования со стороны других людей к нему и к выполняемой им деятельности, считает, что окружающие много от него хотят, и это превышает его возможности. Индивид с высоким уровнем этого перфекционизма в процессе межличностного взаимодействия проявляет высокую чувствительность к критике, большую зависимость от мнения и того, как его оценивают окружающие, нуждается в постоянном одобрении и поддержке со стороны других.

Перфекционизм как личностная черта пронизывает все сферы жизнедеятельности личности, оказывая либо негативное, либо позитивное влияние на её благополучие психологическое, в целом, и на субъективное, в частности.

Понятие психологического благополучия, подразумевающее под собой субъективное самоощущение целостности и осмысленности человеком своего бытия, было введено представителями экзистенциально-гуманистической психологии. С психологическим, или субъективным благополучием связаны эмоциональное, психологическое и физическое состояние человека, которые, в свою очередь, определяют эффективность профессиональной деятельности, успешность самореализации и саморазвития личности. Особенно важно изучение факторов психологического благополучия в студенческом возрасте, поскольку именно тогда начинают обретать устойчивость основные жизненные

ориентиры, которые становятся смыслообразующими в будущей жизни.

Согласно классификации Райан Р.М., все теоретические подходы к пониманию психологического и субъективного благополучия можно разделить на два направления: эвдемоническое и гедонистическое [13]. Представители эвдемонического подхода (Уоттерман А., Рифф К.) самым важным аспектом благополучия считают личностный рост [14;15]. Так, Рифф К. в структуре психологического благополучия выделяет шесть факторов: позитивные отношения с окружающими, управление окружающей средой, самопринятие, цель в жизни, автономия и личностный рост [14]. В гедонистическом направлении, представленном именами Бредберна Н., Канемана Д., Динера Э., благополучие описывается в терминах удовлетворенности-неудовлетворенности. Динер Э. [9], вслед за Бредберном Н., автором термина «психологическое благополучие» [7], считавшим, что психологическое благополучие состоит из позитивного и негативного аффектов, ввёл третий компонент – удовлетворенность жизнью, и назвал благополучие субъективным.

С целью изучения влияния перфекционизма на психологическое и субъективное благополучие личности нами было проведено эмпирическое исследование. В выборку испытуемых вошли студенты Даггосуниверситета, факультета психологии и философии. В ходе диагностики были использованы следующие методики: Методика «Многомерная шкала перфекционизма» (MPS), в адаптации Грачёвой И.И.; ДСБ - Методика «Диагностика субъективного благополучия» (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова) и «Шкала психологического благополучия», Рифф (RPWB). Для изучения влияния перфекционизма на благополучие, субъективное и психологическое, применялся однофакторный дисперсионный анализ. В котором в качестве независимой переменной поочерёдно выступали шкалы методики «Многомерная шкала

перфекционизма», а в качестве зависимых переменных – шкалы, направленные на изучение благополучия.

Анализ полученных результатов показал, что на общее субъективное благополучие ($F=4,954$, $p=0,018$) и на экзистенциально-деятельностное благополучие, как компонент субъективного благополучия ($F=14,420$, $p=0,001$), значимое влияние оказывает перфекционизм, ориентированный на других. Из этого следует, что перфекционизм, проявляющийся в предъявлении завышенных требований к другим людям, влияет на общую удовлетворенность жизнью самого индивида, а также на его собственные оценки усилий, прилагаемых им для достижения благополучия, и их результативность и на событийно-смысловую насыщенность жизни.

Далее было установлено, что социально-предписанный перфекционизм оказывает влияние на такие стороны психологического благополучия, как «управление средой» ($F=6,690$, $p=0,048$) и «баланс аффекта» ($F=3,291$, $p=0,024$). То есть, наличие у человека убеждения или ощущения, что окружающие предъявляют к нему непомерные требования, которым очень сложно соответствовать, влияет на его способность справляться с повседневными делами и интенсивность ощущения невозможности что-либо изменить в своей жизни или управлять окружающим миром. Также социально-предписанный перфекционизм оказывает значимое влияние на уровень уверенности в себе и в своих силах, на оценку своих способностей преодолевать жизненные трудности, обретать новые знания и навыки.

Таким образом, нами было установлено, что выраженность перфекционизма, особенно ориентированного на других и социально-предписанного, может рассматриваться как один из значимых факторов психологического и субъективного благополучия личности.

Список литературы:

1. Адлер А. Индивидуальная психология: основные концепции и принципы // Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 2006.- С.161-213.
2. Гаранян Н.Г. Психологические модели перфекционизма // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
3. Оллпорт Г. Диспозициональная теория личности // Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 2006. – С.271-304.
4. Фромм Э. Гуманистическая теория личности // Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 2006.- С.246-254.
5. Холлендер М.Н. Перфекционизм // Психиатрия. – 1965.
6. Хорни К. Социокультурная теория личности // Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 2006. – С.254-269
7. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. - Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. - 320 p.
8. Burns, D. The perfectionist's script for self-defeat / D. Burns // Psychology Today. – 1980. – № 14(11). – P 34–51.
9. Diener E. (1984). Subjective well-being. Psychological Bulletin, 95(3), 542–575.
10. Flett G.L. Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology / G.L. Flett, P.L. Hewitt // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – Vol. 60, № 3. – P. 456–470.
11. Hewitt P.L. The interpersonal expression of perfectionism: perfectionistic self-presentation and psychological distress / P.L. Hewitt [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. – 2003. – Vol. 84, № 6. – P. 1303–1325.
12. Kahneman D., Diener E., Schwarz N. Well-being: The Foundations of Hedonic Psychology. - NY.: Russell Sage Found, 1999. - P. 3-25.
13. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being//Annual Review Psychology. - 2001. - № 52. - P. 141-166.
14. Ryff C.D. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. - 1995. - Vol. 69. - P. 719-727.

15. Waterman A.S. Reconsidering happiness: A eudaimonist's perspective. *Journal of Positive Psychology*. - 2008. - Vol. 3. - P. 234-252.

*Семенов Виктор Владимирович
АНО «Институт психодрамы
и психологического консультирования»,
г. Москва*

СВЯЗЬ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

То, что эта конференция проходит, показывает, что теория и практика психологии является, пожалуй, таким краеугольным камнем современной ситуации. И я очень хочу, во-первых, поздравить вас с тем, что у вас началась такая замечательная конференция, и она носит такой комбинированный характер, то есть можно присутствовать при этом, а можно выступить, находясь на достаточно большом расстоянии от основного события, и это становится такой нормой. Это тоже ведь отражает реальность, потому что сейчас реальность отражает обучение, которое тоже происходит в двух форматах онлайн, как сейчас уже принято говорить, и офлайн. Конференция тоже так же проходит. На что я обратил внимание при выступлении Магомеда Магомедаминовича, это, действительно, как происходит стыковка теории и практики. Это давняя психологическая проблема, я начинал учиться ещё в 1970 году, через 3 года после создания факультета - уже тогда про это говорили. Практика в России и Советском Союзе началась, на самом деле, очень давно, в 1920-ые годы. У нас было проведено огромное количество практических исследований, которые, к сожалению, закончились в 1936 году, по-моему, когда было знаменитое постановление об извращениях психологической практики, а сейчас мы в течение многих лет восстанавливаем это событие и стараемся соединить гармонично подготовку, теорию и практику. И мне

кажется то, что делает Арсен Набиевич, соответствует линии времени. Почему? Потому что, насколько я знаю и наблюдаю со стороны, я вижу, как тщательно Арсен Набиевич подбирает те практические направления, которые имеют свою теоретическую основу, теоретическую базу. А без этого построить практическую работу невозможно. Я согласен, что сейчас многие психологи с лёгкостью берут манеры психотерапевтические такие, психолога-консультанта. Они внимательно слушают, кивая головой, повторяют слова, которые говорит клиент, но не понимают, как помочь этому клиенту. А не понимают, потому что действительно нет той основы, той базы, которая даёт возможность понять, в чём суть ситуации, в которой оказался тот или иной человек. Но это тоже понятно, потому что запрос психологической помощи опережает, на мой взгляд сейчас, подготовку квалифицированных кадров. Потому что, как получается квалифицированный специалист? Он проходит обучение в институте сначала, а затем начинает обучаться практике, потому что в институте даётся только основа, база, а практику он получает уже потом. И вот, на мой взгляд, ещё существуют некоторые разрывы между тем, чему обучают и как обучают в институте, и той дальнейшей практикой, которую он должен будет освоить. Я на своём примере это испытал, потому что меня учили быть академическим психологом, я должен был проводить исследования, и я действительно их проводил, был академическим психологом, у меня была хорошая карьера, но, когда я перешёл в другую сферу практики, мне пришлось учиться заново. И тех знаний, которые я получил в университете, мне не всегда было достаточно, чтобы понимать, что происходит. Поэтому сейчас, вот эта стыковка – это основная проблема, которая существует и в системе образования, и в системе подготовки практических психологов. Я это объясню на простом примере. Сейчас я веду магистерскую программу в Московском Институте психоанализа, и я вижу, что дают студентам как основу, а затем как они используют эту базу в своей практической работе. У них диплом магистерской программы

предполагает, что они должны провести исследование, но исследование в практической сфере другого типа. И для меня таким основным примером является работа Александра Романовича Лурия, известного советского психолога, основателя советской нейропсихологии, который основал небольшую книгу – «Роль речи в развитии высших психических функций», где он на примере одной близнецовой пары показал роль речи в развитии высших психических функций. Он взял один пример – двух близнецов, которые в пятилетнем возрасте имели автономную речь. И что сделал Александр Романович? Он разместил их в разные группы детского сада, чтобы у них появилась потребность говорить, потому что, когда они вдвоём, они понимают друг друга. Когда у них рядом родители – родители тоже кивают головой, так как они привыкли к их автономной речи, а с детьми разговаривать не могут. Поместив их в разные группы, оказалось, что это даёт потрясающий эффект. Они буквально в течение нескольких недель, нескольких месяцев достигли того же уровня, что и все дети этой группы. Эта могла бы быть дипломная работа, магистерская. Поэтому, консервативность нашей системы образования является некоторой проблемой. Как реагировать системе образования для того, чтобы создавать условия для того, чтобы этот конфликт разрешался. И я думаю, что эта конференция, которая сегодня начинается, является тем решением, которое может позволить объединить теорию и практику в психологии. Поэтому, мне очень приятно участвовать в этой конференции и для тех, кто её организует, и для тех, кто в ней участвует. Я желаю найти решение для участников и ведущих этой конференции тех некоторых конфликтов для того, чтобы соответствовать тому времени, в котором мы живём. Спасибо.

*Семёнова Файзура Ореловна
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева»,
г. Карачаевск*

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Добрый день, уважаемые участники Всероссийской конференции, приветствую Дагестанский Государственный Университет, факультет психологии и философии.

С Дагестанским Государственным Университетом, с учёными Республики Дагестан у нас есть, конечно, личные связи, профессиональные связи и поэтому, когда меня пригласили принять участие, я с огромным удовольствием согласилась. Мне очень приятно видеть вас, выйти на такую площадку и послушать такие интересные сообщения, поэтому с огромным удовольствием будем сотрудничать. Наш факультет психологии и социальной работы представлен тремя кафедрами. Мы готовим психологов бакалавров, магистров по общей психологии, клинической психологии, социальных работников и социальных психологов.

Тема моего сегодняшнего сообщения – формирование социальной компетентности студентов в процессе обучения в ВУЗе. Постараюсь тезисно обозначить данную проблему.

Как я сказала, актуальность проблемы – она очень актуальна, естественно мы все, академическое сообщество, профессиональное сообщество, заинтересованы и тем более в психологии понимаем важность общения, речи, коммуникации, социализации, профессионализации. В реальности, актуальная ситуация в ВУЗах показывает, что студенты ВУЗа не готовы к реализации требований, предъявляемых обществом к ним не только как к специалистам, но и как к людям, выполняющим важные социальные роли – это будущие семьянины, супруги, воспитатели своих детей и пандемия,

которая прошла, показала, что было очень много разводов, когда все вместе сидели в замкнутом пространстве. Актуальность в социальном взаимодействии, коммуникации возросла и многие попросту не выдержали испытания общением, как я говорю, и поэтому было очень много разводов. Если мы говорим о ВУЗе, мы говорим о том, что студенты, которые закончили ВУЗ, испытывают трудности в процессе социализации и профессионализации, пребывают в состоянии неуверенности в собственных силах на этапе вступления в профессиональную самостоятельную жизнь.

Концепция образования в России

Конечно, мы говорим о том, что концепция образования в России меняется, меняется в соответствии с социальными процессами, с глобальными вызовами, которые стоят перед академическим сообществом, и мы говорим о том, что всё меняется, сейчас готовятся новые стандарты, поколения 4, но тем не менее – из поколения стандартов в поколения идут необходимость формирования ключевых компетенций, которые остаются как базовые, они всегда актуальны и встают перед нашим профессиональным сообществом.

Ключевые компетенции

К ключевым компетенциям, которые мы рассматриваем, относятся многие, они касаются всех сфер жизнедеятельности человека. К ним мы относим – компетенции как способность принимать ответственность, это важно, ибо на основе ответственности строится любой процесс. Вторая компетенция связана с жизнью в многокультурном обществе – это принятие различий, уважение других, способность жить с людьми других культур, языков, религии. Компетенции, связанные с владением устной и письменной речью, коммуникации, связанные с возрастанием информатизации общества, также компетенции, связанные со способностью учиться на протяжении всей жизни,

потому что идея непрерывного обучения уже не просто идея, а потребность. Для того, чтобы быть на плаву, нужно быть, как говорят, в «тренде». Очевидно, что ключевые компетенции являются социальными, т.к. они отражают особенности взаимодействия, общения, естественно с применением не только устной и письменной речи, но и информационных технологий.

Социальная компетентность

Говоря о социальной компетентности, конечно, уважаемые коллеги, мы можем о содержательном наполнении данного конструкта говорить много, проведено очень много исследований, на них не буду останавливаться – и зарубежных, и отечественных психологов, социологов, педагогов, которые рассматривают различные аспекты социальной компетентности, но все они, если мы их будем анализировать, однозначно о том, что человек, у которого сформирована социальная компетентность – он должен уметь сотрудничать, он должен легко вступать в межличностные контакты, иметь лёгкую совместимость, он должен быть готов к социальным изменениям, брать на себя социальную ответственность за свои поступки и, в последствии, своей коммуникации.

Функции социальной компетентности личности

К этим функциям естественно относится самая первая и, как считаем, самая важная – прикладная функция (применение социальных знаний и умений в практическом взаимодействии), адаптационная функция, интегративная функция, ориентационная функция, статусная функция и ролевая функция. Так как я уже говорила, что социальная компетентность влияет на все сферы жизнедеятельности, мы предполагаем, что формирование таких компонентов, как социальные знания, умения, навыки, готовность к изменениям увеличат надежды наших студентов, будущих специалистов и будут способствовать их более успешной адаптации и интеграции в профессиональное сообщество и самостоятельную жизнь.

Структура социальной компетенции (по М. Шредер и М. Форверг)

Мы остановились именно на этой структуре. Многие исследования выделяют различные компоненты социальной компетентности. Здесь выделяется коммуникабельность, готовность к общению (второй структурный компонент – решимость на создание отношений, готовность к общению). Наши студенты говорят, что у них нет этой компетенции, даже нет потребности в общении, поэтому нет готовности к общению. Положительная концепция как основа социальной компетентности, которая является основой самоуважения, самопринятия и влияния, способность к внушению.

Контент-анализ содержания понятия «социальная компетенция» позволяет сделать следующий вывод: социальные компетенции включают в себя большой спектр личностных качеств

Контент-анализ позволяет выделить ключевые личностные качества. Их, конечно, очень много, но мы взяли 11 самых часто встречающихся. Что включает в себя социальная компетентность наших студентов? Это терпимость к чужому мнению, умение держать ролевую дистанцию, активное поведение, эмпатия, социальная чуткость, открытость, независимость, способность к коммуникации и творчеству, терпимость к конфликтным ситуациям, самоограничение и доверие.

Структурные компоненты социальной компетентности студентов

К ним мы относим мотивационно-ценностный компонент как социальную позицию и направленность студента

Содержательный компонент как социальные знания о функциях общения, о приёмах общения

Операциональный компонент - очень важно научить студента основам коммуникация. В этом плане по учебным планам в базовой части практически во всех направлениях идёт культура речи, русский язык, иностранный язык, поэтому операциональный

компонент социальной компетентности студентов в каком-то количестве представлен, другой вопрос в каком количестве представлен?

Коммуникативный компонент – современный студент, конечно, должен обладать достаточным разнообразным спектром социальных умений, порой даже более широким, чем при получении им профессии.

Экспериментальное психодиагностическое исследование сформированности социальной компетентности

Это исследование пилотажное, не очень глубоко проведён анализ, ибо был проведён на основе одной методики опросника (КСК) и приняли участие в нём наши 98 студентов. Какие данные мы получили? Полученные результаты были распределены по четырём компонентам социальной компетентности. Самый высокий показатель был по мотивационно-ценностному компоненту социальной компетентности студентов – 70%. То есть, нами интерпретируется таким образом – для того, чтобы студент коммуницировал, он должен быть в этом заинтересован, для него должен быть какой-то ценностный смысл в этой коммуникации. Таким образом, студент выделяет именно этот компонент. Остальные 3 компонента (Содержательный компонент, Операциональный компонент, Коммуникативный компонент) варьируются в районе чуть более 60% и находятся в категории среднего уровня.

О чём говорить? Это тоже очень показательно для поколения молодых девушек и юношей, о чём поговорить в процессе коммуникации. И нами были сформированы следующие рекомендации.

Рекомендации для организации работы со студентами

Для развития социальных компетенций студентов образовательная программа ВУЗа должна включать в себя несколько специфических компонентов.

Это, во-первых, применение во время занятий проблемно-ориентированных и активных социально-психолого-педагогических методов обучения (имитационные методы, метод анализа конкретных ситуаций, инсценировки, деловые игры, решение кейс-задач и т.д.). Кстати, у студентов они сперва вызывают скептическое отношение, потом в процессе работы они уже вовлекаются и вооружаются конкретными практическими навыками, умениями. И я вот смотрела вашу программу, сегодняшнее мероприятие, очень много мастер-классов, очень много практического содержания в вашей программе, это очень ценно, будем смотреть и принимать участие.

Во-вторых, это использование тренингов как формы организации образовательного аудиторного процесса. Тренинг даёт возможность взглянуть на моделируемые ситуации с разных точек зрения, что является одним из самых ключевых факторов формирования социальной компетентности.

В-третьих, это рациональное сочетание аудиторной и внеаудиторной учебной деятельности студентов.

Заключение

Формирование социальной компетентности как качественной характеристики процесса социализации организуется и проводится в ВУЗе в рамках образовательного процесса. Становление студента как носителя духовных, материальных и социальных ценностей, норм, правил, отношений, происходит под влиянием вузовского пространства. Под влиянием личности педагога, учёного, наставника – это, конечно, очень важно.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод, что одной из основополагающих задач в процессе профессиональной подготовки студентов в ВУЗе должно стать создание условий для формирования социальных компетенций в целях повышения эффективности социализации и последующей конкурентоспособности на рынке труда.

РАЗДЕЛ 1: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ГРУПП

Алиев Гаджи Русланович
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

ПРОПАГАНДА И ЦИФРОВАЯ ОСОЗНАННОСТЬ

Пропаганда в своём более общем изначальном значении есть распространение, популяризация той или иной идеи, мысли, знания. Однако в практическом смысле данный термин имеет отрицательную коннотацию и понимается как способ насаждения, навязывания конкретной, нужной пропагандирующему информации, точки зрения, позиции, дабы сманипулировать сознанием конкретного индивида, группы лиц или общества и сформировать у людей необходимое пропагандисту мнение по тому или иному вопросу.

Воздействие на сознание масс, формирование общественного мнения – это явления, имеющие место быть в человеческом обществе с начала его основания. А точнее, с появления первых иерархических структур в обществе, образования первых моделей власти и тех, кто этой власти подчиняется. Те, кто концентрирует в своих руках власть, в первую очередь заинтересованы в её удержании, укреплении и распространении. И ради достижения этих целей применяются самые разные приёмы и методы, из которых наиболее искусным является пропаганда.

Об этом рассуждали величайшие умы, мыслители различного толка на протяжении всей истории человечества: от Гераклита до Макиавелли, от Платона до Спинозы, от Аристотеля до Лебона, от Оруэлла до Хаксли. Каждый из этих и множества других мыслителей, рассуждающих об устройстве жизни общества и государства, о формировании взаимосвязей и взаимоотношений

между властью и населением не обходили стороной и вопросы формирования общественного сознания и манипулирования оным. Так как представленные умы жили в разные исторические эпохи, то и ситуации, описываемые ими, были различными. Однако нельзя не проследить общей закономерности в модели поведения правителей из абсолютно разных исторических эпох и промежутков: каждый правитель прибегает к различным манипулятивным приёмам с целью усиления своего влияния. И, как раз, суть всего того множества манипуляций, к которым прибегают власть имущие, и отражает пропаганда.

Хоть пропаганда и существовала задолго до появления Интернета, она максимально распространилась, стала крайне эффективной и искусной именно в эпоху цифровой реальности, когда распространение интернета стало повсеместным и доступ в него имеет большая часть населения земли. С приходом цифровых технологий в общественную жизнь пришёл и колоссальный объём информации, а также возможность всей этой информацией обмениваться между огромным числом людей, также находящихся в цифровом пространстве. И именно эти масштабы и являют собой основную мощь и эффективность приёмов и техник, задействуемых в ходе осуществления пропаганды. А конкретнее то, каким образом эти масштабы будут задействованы. Основными критериями, определяющими успешность проведения пропаганды, являются масштабы распространения её действия, то есть то, как много людей подверглось влиянию пропаганды, и бескомпромиссность её воздействия, то есть то, насколько влияние пропаганды оказалось убедительным. Основным же законом, по которому работает пропаганда, является воздействие на эмоции, манипуляция подсознательными чувствами [1].

Пропагандировать можно что угодно, абсолютно любую идею. Главное в данном вопросе не что, а как: какие методы будут задействованы для распространения и навязывания идеи. А идеи, к сожалению, могут быть любыми. Правильно поданная идея – это

идея, которая учитывает эффект толпы. Это эффект, под воздействием которого люди, находясь в толпе, действуют иначе, нежели индивидуально мыслящие люди. [2]. В таком состоянии разум каждого участника толпы объединяется в коллективный разум. При этом у каждого члена такой группы людей повышается уровень энтузиазма, в результате чего под влиянием коллективного разума интересы одного человека становятся менее значимыми для него самого при действии в толпе. В такой ситуации психическое состояние отдельного участника толпы выражается в резком усилении влияния следующих факторов:

1. Более эмоциональное восприятие всего, что слышит и видит индивид;

2. Повышенный уровень внушаемости и уменьшение степени критического отношения к собственной персоне и способности рационально обрабатывать воспринимаемую информацию;

3. Подавление чувства ответственности за собственное поведение;

4. Появление чувства силы и сознания анонимности.

Во всей полноте и подробностях описания подобное поведение группы людей, подвергшихся влиянию пропаганды и ставших по этой причине толпой, можно пронаблюдать на митингах. Особенно на тех, что организованы недоброжелателями с целью подрыва государственного строя и наведения беспорядка, хаоса в стране. На примере таких мероприятий наглядно прослеживаются все особенности поведения толпы: и подавленное чувство ответственности за собственное поведение у участников митинга, и повышение эмоционального восприятия всего происходящего, сопровождающееся отключением способности рационально осмысливать окружающую обстановку и ситуацию, в которой участник митинга находится, и появление чувства силы и сознания анонимности, которые придают индивиду уверенности, уменьшающей страх наказания, которое его может ожидать.

Описывая данное явление и его устройство, можно сделать вывод, что митинг – это один из видов проявления пропаганды, которому была подвержена группа людей. Пропаганда такого рода имеет социально-политический характер и осуществляется конкурирующими между собой государствами с целью усиления своего влияния на геополитической арене и ослабления своих конкурентов. Данный феномен в современном дискурсе получил название «когнитивные войны» [3] за счёт своего характера и цели, которая ему сообщается. Основное направление, в котором ведётся работа, – борьба за умы, за внимание как можно большего числа людей. Такая борьба ведётся на нескольких фронтах: сманипулировать, навязать нужную тебе точку зрения гражданам той страны, на которую направлена твоя пропаганда; показать твою позицию с выгодной стороны, а противника выставить в невыгодном для него свете для всех остальных стран; обосновать свои действия в глазах своих граждан. Разумеется, так как мы говорим о пропаганде, то все эти действия будут иметь заведомо ложный, манипулятивный и односторонний, выгодный для манипулирующего, характер.

Данного рода техники работают не на всех. Влиянию пропаганды подвержены эмоционально неустойчивые, не руководствующиеся или недостаточно руководствующиеся рациональным мышлением, ведомые, мнительные, закомплексованные, наивные, склонные к радикализму прослойки социума. Закономерно также и то, что более частое нахождение в Сети ведёт и к большему влиянию пропаганды, осуществляемой с тех или иных Интернет-ресурсов: различных новостных изданий, группах в социальных сетях и мессенджерах, каналов на ютубе. Что, в свою очередь, не должно говорить о необходимости запретов в виду их неэффективности, так как сработает эффект Барбары Стрэйзанд, знаменующий лишь большее распространение той информации, которую пытаются удалить из Интернета. Однако некоторого рода ограничительные меры и цензурирование

конкретных типов информации, конечно же, нужны, дабы не допустить, к примеру, распространения материалов с призывами к разжиганию межнациональной вражды, хаоса, паники, влиянию которых легко могут быть подвержены люди из указанных выше прослоек общества.

Однако противодействие пропаганде должно осуществляться не только со стороны государства, основная функция которого – забота о безопасности его граждан, но и непосредственно самими гражданами, так как каждый дееспособный индивид является субъектным, самостоятельным гражданином и членом общества, несущим за себя ответственность в полной мере. Забота не только о своём физическом здоровье, финансовом благополучии, но и психическом состоянии – дело каждого гражданина и члена общества. Одним из способов сохранения психического здоровья является минимизация или, в идеале, отказ от думскроллинга – склонности к долгому и навязчивому чтению плохих новостей, сообщений, содержащих негативную информацию, вызывающую у человека негативные эмоции и демотивирующую его. Помимо этого, поможет и банальное сокращение времени, проводимого в Интернете, и прогулки на свежем воздухе, и большее количество времени, проводимого с близкими.

Главное – учитывать, что для сохранения психического здоровья в цифровую эпоху необходимо критически подходить к любой информации, не позволять оказывать на себя влияние, не поддаваться панике, не позволять эмоциям брать верх над собой и не становиться объектом воздействия пропаганды ни при каких обстоятельствах.

Список литературы:

1. Бернейс Э. Пропаганда. – СПб.: Питер, 2021. – 224 с.
2. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
3. Уралов С. Украинская трагедия. Технологии сведения с ума. – СПб.: Питер, 2023. – 384 с.

ПСИХОЛОГИЯ ТРЕВОГИ РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

В работе рассматриваются исследования по оценке уровня тревоги и депрессии у студентов очного и очно-заочного обучения факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».

Депрессия и тревожность – это основная проблема, присущая лицам всех возрастных категорий во всем мире [12]. Депрессия влияет на психику человека и приносит страдания, влияет на способность человека выполнять ежедневные элементарные задачи и порой приводит к печальному исходу при взаимоотношениях с родными и близкими, а также на возможность работать и зарабатывать на жизнь [2; 12].

В некоторых случаях результатом депрессии может быть суицид, который в настоящее время является второй причиной смерти среди населения в возрасте 14-30 лет [2]. Всемирная организация здравоохранения классифицирует наиболее затронутое депрессией население на три категории: молодежь в возрасте 14-25 лет, молодые матери и пожилые люди (старше 59 лет) [1, 2, 3]. Студенты находятся в группе риска возникновения депрессий, поэтому они являются целевой аудиторией, с которой можно проводить профилактическую работу по выявлению и устранению признаков депрессии [4, 10]. Анкетирование позволяет сразу выявить начальные признаки и предотвратить появление многих заболеваний [7].

Тревога, возникающая при тревожно-депрессивном расстройстве, не имеет оснований, не зависит от каких-либо ситуаций и не связана со стрессом напрямую. Симптомы тревоги, как и симптомы депрессии, еле заметны и проявляются одинаково, сопровождаясь только некоторыми вегетативными симптомами:

тахикардией и брадикардией, ознобом, болью в животе, одышкой, потливостью, тремором, головными болями и головокружениями, нарушением стула и мочеиспускания, мышечным напряжением и болями [5, 6, 8, 11].

Тревожно-депрессивное расстройство также может сопровождаться чрезмерным напряжением – клинический дистресс, а также нарушением в профессиональной сфере, в социальных отношениях и т.д. [9]

Материал и методы данного исследования основаны на результатах анкетирования студентов очного и очно-заочного обучения факультета психологии и философии ДГУ. В качестве метода исследования была использована госпитальная шкала тревоги и депрессии (Hospital Anxiety and Depression Scale (HADS)).

В результате оценки уровня тревоги и депрессии у студентов очного и очно-заочного обучения факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» было выявлено, что симптомы депрессии и тревоги имеют 28% респондентов, а у 72% - отсутствуют достоверно выраженные симптомы тревоги и депрессии.

Используя данные исследования, были проведены вычисления следующих первичных и вторичных статистических методов по показателям тревоги и депрессии: мода, медиана, среднее арифметическое значение, дисперсия, корреляционный и факторный анализы.

В корреляционном анализе получили коэффициент корреляции ($r=-0,208$), который отражает наиболее сильную связь между двумя переменными. Величина корреляции, то есть сила связи между переменными тревога и депрессия зависит только от числового значения коэффициента, в то время как знак - обозначает направление связи между ними, соответственно получили отрицательную связь тревоги и депрессии. Факторный анализ не показал высокой факторной нагрузки ни по одному корреляту.

Вследствие чего, делаем выводы, что все определенные факторы имеют равноценную значимость.

В связи с результатами данного исследования можно сделать вывод о необходимости использования методов математической статистики в психологии и о желательном систематическом проведении анкетирования студентов для своевременного выявления тревоги депрессий у студентов и информирования их о способах профилактики депрессий с целью сохранения и укрепления физического и душевного здоровья личности.

Список литературы:

1. Вейн А.М., Вознесенская Т.Г., Голубев В.Л., Дюкова Г.М. Депрессия в неврологической практике (клиника, диагностика, лечение). - М.: МИА, 2002. -160 с.

2. Доклад Всемирной Организации Здравоохранения. Депрессия: глобальная проблема. Женева. 2012 г.

3. Захарченко Е. А., Тумакова Н. А., Сенцов А. Э. К вопросу о проблемах стрессовых и депрессивных состояний и их профилактике у студентов // Молодой ученый. — 2015. — №11. — С. 1726-1728.

4. Корабельникова Е.А., Будик А.М. Клинико-патогенетические и терапевтические аспекты тревожных расстройств // Лечащий врач. — 2009. — № 9. — С. 36-42.

5. Мосолов С.Н. Тревожные и депрессивные расстройства: коморбидность и терапия. — М.: Артиинфо, 2007. — 32 с.

6. Рекомендации Общественной палаты Российской Федерации по итогам общественных слушаний на тему: "О перспективах имплементации в Российской Федерации рекомендаций экспертов ВОЗ в области охраны психического здоровья". — М, 2017. — 7 с.

7. Смулевич А.Б. Депрессии в общей медицине: Руководство для врачей. М.: МИА; 2001.

8. Соловьева Э.Ю. Смешанное тревожное и депрессивное расстройство // Справочник поликлинического врача. — 2009. — № 6. — С. 3-7.

9. Шеметова Г.Н., Красникова Н.В., Губанова Г.В. и др. Профилактическая работа терапевта: формирование компетенций//Фундаментальные исследования. 2014. Том . №7-1: С.166-169.

10. American Psychiatric Association . DSM-V (5th ed.). Diagnostic and statistical manual for mental disorders. — Washington, 2013.

11. Grucza R.A. Anxiety in major depression // American Journal of Psychiatry. — 2001; 158 (9): 1538. [ССЫЛКА](#)

12. http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0020/280604/WHO-Europe-Mental-Health-Action-Plan-2013-2020.pdf

*Бертенёва Ирина Андреевна
Гаджибабаева Джавганат Ражидиновна
Квашнина Мария Михайловна
Коншина Вероника Владимировна
Семенов Никита Анатольевич
Яковлева Светлана Сергеевна*
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого»,
г. Великий Новгород

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Современное общество переживает период глубоких изменений, затрагивающих все сферы жизни человека. Наблюдается значительное усиление действия стрессогенных факторов, соответственно значительно возрастает необходимость в оказании психологической помощи населению. В таких условиях особенно важно понимать, какие ценности формируются у будущих специалистов, в частности, у студентов - психологов. Ведь именно они будут работать с людьми, помогать им решать сложные жизненные проблемы и адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни.

Результаты исследований авторов (И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, Г.С. Абрамова, Н.Н. Толстых и др.), направленных на изучение личностных особенностей психолога, свидетельствуют о том, что роль личностных качеств психолога в профессиональной

деятельности выше, чем в большинстве других помогающих профессиях, так как для психолога собственная личность – это важный инструмент при осуществлении практической деятельности. Согласно Пименовой И.А., «идет ли речь о психотерапии гуманистического толка или экспериментальном изучении мотивации социального поведения, личностные характеристики психолога обязательно сказываются на результатах и самом способе деятельности» [5].

Согласно результатам своего диссертационного исследования, Строй Г.В. делает выводы, что, «наблюдая большую потребность в обществе в психологической помощи, сегодня молодые люди, делая выбор в пользу профессии психолога, чаще всего руководствуются прагматичными установками, характеризующимися тем, что, владея профессиональными психологическими знаниями, умениями и навыками, они смогут успешно манипулировать людьми, ставя их в зависимость от сформировавшейся потребности в психологической помощи, зарабатывая, таким образом, деньги на «чужих проблемах»» [7].

В своей работе А.А. Бодалев отмечает, что «профессия психолога предполагает, что овладевший ею человек на познавательном уровне проявит способность капитально ориентироваться в общем, особенно в единичном, характеризующем психику людей, и хорошо знать причины, которые обуславливают тот или иной тип ее развития или появления в ней конкретных изменений. На уровне поведенческо-инструментальном он сумеет с позиции своей профессии найти и осуществить способы успешного решения любой из проблем, характер которых входит в компетенцию психолога. Естественно, что вероятность достижения именно такого результата после обучения молодых людей на психологических факультетах страны будет выше, если овладевший ею человек на уровне мотивационно-эмоциональном будет относиться к другому человеку как к высшей ценности» [1].

Многие авторы (А.А. Бодалев, И.А. Володарская, И.Ю. Малисова, Г.В. Стой и др.) в своих работах отмечают, что «основной акцент в процессе профессионального обучения психолога должен быть сделан на развитии ценностно-смысловой сферы будущего психолога» [1; 7]. Ссылаясь на мнение многих ученых, можем утверждать, что именно от адекватности формирования ценностных ориентаций у студентов-психологов во многом в будущем зависит возможность создания специалистом максимально благоприятных условий как для собственного профессионального развития и роста, так и для оказания квалифицированной помощи клиентам.

В научной литературе категория «ценность» не имеет однозначной трактовки. Изучением проблемы ценностей занимались и занимаются и философы (Платон, И. Кант и др.), и социологи (Т. Парсонс, Д. Рисман и др.), и психологи (Д.А. Леонтьев, А. Маслоу, А.Г. Асмолов, М.М. Далгатова и др.).

Леонтьев Д.А. выделяет несколько плоскостей определения ценностей, так: «во-первых, ценность можно синонимизировать с понятиями «смысл» и «значимость»; во-вторых, ценности, с одной стороны, - это конкретные значимые для человека и/или удовлетворяющие его потребности, предметы, с другой стороны, ценности – это особые абстрактные сущности, как нечто ценное само по себе; в-третьих, ценности как индивидуальные, т.е. значимые только для конкретного индивида, с одной стороны, и как надиндивидуальные; в-четвертых, ценность связывается с социологизацией или онтологизацией природы надиндивидуальных ценностей; в-пятых, как мотивационные структуры личности, определяющие ее направленность; в-шестых, ценности определяются как четко описанные нормы или стандарты, которые требуется соблюдать, или же жизненные цели, смыслы и идеалы, несводимые к однозначным предписаниям и задающие только общую направленность деятельности, но не её конкретные параметры» [4].

При изучении данного вопроса нами был проведен также контент – анализ научных работ, посвященных ценностям студентов-психологов, размещенных на сайте eLIBRARY.RU за последние 5 лет. В ходе контент - анализа было установлено, что изучению ценностей современных студентов–психологов посвящено около 2% научных статей из всей выборки. На основании вышесказанного можно отметить, что изучение проблемы профессиональной системы ценностей у будущих психологов является особо актуальной. Исходя из этого, целью нашего исследования является исследование ценностных ориентаций современных студентов - психологов.

Исследование, направленное на изучение ценностей студентов-психологов, проводилось в начале 2024 года. В исследовании приняли участие 51 человек в возрасте от 17 до 35 лет мужского и женского пола, с 1-го по 5 курс, а также студенты магистратуры 1-2 курсов. Все студенты обучаются в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого по специальности «Психология».

Одним из методов исследования ценностных ориентаций современных студентов – психологов в работе являлась методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, где респондентам предлагалось проранжировать ценности, важные для них, как для личности [9]. Согласно М. Рокичу «ценностными ориентациями являются абстрактные идеи, положительные или отрицательные, не связанные с определенным объектом или ситуацией, выражающие человеческие убеждения о типах поведения и предпочитаемых целях» [8].

М. Рокич в своей методике выделил два класса ценностей: терминальные и инструментальные. Терминальные ценности он определил, как желаемые конечные состояния, к которым личность должна стремиться, а инструментальные — это определенные способы поведения, наиболее предпочитаемые личностью и обществом для достижения цели [8].

В связи с недостаточной разработанностью методов исследования профессионально специфических ценностей, для изучения ценностей студентов-психологов нами была разработана анкета, включившая в себя 2 блока из семи вопросов в общей сумме. Вопросы анкеты были направлены на исследование профессиональных ценностей студентов-психологов. Так, студентам-психологам были предложены 5 дилемм, каждая из которых имела по два варианта ответа, соответствующих какой-либо профессиональной ценности. Сами ценности были сформированы на основе работы В. В. Бурдина [3]. В качестве примера можно привести одну из дилемм: «Вы работаете в большой организации: у Вас хорошая зарплата, привилегии, перспективы роста. Однако контингент, с которым предстоит работать, Вы выбирать не можете. Согласны ли Вы работать в таких условиях?» В данном варианте было предложено два односложных варианта: «да» или «нет». Положительный ответ соответствовал ценности «благоприятные условия труда», тогда как отрицательный - ценности «свобода принимать решения».

Методики диагностики были представлены в онлайн-формате на платформе «Google forms». Для изучения материалов анкеты нами использовалась описательная статистика.

Согласно результатам исследования, мы можем отметить, что для студентов-психологов важнейшей ценностью и целью в жизни является здоровье (35,2% указали на первом месте ценность «здоровье»), что не удивительно, поскольку психологу, прежде всего, нужно заботиться о своем психическом и психологическом здоровье, чтобы оказывать психологическую помощь другим. 11,7% студентов-психологов указали на первом месте ценность «развитие», что связано с необходимостью в работе психолога постоянной перспективой профессионального развития. В первой тройке приоритетных позиций студенты-психологи указали общечеловеческие ценности, такие как «любовь» (12,7%), отсутствие материальных проблем (12,7%), а также максимально

полное использование своих возможностей, сил и способностей (10,7%). Никто из респондентов не отметил на первом месте приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей и развлечения, что может говорить о достаточно высоком уровне осознанности в выборе профессии, отсутствии гедонистической направленности личности.

Интересно, что студенты-психологи редко склонны думать о других людях (29,4% указывают «счастье других» на последнем месте). Возможно, это связано с пониманием ограниченности собственной зоны ответственности, низкой склонности к созависимым отношениям. Также они не склонны придавать особое значение уважению окружающих, коллектива и коллег (11,7% указывают на последнем месте «общественное признание»).

Среди средств достижения своих целей большее количество студентов-психологов в равной степени разделяют воспитанность (19,6%) и честность (19,6%). Для них важно иметь хорошие манеры, умение вести себя в соответствии с нормами культуры поведения в обществе, а также быть правдивыми и искренними, что может быть связано с профессиональными, этическими требованиями к личности психолога. Реже, но также имеют место чувство долга, умение держать свое слово (10,7%), хорошие манеры, умение вести себя в соответствии с нормами культуры поведения (9,8%), а также умение понять чужую точку зрения, уважать иные интересы, обычаи и привычки (9,8%). При этом студенты-психологи редко прибегают в достижении целей к непримиримости с недостатками в себе и других (45% указывают это на последнем месте), а также к высоким требованиям к жизни и высоким притязаниям (11,7% указывают это на последнем месте), что характеризует их как принимающих себя, других людей и существующие ситуации. Это качество крайне важно для профессии психолога.

Среди профессиональных ценностей яркие различия проявляются в выборе между заработной платой (86,3%) и отношениями в коллективе (13,7%), где преобладает первый

вариант. Так, студенты-психологи готовы пожертвовать отношениями в коллективе при необходимости, что свидетельствует об их высокой опоре на самих себя. Также заметно значительное преобладание ценности наблюдения (92,2%) над творчеством (7,8%), что может быть связано с особенностями профессионального опыта, его отсутствием или низким уровнем формирования. Возможно, сравнив результаты с психологами, имеющими различный стаж работы, мы бы увидели разницу в проявлении данных показателей.

Таким образом, анализ результатов исследования показал, что система ценностных ориентаций студентов-психологов в период обучения, получения профессиональных знаний не является внутренне однородной. В своих работах на это указывали и такие авторы, как Е.Б. Фанталова, С.Р. Пантилеев, Д.А. Леонтьев. С.С. Бубнова также отмечает нелинейность системы формирования ценностных ориентаций. Так, согласно С.С. Бубновой, «чрезвычайно важным свойством системы личностных ценностей является ее многомерность, заключающаяся в том, что критерий их иерархии - личностная значимость - включает в себя различные содержательные аспекты, обусловленные влиянием разных типов и форм социальных отношений» [2] Возможно, это связано с тем, что в период обучения в вузе студенты-психологи претерпевают ряд внутренних профессиональных изменений, в частности, происходит переосмысление личностных ценностей и профессиональной позиции как уже будущего психолога. Так, можно наблюдать разнообразие проявления ценностных ориентаций у студентов-психологов, со склонностью к некоторым общим проявлениям. Кроме того, очевидно, что личностные ценности респондентов пересекаются с профессиональными, однако связано это с обучением по профессии или же первичными являются ценности, вызывающие интерес к профессии психолога, сказать на основе данного исследования сложно. Все это дает основание утверждать, что для более подробного изучения особенностей формирования

ценностных ориентаций у будущих психологов необходимо дальнейшее проведение исследований, а также наиболее перспективным видится исследование ценностных ориентаций студентов-психологов в сравнении с психологами, имеющими различный опыт в профессии.

Список литературы:

1. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. – М., 1998. – 168 с.
2. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психол. журн. 1999. № 5. Т. 20. - С. 38 – 44.
3. Бурдин В.В. Профессиональные ценности студентов-психологов / В.В. Бурдин, Е.А. Ипполитова. — Текст: электронный // NovaInfo, 2015. — № 34 — URL: <https://novainfo.ru/article/3660> (дата обращения: 23.05.2024).
4. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья вторая) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1997. № 1. - С. 20 – 27.
5. Пименова Е. В. Динамика ценностных ориентаций студентов-психологов в процессе профессионального обучения / Е. В. Пименова // Вестник университета. – 2012. – № 13. – С. 300-303.
6. Рокич М. Природа человеческих ценностей // М. Рокич. М: Свободная пресса. – 1973. – №5. – С. 20-28.
7. Строй Г.В. Формирование системы ценностных ориентаций будущих практических психологов в процессе обучения: Автореф. ... дис. канд. псих. наук. – Ставрополь, 2004.
8. Rokeach M. The Nature of Human Values.- N-Y., 1973.

*Гаджибабаева Джавганат Раждириновна
Мазунова Светлана Юрьевна
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого»,
г. Великий Новгород*

ФОРМИРОВАНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СОТРУДНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ МЕТОДОМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА

Представление о том, что частые стрессовые состояния приводят к снижению работоспособности, сегодня не вызывает сомнения. Именно поэтому вопрос о повышении стрессоустойчивости специалистов разных областей является серьезной проблемой, требующей рассмотрения и дальнейшего изучения. Не являются исключением и сотрудники избирательных комиссий, которые подвержены стрессу в процессе своей трудовой деятельности не в меньшей, а возможно и в большей степени. Так как в период выполнения своих непосредственных обязанностей сотрудники избирательных комиссий нуждаются в поддержании стабильного психического состояния, не зависящего от внешних обстоятельств и поведения участников избирательного процесса.

Следует отметить, что все профессии, относящиеся к сфере взаимодействия с другими людьми (учитель, врач, продавец и т.д.) требуют высокой эмоциональной нагрузки. Не является исключением и сотрудник избирательной комиссии, которому приходится непрерывно контактировать с лицами разного возраста, пола, характера, индивидуальными психологическими особенностями и т.д. [1].

Для понимания психологического состояния сотрудников избирательной комиссии следует рассмотреть обязанности, выполняемые ими. Так, сотрудники избирательных комиссий поочередно несут дежурство в помещении избирательного участка

уже за 10 дней до дня голосования, которое, в первую очередь направлено на обеспечение права граждан проверить их включение в список избирателей. В комиссиях более высокого уровня члены с правом решающего голоса обычно отвечают за определенную часть работы, входят в состав рабочих групп (например, группы по проверке подписных листов, по рассмотрению жалоб), курируют часть нижестоящих структур. Все эти обязанности распределяются между сотрудниками вскоре после формирования самой комиссии.

Члены вышестоящих комиссий в период голосования в основном контролируют работу участковых комиссий и разбирают поступающие жалобы. Их основная работа начинается после окончания голосования, когда готовы протоколы нижестоящих комиссий. Закон требует, чтобы именно члены комиссий с правом решающего голоса принимали все документы, проверяли правильность их оформления и суммировали данные, содержащиеся в них. Самая главная работа происходит в день голосования, когда приходится практически непрерывно трудиться в течении всего дня, пока не будут подведены итоги голосования на участке. После окончания подведения итогов принимается решение о результатах выборов и подводится общий итог [7].

Еще одним фактором, влияющим на психоэмоциональное состояние сотрудников избирательных комиссий, является обеспечение социально-экономической стабильности в стране. Следовательно, общая атмосфера и обстановка во время избирательной кампании, и, соответственно, эмоциональное состояние сотрудников, напрямую зависит от политических событий, настроения и общего культурного развития общества. Определенное значение имеет уровень подготовки, понимание обществом важности проведения выборов. Все это способствует грамотному и адекватному поведению избирателей, снижению конфликтных ситуаций, и, как следствие, стабильному психоэмоциональному состоянию работников избирательных комиссий [6].

Исходя из рассмотренного выше круга обязанностей сотрудников избирательных комиссий, организующих подготовку, проведение и подсчет результатов выборов, можно сделать вывод о большой психоэмоциональной нагрузке, которую они испытывают, выполняя свои прямые обязанности. Учитывая, что способность грамотно взаимодействовать со всеми участниками процесса выборов требует высокого уровня стрессоустойчивости со стороны сотрудников избирательных комиссий, мы можем говорить о важности и значимости диагностирования и проведения работы по укреплению данного качества среди сотрудников избирательных комиссий.

С целью определения уровня психологической стабильности и способности противостоять стрессовому состоянию было проведено исследование с использованием ряда методик. Задача заключалась в выявлении общего уровня стрессоустойчивости у работников избирательных комиссий, и в формировании на основе полученных результатов рекомендаций по повышению способности ему противостоять.

Гипотезой исследования выступало предположение о том, что, учитывая интенсивный и напряженный характер работы во время избирательных кампаний, у сотрудников, выполняющих свои прямые обязанности, в данный период может заметно снижаться стрессоустойчивость.

В процессе исследования использовались следующие психодиагностические методики:

1. Тест «Самооценка стрессоустойчивости личности» Н.В. Киршевой и Н.В. Рябчиковой. Данная методика позволяет определить уровень противостояния стрессу [2]. «Бостонский тест на стрессоустойчивость» Л. Миллера, А.Д. Смита в адаптации Ю.В. Щербатых. Диагностика разработана исследователями Медицинского центра Университета Бостона для выявления степени подверженности стрессу [3]. Шкала нервно-психического напряжения Т.А. Немчина, или опросник НПН, представляет собой

перечень признаков, составленный по данным клинико-психологического наблюдения, и разделенных на три степени выраженности: слабая, умеренная, чрезмерная.

Под нервно-психическим напряжением автор понимает «состояние личности, обусловленное предвосхищением неблагоприятного для субъекта развития событий, которое сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, страха и включает в себя готовность овладеть ситуацией, действовать в ней определенным образом» [4]. Методика «Оценка профессионального стресса», разработанная Вайсманом, позволяет узнать уровень стресса, вызванного трудовой деятельностью [5].

Проведенная диагностика, в которой принимали участие 40 сотрудников избирательных комиссий, дала возможность выявить уровень стрессоустойчивости представителей данной структуры. Результаты методики «Самооценка стрессоустойчивости личности» были суммированы, а далее выявлен общий балл группы, который составил 48 – показатель, находящийся на пороге ниже среднего. Таким же образом было определено среднее арифметическое всех респондентов по методике «Бостонский тест на стрессоустойчивость» Л. Миллера, А.Д. Смита в адаптации Ю.В. Щербатых. Результаты указывают на низкую сопротивляемость стрессовым ситуациям у респондентов. Результаты опросника НПН показали достаточно высокую степень нервно-психологического напряжения, поскольку общий балл составил 72. Повышенным оказался и уровень профессионального стресса по методике Вайсмана, который показал 62 балла при подсчете среднего арифметического.

Полученные результаты указывают на тот факт, что сотрудники избирательных комиссий имеют низкую стрессоустойчивость. Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии способности респондентов обходить стороной провокации, об их склонности поддаваться и легко вступать в конфликтные ситуации. Результаты исследования также

свидетельствуют о необходимости психологической подготовки сотрудников избирательных комиссий, направленной на снижение психоэмоционального напряжения.

Важным является проведение работы по стабилизации психоэмоционального состояния сотрудников избирательных комиссий, формировании психологической готовности противостоять конфликтным ситуациям и провокациям, с которыми сталкивается сотрудник в процессе выполнения своей деятельности. Так как повышение стрессоустойчивости прямым образом влияет на работоспособность и результативность всей работы, связанной с подготовкой и проведением выборов.

Частые стрессовые состояния, в которых оказывается человек, не самым благоприятным образом сказываются на его общем психологическом, следовательно, и физическом состоянии. Специалист, подверженный чувству тревоги и внутреннему дискомфорту, не способен осуществлять трудовую деятельность в полной степени, так как он тратит определенное количество сил и энергии на обдумывание возникшей ситуации, сосредотачиваясь на личностях и событиях, спровоцировавших стресс, а не на выполнение своих прямых обязанностей. И здесь очень важным является обеспечение сотрудников избирательных комиссий инструментами, обеспечивающими стабилизацию психоэмоционального состояния, так как это позволит существенно повысить эффективность результатов деятельности данных специалистов.

Таким образом, решение вопроса о повышении стрессоустойчивости, в котором оказывается специалист во время проведения избирательной кампании, является достаточно важной проблемой. Для ее решения существует множество инструментов, техник и методик. В свою очередь участие сотрудников избирательных комиссий в специально организованных социально-психологических тренингах дает возможность повысить уровень компетентности по вопросу сохранения психологического здоровья

и профилактики эмоционального выгорания. Разработанные различные мероприятия тренинга помогают разобрать случаи, которые могут возникнуть в процессе работы на избирательном участке, научиться грамотно реагировать на конфликтные и провокационные ситуации. Такие мероприятия осуществляются путем обыгрывания различных примеров, ситуаций, которые могут возникнуть в период подготовки и проведения выборов, в ходе общения с участниками избирательного процесса (избирателями, наблюдателями, кандидатами и т.д.). В том числе, налаживание режима дня, когда происходит грамотное сочетание сна, отдыха, питания и труда, так же способно повысить степень стрессоустойчивости. Активные групповые методы анализа сложных профессиональных ситуаций позволит развитию установок, навыков и знаний межличностного общения помочь в решении внутриличностных и межличностных проблем сотрудника избирательной комиссии и тем самым поможет в налаживании благоприятной рабочей атмосферы на участках. Тогда специалисты не будут тратить большое количество сил и энергии на то, чтобы справиться со стрессовым состоянием, а направят все свои ресурсы на выполнение собственно обязанностей по организации и проведению кампании.

В ходе разработки программы социально-психологического тренинга, направленного на повышение стрессоустойчивости и снижения психоэмоционального напряжения у сотрудников избирательных комиссий, следует учитывать возрастные, индивидуальные особенности сотрудников, а также те требования, которые предъявляются к ним в ходе выполнения своих обязанностей. Поскольку одни и те же инструменты могут оказаться действенны для одного специалиста, но не быть полезными другому человеку, и здесь наличие психологической готовности к сложным ситуациям способно помочь при снятии психоэмоционального напряжения и тем самым позволит повысить уровень стрессоустойчивости.

Список литературы:

1. Маясова Т.В. Влияние профессиональной деятельности на стрессоустойчивость // Вестник Мининского университета. - 2014. - №4 (8). – С. 1-6.
2. Киршева И.В., Рябчикова Н.В. Психология личности: тесты, опросники, методики. М., 1995. – 236 с.
3. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. – СПб., 2006. – 256 с.
4. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения. Л.: Ленинградский университет, 1983. – 167 с.
5. Гринберг Дж. Управление стрессом. - СПб., 2002. – 496 с.
6. Михеева А.В. Стрессоустойчивость: к проблеме определения // Полилингвильность и транскультурные практики. - 2010. - №2. – С. 82-86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stressoustoychivost-k-probleme-opredeleniya>
7. Зинченко Е.В., Зинченко С.С., Дроздова И.И. К вопросу об управлении конфликтами в деятельности организаторов выборов // Инженерный вестник Дона. - 2016. - №4 (43). - С. 1-9.

*Гаджибабаева Джавганат Ражидиновна
Чурсина Юлия Викторовна
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого»,
г. Великий Новгород*

МАНИПУЛИРОВАНИЕ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Изучение гендерных особенностей в контексте манипулятивных стратегий в общественных взаимодействиях представляет собой ключевую область в психологии. Например, гуманистическая психология воспринимает человеческую индивидуальность через призму его естественного стремления к развитию собственных возможностей и достижению полноты своих способностей, как это описывал А. Маслоу. Этот процесс самореализации, который представляет собой выражение личных

потенциалов в жизни, часто сталкивается с различными жизненными препятствиями или, наоборот, получает поддержку в лице окружающих. Взаимодействие с другими людьми является одним из факторов, в рамках которого человек выбирает виды деятельности и социальные роли, стремясь к самовыражению и в то же время стимулируя окружающих к действиям, поддерживающим его стремление к самореализации. Когда человек сталкивается с нехваткой ресурсов, конкуренцией и разнообразием во взглядах на ценности, эти обстоятельства могут стать препятствиями для обеспечения жизненно необходимых условий. В таких ситуациях некоторые могут прибегать к манипуляции другими людьми, чтобы преодолеть эти трудности.

В современной динамике общественных и культурных изменений гендерные роли претерпевают трансформацию, роль женщины и мужчины в контексте брака различна. Женщины, чья социальная роль преобразовывается, становятся более инициативными в изменении сущности брачных отношений, стремясь к тому, чтобы брак способствовал их личному развитию и самореализации.

В брачных отношениях, которые являются культурно устоявшейся формой совместного бытия партнеров, обладающих определенными ожиданиями и правилами на уровне мыслей и действий, часто возникают споры. Эти разногласия могут быть вызваны различием в восприятии брака: с одной стороны, женщина может видеть в нем шанс для личного развития и самовыражения в разных аспектах жизни, в то время как мужчина может рассматривать брак преимущественно как основу для создания и поддержания семьи, воспринимая это как самоценную цель.

Столкновение между индивидуальными стремлениями женщин к самовыражению через выбор жизненных путей и общепринятыми культурными стандартами в браке становится очевидным, когда рассматривается личный взгляд женщины на брак как платформу для реализации. В то время как женщины

психологически готовятся к союзу, исходя из своих внутренних побуждений и желаний подчеркнуть свою уникальность, они сталкиваются с устоявшимися общественными ожиданиями и социальными правилами, которые часто ограничивают возможность их личностного развития. Этот разрыв между личными амбициями и традиционными ролями в браке порождает напряжение, поскольку социально укоренившаяся система брака диктует свои условия, возможно противоречащие личным устремлениям женщины. В современном обществе брак по-прежнему играет ключевую роль в самореализации женщин, хотя ее значимость для укрепления их индивидуальности может быть выше, чем для мужчин. Отмечено, что женщины в рамках семейных отношений часто ценят такие аспекты, как активное участие в социальной жизни, внешнюю привлекательность и эмоциональную поддержку, что отражает стремление к личностному росту через брак [3].

Работа А.О. Руслиной осветила интересные различия в восприятии манипулятивных тактик среди разных полов. В частности, было установлено, что женщины в большинстве случаев критически относятся к манипуляциям и не приемлют подобного поведения в отношении себя, в то время как мужчины демонстрируют более высокую толерантность к применению манипулятивного поведения к ним [1]. Кроме того, результаты исследования указывают на то, что способность к манипулированию во взаимодействиях тесно связана с определенными характеристиками личности. В частности, выяснилось, что характеристика, известная как «макиавеллизм», оказывает наиболее значительное воздействие на предрасположенность к манипулирующему поведению. Исследование также показывает, что макиавеллизм стоит во главе психологических факторов, лежащих в основе манипулятивных действий [1].

«Макиавеллизм» – это понятие, которое используется для описания индивидуальной склонности личности проявлять манипулятивное поведение во взаимодействии. Таким образом,

личность, которой присущи макиавеллистские тенденции, имеет предрасположенность к утаиванию своих настоящих намерений с целью оказать влияние на направленность поведения и поступков другого человека. Рассматривая макиавеллизм как личностную особенность, можно выделить две основные ее составляющие:

1. убежденность личности в возможности и целесообразности манипулирования другими;
2. проявление определенных способностей и навыков манипулятивного поведения.

В результате исследования А.О. Руслина пришла к выводу, что более манипулятивными в общении являются личности, обладающие макиавеллистскими чертами. Исследования указывают на то, что, хотя оба пола демонстрируют макиавеллистские тенденции, мужчины, как правило, более склонны к манипулятивному поведению в социальных взаимодействиях по сравнению с женщинами. Несмотря на то, что разница в поведении мужчин и женщин не проявилась как статистически значимая в соответствии с биномиальным критерием, существует общая тенденция к более высокому уровню макиавеллизма у мужчин. Такие выводы предполагают, что женщины могут быть менее склонны к использованию манипуляции в общении [1].

Ю.Е. Алешина и Ю.Б. Гиппенрейтер в своих исследованиях уделили значительное внимание вопросу удовлетворенности в браке, что является ключевым аспектом межличностных отношений между супругами. В ходе анализа они предположили, что способность влиять на своего партнера через различные формы манипуляции может быть индикатором уровня удовлетворенности отношениями в браке. Проведенные исследования выявили, что чем активнее женщина применяет манипулятивные стратегии в общении с мужем, тем выше ее личное ощущение удовлетворенности от супружеской жизни [2].

Мы рассматриваем гипотезу о том, что уровень склонности к манипулятивному поведению может варьироваться у индивида в

зависимости от контекста социального взаимодействия. В частности, интерес представляет вопрос, как изменяется поведенческая стратегия женщин, когда они вступают в брачные отношения, поскольку роль партнера может оказывать влияние на их манипулятивные действия. Для проверки этой гипотезы было организовано исследование с участием молодых женщин, как свободных, так и состоящих в отношениях, чтобы выявить, становятся ли они более склонными к манипулированию в процессе организации своего бытия в партнерстве с мужчиной. В качестве методов исследования была использована методика «Шкала макиавеллизма личности, МАСН-IV (Р. Кристи, Ф. Гейс)» и полуструктурированное интервью.

Согласно полученным нами результатам, более 60% незамужних женщин признают использование манипулятивных методов в отношениях с целью достижения своих интересов или получения преимуществ. Однако, около 25%, утверждают, что они избегают любых форм манипуляции во взаимодействии с партнером. Около 15% женщин признает, что иногда прибегает к манипуляции, но подчеркивает, что это происходит не всегда осознанно.

Изучение мнений среди замужних женщин выявило интересный паттерн: все опрошенные признались в использовании уловок по отношению к своим мужьям. Они оправдывают такие действия желанием достичь определенных целей или получить желаемое от своих партнеров.

Более 37% одиноких женщин воспринимают манипулирование партнером как форму креативности и игры в актерство, в то время как другие, около 25%, видят в этом проявление эгоистических наклонностей. Более 18% считают, что это сознательный выбор в пользу достижения оптимальных отношений, а еще для 20% – это способ показать заинтересованность в его интересах и семейной жизни.

Многие замужние женщины уверены в том, что взаимодействие с мужем требует определенной степени манипулятивного поведения, что подтверждают две трети опрошенных. Однако, каждая третья женщина воспринимает такие действия как проявление умственных способностей.

В исследовании отмечается, что большинство замужних женщин, более 60%, и около 25% одиноких видят в манипулировании партнером инструмент достижения личной выгоды и утверждают его полезность («если это вам выгодно, то это полезно»). В то время, как только 15% воспринимает манипуляции как проявление себялюбия и эгоизма, не несущее в себе никакой позитивной составляющей.

Женщины, не вступившие в брак, чаще всего, используют манипуляции как средство для самовыражения и экспериментов над эмоциями других. В отличие от них, замужние женщины прибегают к таким методам с целью достижения конкретных результатов и исполнения своих желаний.

Большинство незамужних женщин, более 37%, выражают мнение, что взаимодействие с партнером должно быть деликатным и предусмотрительным, применяя манипулирование лишь в исключительных обстоятельствах – примерно четверть из них выделяют такие ситуации, как разногласия, где они уверены в своей правоте. Однако, каждая четвертая из опрошенных считает, что использовать манипуляции в отношениях неуместно. В то же время, среди тех, кто вступил в брак, преобладает мнение о том, что влияние на супруга допустимо, но при этом крайне важно не переусердствовать и сохранять осторожность.

Около 60% опрошенных незамужних женщин считает, что воздействовать на своего спутника допустимо, если не осталось других вариантов. Около 27% женщин убеждены, что такие действия оправданы, если они направлены на общее благо. Около 13% опрошенных категорически против любых форм манипуляции в отношениях.

Большинство замужних женщин, более 65%, придерживается мнения, что манипуляции можно применять, если это необходимо, около 35% замужних женщин придерживается мнения, что манипуляции можно применять, когда нужно, и это не несет вреда.

Большинство женщин, не состоящих в браке, убеждены, что манипуляции в семейной жизни являются вредными и могут подорвать основы отношений (более 62%). Однако, часть опрошенных (около 38%) считает манипулирование естественным аспектом взаимодействия партнеров.

Согласно мнению замужних женщин, использование манипулятивных методов в браке является не только необходимым, но и приносит пользу их мужьям.

По результатам полуструктурированного интервью были определены различные стратегии манипулирования, которые используют женщины: попытка вызвать жалость и сострадание; роль хрупкого создания; слезливость, эмоциональные излияния; выражение недовольства; преднамеренное согласие с ожиданиями собеседника, вводящее в заблуждение; применение ультиматумов, договорённости с отсылкой к прошлым обещаниям; использование обаяния, флирта; проявление особой заботливости; комплименты; обольщение и секс; замалчивание своих мыслей; показательное недовольство; поведение, характерное для детского возраста; притворство болезнью или слабостью; явное выражение усталости; приготовление изысканных блюд, устройство романтического вечера; создание конфликтных ситуаций, эмоциональные вспышки; остроумные шутки, проявление чувства юмора; убеждения, мольбы.

Стратегии манипуляции могут различаться в зависимости от семейного положения женщины. Замужние женщины могут склоняться к тому, чтобы вызывать у мужчин чувство защитника, используя слёзы и уязвимость, чтобы спровоцировать сострадание. Незамужние же часто прибегают к иным методам, таким как обольщение, чтобы привлечь внимание мужчины, используя комплименты и чувственное влечение. Так или иначе, цель

манипуляций изменяется в зависимости от того, стремятся ли женщины закрепить уже существующую связь или же ищут новую. Таким образом, разница в социальных ролях женщин влияет на выбор методов манипуляции, которыми они предпочитают пользоваться. Так, например, незамужние женщины часто прибегают к юмору, стремясь достичь своих целей, в то время как замужние женщины редко используют такие способы. Вместо этого они могут выбирать стратегию упреков или игнорирования, чтобы достигнуть желаемого, в отличие от своих незамужних подруг, которые не используют подобные манипулятивные стратегии.

Таким образом, результаты исследования выявили различия в стратегиях манипуляций, применяемых замужними женщинами в сравнении с незамужними. Подчеркивается, что семейное положение оказывает влияние на то, как женщины относятся к манипулированию, и какие приемы они выбирают для осуществления манипулятивного воздействия. Так, замужние женщины чаще склонны к использованию манипуляций в отношениях со своими супругами, в сравнении с теми, кто не вступил в брак. Однако, методы манипуляции различаются: замужние женщины часто стремятся вызвать чувство ответственности у своих мужей, в то время как одинокие женщины предпочитают применять стратегии, основанные на привлекательности и очаровании.

Список литературы:

1. Руслина А.О. Макиавеллизм личности и понимание манипулятивного поведения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2007, Т. 13, С.124-129.

2. Стеблей А. В. Манипуляционные технологии и практики в семье // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции. / под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. – СПб., 2019. – С. 1261-1264.

3. Шишкина Е.В., Бадалян А.Г. Манипуляции в семейных отношениях // Педагогика и психология семьи: Сборник материалов VII научно-практической конференции, Саратов, 11 мая 2022 года. – Саратов, 2022. – С. 182-188.

Гасанова Саида Алиевна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Онтогенез человека неразрывно связан с процессом социализации, подразумевающим формирование различного рода отношений с другими людьми, а также обмен знаниями, опытом и взглядами на жизнь. Процесс социализации оказывает детерминирующее влияние на саморазвитие человека и актуализацию его потенциала. Установление отношений с миром и познание окружающей реальности взаимосвязаны с процессом формирования самосознания личности через переходы от идентификации к самореализации и, наоборот, от познания к самопознанию, от оценки к самооценке, от социального восприятия к самовосприятию, от внешнего контроля к внутренней регуляции. Эффективная и благополучная жизнедеятельность в социуме, устойчивость к различным формам конкуренции, а также определение своих возможностей и направленности на сегодняшний день возможно лишь в условиях самореализации и самоактуализации личности [1].

Вопрос самореализации впервые встал как ключевая проблема личности в рамках гуманистической и экзистенциальной психологии, основными представителями которой являлись К. Гольдштейн, А. Маслоу, К. Роджерс, Д. Бьюдженталь. Представители данного направления объясняли актуальную в данной работе проблему как внутреннюю динамику, заключающуюся в направленности к своей идентичности, определению себя, актуализации личностного потенциала. Среди отечественных работ в рамках психологии немало исследований личности как таковой и самореализации как одного из ее условий

(Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, В.В. Давыдов, А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев и др.). В качестве свойства личности самореализация интерпретирована в концепции Б.Г. Ананьева; самореализация как процесс — в работах К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой. Д.А. Леонтьев (Леонтьев, 1997, 2002) и И. Д. Егорычева (Егорычева, 2005) определяют данный феномен как высшую деятельность. Д.И. Фельдштейн самореализацию приравнивает к личностному развитию; Э.В. Галажинский, Л.А. Коростылева, С.И. Кудинов характеризуют самореализацию как системное образование.

Огромное внимание ученых на данную проблему обусловлено, в первую очередь, влиянием самореализации на становление личности в различных сферах. Результаты исследований имеют высокую применимость на практике, поскольку на сегодняшний день очевидна связь самореализации со множеством других явлений психологической природы. К примеру, связь самореализации обнаруживают с различными качествами личности — общительностью, креативностью, субъектно-личностной сферой и пр. (Е.Ф. Коломиец; Л.С. Моцарь; Н.Н. Шатохина). Есть немало научных трудов по выделению возрастных критериев в ходе осуществления самореализации личностью (И.В. Егорычева, И.В. Солодникова, Н.В. Борисова и др.). В круг проблем, связанных с самореализацией личности, включают анализ различных областей и типов деятельности, к ним относятся семья, учебная и трудовая деятельность, творческие продукты, интересы, командная работа и т.д. (О.В. Питерская, С.В. Лебединская, С.А. Воломеев, С.А. Коростылева, О.М. Румянцева и пр.). В исследованиях самореализации ценность также представляют полоролевые особенности личности.

Так, А. Реан на основе эмпирических данных доказывает, что общая успешность человека взаимосвязана с профессиональной самореализацией личности. Он говорит о том, что лишь при условии

профессионального становления формируется чувство полноценности и благополучия [3, с.88]

При всём разнообразии исследований самореализации существуют и такие, в которых не отслеживается и не определяется влияние важных, на наш взгляд, факторов, это и врожденные особенности, и особенности нервной системы, задатки, общество и т.д., без учета которых невозможно выработать полное и четкое представление о данном феномене.

Поэтому в рамках изучения вопроса самореализации личности важно выделить целостный, системно-диспозиционный подход к определению личности и ее свойств, которые рассматриваются как системные образования, разработанный А. И. Крупновым. Автор предложил шестикомпонентную систему характеристик личности, при этом каждая такая характеристика содержит особенности трех взаимоперетекающих уровней – индивидные, индивидуальные и личностные. Ключевым моментом в его исследованиях выступает та важная роль, которую автор отвел как окружающей среде, которая детерминирует образование мотивационно-ценностной сферы, так и биологическим, природным данным индивида. В его систему также включены рефлексивнооценочный и установочно-целевой компоненты [6].

Выходящие из данного подхода исследования, как правило, предполагают определенную позицию ученого и набор средств, с помощью которых можно не только выявить специфичные характеристики данного феномена, но и определить ход формирования и развития как всей системы, так и ее компонентов по отдельности благодаря принципу целостности, последовательности, интеграции, синтеза и взаимообусловливания. Такая исследовательская направленность обнаружена в научных работах по проблемам самореализации у Л.А. Коростылевой, С.И. Кудинова.

Отечественный психолог Л.А. Коростылева, анализируя проблему самореализации личности, опирается на систему представлений другого отечественного психолога Б.Г. Ананьева, где

особенности самореализации личности отслеживались в пределах профессионального становления человека. Исследуя данную проблему, автор выделяет три уровня самореализации: примитивно-исполнительный уровень, уровень реализации ролей и норм в социуме (включая духовный и личностный рост) и уровень смысложизненной и ценностной реализации (наивысший уровень). Она также разбила процесс самореализации личности на четыре этапа. Сначала происходит самоопределение, то есть определяется род и характер деятельности; затем идет становление в выбранной специализации через освоение компетенций той или иной профессии; далее осуществляется карьерный рост и, наконец, совершенствование своего профессионализма [2, с. 174]. Она считала, что каждый этап сопровождается различными препятствиями на пути к достижению самореализации. Поэтому автор обобщает возможные препятствия в три группы: ценностные, препятствия смыслового конструкта, диспозиции. В результате такого выделения автор приходит к выявлению взаимосвязи уровня самореализации и влияния препятствий. Так, чем ниже уровень самореализации личности, тем выше интенсивность действия препятствий, а самый низкий уровень самореализации испытывает все три группы препятствий.

Исследование данного феномена И.Б. Кудиновой и С.С. Белоусовой, направленное на выявление взаимосвязи духовно-нравственного самосознания и самореализации личности, позволяет определять самореализацию личности как гармоничную и сбалансированную реализацию различных аспектов личности путем приложения адекватных усилий, направленных на развитие индивидуальных и личностных потенциалов и основанных на смысложизненных, духовных и общегуманистических ценностях. Они обозначили, что все попытки анализа самореализации личности приводят к выделению ее как процесса, в котором личность в большей степени сосредоточена на внутренних ощущениях, замкнута на себе. По их мнению, сопровождение этого процесса

гуманистическими и альтруистическими установками, формированием духовно-нравственной сферы позволяет достичь равновесия, внутреннего баланса, что обеспечивает полноценную и эффективную самореализацию личности.

В работе С.И. Кудинова и С.С. Кудинова сделана попытка выявления взаимосвязи самореализации и инициативности личности. Авторы пришли к выводу о том, что самореализация вместе со способностями и свойствами личности является одним из компонентов внутренних ресурсов молодых людей к освоению профессиональных компетенций.

Эмпирически доказано, что самореализация личности определяется уровнем сформированности свойств личности. Так, исследователи получили результат, доказывающий включенность такой характеристики как инициативность в основу самореализации молодых людей. Из этого вытекает мнение о том, что на этапе учебной деятельности и освоения профессиональных компетенций необходимо в этот процесс внедрять методы и средства развития инициативных черт и смежных с ними качеств — ответственности, активности, настойчивости, целеустремленности и др., которые имеют большое влияние на успешность профессиональной самореализации.

Еще достаточно объемные исследования самореализации в рамках концептуального полисистемного подхода проведены доктором психологических наук С.И. Кудиновым. В его концепции теоретически и эмпирически выделены факторы самореализации — психоэкологические, психофизиологические, психологические, педагогические и социальные; ее формы – внешняя и внутренняя; и виды – деятельностьная, личностная и социальная. Такой угол зрения позволяет определять самореализацию как многогранное возможно образование, а через интеграцию детерминирующих ее систем обогатить и расширить представление о данном явлении. Помимо этого, удалось маркировать внутренние детерминанты самореализации: цели и ценности, мотивы и потребности,

креативность и консервативность, конструктивная и деструктивная результативность, активность и пассивность, оптимистичность и пессимистичность, внутренний и внешний локус контроля, а также социальные и личностные барьеры.

Еще одно исследование, которое направлено на выявление факторов самореализации личности, осуществлено Н.В. Вязовой и Л.В. Романовой. Авторы полагают, что для достижения самореализации важно стремиться к регулярному проявлению активности, выполнению сложной работы, постоянному решению трудных задач, также не следует избегать препятствий, всплывающих в процессе выполнения какой-либо деятельности. Они также отмечают, что неудовлетворенность и упадок внутреннего благополучия напрямую связан с нереализованностью внутреннего потенциала человека. Детерминантой такой нереализованности может быть утрата каких-либо частей из системы факторов самореализации, а это значит, что необходимо следить за тем, какие явления положительно, а какие отрицательно влияют на этот процесс.

Таким образом, самореализация личности является полиморфным образованием, которое характеризует и процесс, и состояние, и цель, и средства, и результат, и, наконец, деятельность. Важность самореализации в жизни человека заключается в формировании личностных качеств, актуализации и реализации личностного потенциала, выборе профессиональной направленности, определения своей роли в окружающем мире и обеспечении внутренней гармонии и благополучия.

Список литературы:

1. Абрамова Г.С. Практическая психология: учеб. для студентов вузов. – М.: Акад. Проект, 2005. – 490 с.
2. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: Основные сферы жизнедеятельности: дисс. ... д-ра психол. наук. – СПб, 2001. – 400 с.

3. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности в свете учения индивидуальности Б. Г. Ананьева // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб., 2007. – Вып. 11. – 5-19 с.

4. Кудинов С.И. Полисистемный подход исследования самореализации личности // Сибирский педагогический журнал. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 337-346.

5. Кудинов С.И., Кудинов С.С. Психологический анализ общительности как условия самореализации представителей различных национальностей. // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2011. – № 4. – С. 17-26.

6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999.

7. Маслоу А. Мотивация и личность – СПб., 1999. – 479 с.

8. Сабанчиева Р.З. Карьерные ориентации и профессиональная самореализация преподавателей высшей школы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. №4. - С.280-284.

Майндурова Хадижат Мухаевна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

Научный руководитель:
Муталимова А.М., доцент кафедры общей
и социальной психологии ФГБОУ ВО «ДГУ»

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Одной из важных проблем в современной психологии является изучение мотивов взрослых людей – в частности их профессиональных мотивов. Все это обуславливает необходимость проведения таких исследований, которые позволяют изучить основные профессиональные мотивы сотрудников организаций.

Проблема мотивации рассматривалась в разных контекстах, в основном известны исследования, направленные на изучение

мотивации и мотивов (Е.П. Ильин), мотивации и деятельности (Х. Хекхаузен), мотивации и личности (А. Маслоу) [1, 2, 3]. Однако, исследований, направленных на изучение психологических особенностей мотивационной структуры в контексте осуществления профессиональной деятельности недостаточно.

Молодежь отличается высоким уровнем динамичности в мотивационной сфере, что позволяет регулировать свои цели и стремления, наиболее выраженные до 25-30 лет. Это объясняется способностью к быстрой адаптации и изменению динамических характеристик мотивации. Между тем, с увеличением возраста, содержательный аспект мотивации заметно снижается.

Проявления мотивационной сферы представлены сквозь структурно-содержательные и динамические элементы, внутренне связанные и обуславливающие направленность действий индивида. С осознанием этих двух типов параметров можно сконструировать систему мотивационных сил, способствующих инициации и поддержанию активности, а также их последующему развитию и трансформации. Специфика динамической составляющей мотивации воплощается в способности к вариативности и развитию предпочтений и устремлений.

Мотивация является иерархической и динамичной, поскольку она влияет на выбор целей и действий субъекта, отражаясь в разнообразии жизненных ситуаций и профессиональных траекторий. С учетом возраста, цели эволюционируют и влияют на количество и соотношение мотивов, актуальность которых может усиливаться или угасать. Действия человека подпитываются многообразием мотивов, некоторые из которых активизируются и реализуются, в то время как другие остаются потенциальными и не влияют на поведение.

Действия человека стимулируются актуальными мотивами, которые активизируют механизмы принятия решений и их выполнения, в то время как потенциальные мотивы лежат в основе возможных будущих действий. На протяжении времени количество

актуальных мотивов сокращается, в отличие от не актуализированных, которое, напротив, возрастает. Таким же образом, мотивы могут выступать объединено, отвечая за одно или множество действий, что свидетельствует о возможности сосуществования различных стимулов, также приводя к разделению их функций в рамках иерархии мотивационной структуры.

В процессе развития мотива, независимо от возраста, установлены следующие составляющие стадии, выделенные Е.П. Ильиным [1, с.11].

В ходе первого этапа происходит возникновение первичного мотива через понимание личности о сущности и необходимости определённой потребности. Индивид должен признать значимость удовлетворения возникшей потребности для собственного благополучия. Это подразумевает осознание недостаточности чего-то важного, когда, например, чувство голода или жажды доводится до предельного уровня, вызывая состояние дискомфорта и беспокойства, что стимулирует осознание потребности в её удовлетворении.

Затем следует этап исследовательской активности, которая может быть, как внешней, так и внутренней. Внешняя активность заставляет субъекта сканировать окружение в поисках объекта или информации, способных обеспечить достижение запрашиваемой потребности, особенно когда он оказывается перед лицом незнакомых ситуаций. В то время как внутренняя поисковая активность влечёт за собой мыслительный процесс, направленный на выбор и планирование получения соответствующих ресурсов. На этом этапе ключевую роль играет определение вероятности успешного удовлетворения потребности, что зависит от принимаемых стратегий и может снижаться с возрастом. Также поиски включают в себя предвидение моральных последствий предпринимаемых действий, что подчёркивает значимость этических ограничений при реализации намеченного плана.

Последний этап сконцентрирован на выборе определённой цели и разработке волевого решения достичь её. После анализа различных подходов к удовлетворению потребности, человек должен установить конкретный путь решения и разработать стратегию для его осуществления [1].

Созидание и совершенствование себя, олицетворяемое категорией "саморазвитие", включает в себя стимулирование и расширение физических, интеллектуальных и эмоциональных границ. В числе мотивирующих категорий выделяется не только жажда быть признанным в качестве лидера или кумира, но дополнительно наличие постоянного стремления к полноте достигаемых результатов, навыков и знаний, то есть к "достижению". "Самоутверждение" в этом контексте ассоциируется с необходимостью признания, уважения, и ощущением превосходства в статусе.

В процессе развития этих стремлений, воля и мотивация человека проявляется через преднамеренное и последовательное активное воздействие. Силу воли развивают и укрепляют для преодоления препятствий, содействуя формированию и поддержанию направленности на желаемый результат. Актуализация личной мотивации ведет к осознанному выбору методов и техник эффективного достижения поставленной цели, о чем свидетельствует становление упорядоченной последовательности действий.

Мотивационная динамика и структурное разнообразие являются ключевыми векторами в понимании личностных аспектов поведения. Среди фундаментальных черт мотивационной сферы выделяют гибкость, множественность, иерархичность, устойчивость, динамичность, структурность и мотивационную силу. Представление А. Маслоу о ступенчатом насыщении потребностей иллюстрирует иерархическую природу доминирования базовых, таких как физиологические, перед более высоким уровнем потребностей. Этот фундаментальный порядок олицетворяет

систему ведущих и второстепенных потребностей в мотивационной структуре [2].

Смена действий в ответ на различные побуждения и потребности обозначает флексибельность мотивационной сферы. Интерес представляет факт, что личности сходного склада могут прибегать к неодинаковым стратегиям и инструментам, чтобы удовлетворить аналогичные потребности.

Таким образом, индивидуальная мотивационная структура личности уникальна для каждого индивида, тем не менее общие мотивы в большей степени унифицированы и включают в себя органические, материальные, социальные и духовные стремления.

Список литературы:

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер. 2002. – 512 с.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб., 2023. – 542 с.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М., 1986.

Османо́ва Хади́джа Адамо́вна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

С целью изучения взаимосвязи толерантности к неопределенности и характерологических особенностей личности нами было проведено исследование, основной гипотезой в котором выступало предположение о том, что между исследуемыми параметрами личности существуют довольно тесные взаимосвязи.

В исследовании приняли участие 31 испытуемый: студенты факультета психологии и философии ДГУ в возрасте от 18-24 лет, студенты 3-го и 4-го курса.

Методы исследования: опросник, тестирование, и методы математической обработки. Использовались следующие методики:

«Шкала толерантности к неопределенности, MSTAT-I», Дэвид Макляйн [2] и «Висбаденский опросник, WIPPF/A», Н.Пезешкиан, адаптация: С.Ю. Зелинская, А.И. Тащева [1]

Дэвид МакЛейн в своей методике «Шкала толерантности к неопределенности, MSTAT-I» выделил шесть шкал [1]:

1. «Общая шкала толерантности к неопределённости». Показатели по данной шкале указывают на отношение и терпимость индивида в целом к неопределённым, сложным ситуациям и новизне в жизни [3].

2. Шкала «предпочтения неопределённости». Данная шкала направлена на выявление отношения индивида к неопределённости. Высокие значения говорят о предпочтении неопределённых ситуаций, низкие показатели, напротив, указывают на негативное отношение к неопределённости.

3. Шкала «толерантность к неопределённости». Данная шкала направлена на выявление конкретно толерантности, терпимости индивида к неопределённым ситуациям в жизни.

4. Шкала «отношение к новизне». Результаты данной шкалы указывают на положительное, нейтральное, либо негативное отношение к новизне в жизни. Так, в случае высоких результатов – положительное отношение, низкие результаты – негативное отношение, средние результаты – нейтральное отношение.

5. Шкала «отношение к сложным задачам». Показатели данной шкалы указывают на положительное, нейтральное, либо негативное отношение к сложным задачам в жизни. Так, в случае высоких результатов – положительное отношение, низкие результаты – негативное отношение, средние результаты – нейтральное отношение.

6. Шкала «отношение к неопределённым ситуациям». Шкала исследует отношение индивида к неопределённым ситуациям в жизни. Высокие результаты по шкале – положительное отношение к неопределённости в жизни, низкие – негативное отношение, средние – нейтральное.

Результаты проведенного нами исследования показали, что:

Показатели по общей шкале толерантности к неопределенности положительно коррелируют с такой шкалой, как «честность» ($R=0,417$, $p=0,020$). Следовательно, чем выше толерантность к неопределенности, тем выше вероятность честности индивида. Также показатели по данной шкале имеют положительную связь с результатами по шкалам:

- «усердие» ($R=0,417$, $p=0,020$);
- «верность» ($R=0,373$, $p=0,039$);
- «вера, религия» ($R=0,412$, $p=0,021$);
- «конфликт: фантазия» ($R=0,404$, $p=0,024$)

Следовательно, чем выше у индивида результаты по общей шкале толерантности к неопределенности, тем более вероятны такие черты характера, как: усердие, верность, честность и уход в фантазию при конфликтах.

Высокие показатели по шкале «предпочтение неопределённости» указывают на стремление личности к неопределенным ситуациям в жизни. Показатели данной шкалы не коррелируют с показателями по шкалам Висбаденского опросника.

Отношение к сложным задачам. Высокие результаты по данной шкале указывают на положительное отношение индивида к сложным задачам, низкие результаты демонстрируют негативное отношение. Результаты по данной шкале имеют положительную связь со следующими характеристиками:

- «аккуратность» ($R=0,436$, $p=0,014$);
- «верность» ($R=0,403$, $p=0,025$);
- «конфликт: фантазия» ($R=0,457$, $p=0,010$);

Рассмотрим такую шкалу, как «отношение к новизне». Высокие показатели по данной шкале указывают на стремление индивида к новизне и положительному отношению к новшествам в жизни. Результаты по данной шкале имеют положительную связь с показателями по шкалам:

- «аккуратность» ($R=0,434$, $p=0,015$);

- «верность» ($R=0,401$, $p=0,026$);
- «надежда» ($R=0,422$, $p=0,018$);
- «вера, религия» ($R=0,419$, $p=0,019$);
- «конфликт: фантазия» ($R=0,404$, $p=0,024$);

Таким образом, результаты по данной шкале указывают на то, что люди, склонные положительно относиться к сложным задачам, вероятнее являются аккуратными, верными, надеются на положительный исход, склонны уходить от конфликтов в фантазию и продумывать решения с помощью воображения.

Толерантность к неопределенности. Высокие показатели по данной шкале указывают на склонность индивида терпимо относиться к неопределенным ситуациям в жизни. Результаты данной шкалы имеют положительную связь с показателями по шкалам:

- «честность» ($R=0,508$, $p=0,004$);
- «верность» ($R=0,503$, $p=0,004$);
- «надежда» ($R=0,369$, $p=0,041$);
- «вера, религия» ($R=0,452$, $p=0,011$);
- «конфликт: фантазия» ($R=0,412$, $p=0,021$);
- «подражание: я-мать» ($R=0,402$, $p=0,025$);

Таким образом, люди, которым свойственно быть терпимыми к неопределённым жизненным ситуациям, вероятнее являются честными, верными, религиозными, склонными решать конфликты в воображении, а затем и в реальной жизни и чаще имеют положительные взаимоотношения с матерью.

Показатели по шкале «отношение к неопределённым ситуациям». Высокие баллы по данной шкале демонстрируют положительное отношение к неопределённым ситуациям, в случае с низкими баллами - негативное отношение.

Результаты исследования выявили наличие положительной связи с такими показателями, как:

- «усердие» ($R=0,417$, $p=0,020$);
- «надежда» ($R=0,402$, $p=0,025$);
- «конфликт: фантазия» ($R=0,501$, $p=0,004$)

Таким образом, личность, которая чаще положительно относится к неопределённым ситуациям, вероятнее является усердной, надеется на положительный исход, склонна уходить от конфликтов в фантазию и продумывать решения с помощью воображения.

Исходя из полученных результатов и проведенного анализа, гипотеза исследования подтвердилась. Взаимосвязь между толерантностью к неопределенности и чертами характера выявлена.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные могут быть использованы в практической психологии для понимания особенностей характера и проявления тех или иных его черт в неопределенных ситуациях.

Список литературы:

1. Карелин А. А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2005
2. Луковцкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности // Диссертация, 1998
3. Осин Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределённости Д. МакЛейна // Психологическая диагностика, 2010. №2.

*Сурхаев Марат Аслангереевич
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова»,
г. Махачкала*

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СТРУКТУРНОЕ ЗВЕНО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Социальное пространство представляет собой область, где люди взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, идеями и ценностями. Это место, где формируются социальные отношения, возникают сообщества, общественные организации и институты. В социальном пространстве происходит общение, взаимодействие различных социальных групп, создание и

реализация социальных практик. Важным аспектом социального пространства является его динамичность и изменчивость под влиянием социокультурных и исторических факторов.

Важным аспектом социального пространства является его роль в формировании и поддержании социальной структуры общества. Здесь происходит не только взаимодействие между отдельными индивидами, но и становление и функционирование различных институтов, которые оказывают значительное влияние на жизнь человека. Например, образовательные учреждения, политические партии, религиозные общества - все они формируются и действуют именно в социальном пространстве.

Социальное пространство является одним из ключевых аспектов самосознания личности, так как оно представляет собой среду, в которой индивид взаимодействует с другими людьми и формирует свое представление о себе и о мире вокруг себя. Социальное пространство включает в себя различные социальные структуры, институты, нормы и ценности, которые оказывают влияние на поведение и самоощущение личности.

Социальное пространство можно рассматривать как некую сцену, на которой разыгрывается социальная драма, где каждый индивид играет определенную роль в соответствии с социальными ожиданиями и стандартами. В этом контексте социальное пространство является структурным звеном самосознания личности, так как оно определяет рамки и возможности для самовыражения и самореализации.

Важно отметить, что социальное пространство не только ограничивает индивида, но и предоставляет ему определенные возможности для развития и роста.

Таким образом, социальное пространство играет важную роль в структуре самосознания личности, определяя ее социальную идентичность, отношение к себе и окружающему миру, а также способы реализации себя в обществе. Взаимодействие с социальным пространством позволяет индивиду осознать свое место в обществе

и принять себя таким, какой он есть, со всеми своими качествами и особенностями.

Социальное пространство личности – это важное звено структуры самосознания человека. Оно связано с условиями, в которых человек живёт и развивается, а также с формированием сферы прав и обязанностей и личностной социальной позиции.

Основными условиями формирования социального пространства личности являются:

- характеристика места, где протекает жизнь человека;
- формы, стиль, содержание общения и деятельности в русле культуры, к которой принадлежит человек;
- внутренняя позиция самого человека по отношению к истории и культуре своего этноса и всего человечества.

Социальное пространство личности является завершающим звеном структуры самосознания и интегрирует в себе все характеристики других звеньев – представлений об имени и теле, притязаний на признание, половой идентификации и психологического времени личности.

Согласно В.С. Мухиной, социальное пространство личности является пятым звеном структуры самосознания личности. Ребенок появляется на свет и буквально вбрасывается в социальные отношения, общество, культуру, где родился. Он не выбирает условий своего рождения. Социум навязывает себя каждому конкретному человеку. А человек, в свою очередь и зависим от социума, и свободен. Зависим тем, что он живёт в определенном обществе с определенными правилами. Ему необходимо находить с социумом общий язык, чтобы не быть из него выкинутым. В то же время у человека есть выбор, внутренняя позиция, как относиться к тому или иному явлению, что предпринять. Но это не абсолютная свобода, а свобода, скованная условиями социума и индивидуальными особенностями самого человека [2].

Социальное пространство личности является замыкающим звеном самопознания и включает в себя предыдущие четыре звена:

представление о своем теле и имени, половая идентификация, притязание на признание и психологическое время личности.

Условия, в которых человек живет и развивается, в которых у человека формируется сфера прав и обязанностей и в целом личностная социальная позиция создают важное звено структуры самосознания человека – социальное пространство его личности [1].

Факторами формирования социального пространства личности являются воспитание, образ, быт семьи, культура этноса, в которой растет ребенок, проживание в определенном крае, определенной стране, время его жизни на глобальном уровне (какие события происходят в мире, в стране, в местности, где он живёт).

Эти условия, преломляясь через внутреннюю позицию человека, его индивидуальные задатки, особенности, формируют характер личности, способности, ее ценности, убеждения, отношение к правам и обязанностям, усвоение правил общежития и т.д.

Таким образом, человек балансирует между принятием социума, идентификацией с социальными группами, умением влиться в него и сохранением своей индивидуальности, которая не существует сама по себе, а интегрируется в обществе и открывается через других.

Список литературы:

1. Гаджимурадова З.М., Курбанова Ж.Т. Самосознание личности: теории, аспекты и методы исследования: Монография. М.: Парнас, 2018. С. 126–137.

2. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 4-е изд., испр. и доп. – М.: Прометей, 2014.

*Тажутдинова Гулжан Шайхулисламовна,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический
университет им. Р. Гамзатова»,
г. Махачкала*

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ПОДРОСТКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЯХ
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОВЕДЕННОГО СПТ)**

Необходимость написания статьи продиктована дальнейшей профилактической работой, которую необходимо провести после ежегодного социально-психологического тестирования (СПТ). Ежегодное СПТ оставляет много вопросов у специалистов, работающих в этой отрасли. Но несомненно одно: методика все-таки позволяет считывать информацию там, где в этом видится необходимость. Дети, попавшие в зону высочайшего риска, как правило, подвержены и всем социальным рискам. Педагоги, не сумевшие распознать эти звоночки, и не проводящие профилактическую работу с детьми, попавшими в «зону риска», дальше распутывают клубок собственных ошибок. А зачастую это может оказаться поздно, потому что дети с суицидальными наклонностями, или дети, уже совершившие попытку суицида, далее профилактике не подлежат. Учитывая все нюансы и проблемы, существующие в школе, хотелось бы воззвать к педагогам: «Чужих детей не бывает, помогите каждому ребенку. Ведь, дети которых травят, обижают, вовлекают в противоправные группы находятся около вас, распознайте их вовремя».

К формам работы педагога-психолога можно отнести:

- включение профилактических мероприятий в образовательные программы, внеурочную и воспитательную работу, в региональные программы, проекты, практики воспитания детей и молодежи;

- отведение особого внимания духовно-нравственному воспитанию в образовательных организациях, формирующему у обучающихся устойчивое их неприятие;

- развитие системы подготовки кадров в сфере профилактики девиантного и деликвентного поведения;

- создание образовательными организациями необходимых условий для охраны и укрепления здоровья обучающихся (<https://диро.рф/спт/>) (Тажутдинова Г.Ш., Ахмедова Х.М. Адресные методические рекомендации по проведению психолого-педагогических мероприятий по результатам социально-психологического тестирования обучающихся в 2023/2024 уч.г.);

- образовательным организациям РД осуществлять планирование профилактики употребления ПАВ на основе «Структуры профилактической работы в образовательной организации»;

- муниципальным управлениям образования учитывать риск кадрового дефицита специалистов, обеспечивающих проведение профилактической работы в образовательных организациях (в частности, педагогов-психологов);

- муниципальным управлениям образования учитывать и корректировать проведение образовательными организациями неактуальной профилактической работы, в том числе, игнорирование диагностической информации, получаемой на основе ЕМ СПТ и уточняющих методик по выявлению вероятности вовлечения в рисковое поведение (аддиктивное, деструктивное, аутодеструктивное поведение);

- муниципальным управлениям образования организовать работу по количеству отказов от участия в социально-психологическом тестировании (СПТ) и качество проведения разъяснительной работы с обучающимися и их родителями (законными представителями);

- муниципальным управлениям образования учитывать в планах профилактики динамику недостоверных результатов СПТ

и качество проведения Единой методики;

- муниципальным управлениям образования организовать работу с учетом динамики риска аутодеструктивного поведения.

Нам хотелось бы в данной статье акцентировать внимание на буллинге, суицидальном поведении и опасности вовлечения в асоциальные группы. Под аутодеструктивным поведением понимается демонстративно-шантажное, самоповреждающее, суицидальное поведение. Оценка риска происходит с использованием ЕМ СПТ и дополнительного компонента. К факторам риска **буллинга** мы относим: культурные различия, различия в социально-экономическом статусе, особые возможности здоровья, школьный климат, взаимоотношения с учителями, самоидентификацию (сексуальную ориентацию и гендерное самовыражение) [4].

Как факторы риска **одиночной агрессии, скулшутинга** отмечены: нарушения психического здоровья (психопатии, психозы, посттравматическое стрессовое расстройство, суицидальные наклонности), наличие оружия в семье, наличие единомышленников [6].

Как факторы риска **вовлечения в асоциальные группы** выделены: индивидуальные особенности (подверженность тревоге, депрессии, травматический опыт, бесперспективность), пропаганда в интернет-пространстве, семейный фактор (отсутствие родительского контроля), низкий социально-экономический статус семьи, криминальные или националистические круги общения [10].

В области профилактики буллинга рассматриваются следующие программы и методы:

- программы создания просоциальной среды и обучения детей навыкам «активной дружбы»;
- дисциплинарные методы (наказание за буллинг);
- восстановительные программы, основанные на заглаживании вреда, реабилитации;

- реализация образовательной организацией антибуллинговых программ с вовлечением родителей (законных представителей) [5].

В организации профилактики суицидологии описаны следующие зарубежные подходы:

- модели оценки поведенческих рисков готовности к совершению нападения на основе маркеров;

- политика «нулевой терпимости» к оружию в образовательных организациях (например, в США, санкции даже за водяной пистолет в школе);

- командный подход в предотвращении нападения на образовательную организацию и система антикризисного реагирования [16].

Как меры профилактики вовлечения подростков, молодёжи в асоциальные группы описаны следующие практики:

- методы моделирования вовлеченности в экстремизм и организованную преступность через анализ факторов риска (отсутствие занятости подростков и молодёжи, кадровый дефицит социальных работников, и др.);

- восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних правонарушителей;

- ресоциализация несовершеннолетних преступников без изоляции от общества;

- программы формирования индивидуальной жизнестойкости;

- программы создания условий для развития собственной идентичности («пространства безопасного поиска идентичности»);

- программы формирования ответственности у родителей [9, с.53-66]

Профилактика делинквентного поведения является ключевым аспектом предотвращения преступности и антиобщественного поведения. Вот некоторые методы и стратегии профилактики делинквентного поведения:

1. Раннее вмешательство: важно начинать работу по профилактике делинквентного поведения в раннем детстве. Проведение программ и мероприятий по развитию навыков социализации, адаптации и эмоционального интеллекта среди детей и подростков может помочь предотвратить антиобщественное поведение в будущем.

2. Семейная поддержка: Социальная работа с семьями и родителями играет решающую роль в предотвращении делинквентного поведения. Проведение семинаров, тренингов и консультаций для родителей по воспитанию, поддержке и коммуникации с детьми может способствовать созданию здоровых семейных отношений и профилактике проблем поведения у детей.

3. Образовательные программы: вводить в учебный процесс образовательные программы по профилактике делинквентного поведения и социальной адаптации. Эти программы могут включать в себя обучение социальным навыкам, конфликтному разрешению, безопасности и здоровому образу жизни.

4. Молодежные программы и мероприятия: Создание дополнительных возможностей для молодежи в рамках образовательных, спортивных, культурных и общественных программ могут способствовать профилактике делинквентного поведения. Участие в совместных мероприятиях и позитивное взаимодействие с обществом могут укрепить социальные связи и предотвратить антиобщественное поведение.

5. Социальная поддержка и реабилитация: для лиц, которые уже столкнулись с делинквентным поведением, важно предоставить социальную поддержку и реабилитацию. Работа с социальными работниками, психологами, терапевтами и специалистами по коррекции поведения может помочь поддержать и изменить нежелательное поведение.

Борьба с делинквентным поведением требует системного и комплексного подхода, включающего в себя профилактические меры, образовательные программы, социальную поддержку и

вмешательство на различных уровнях: семейном, образовательном, общественном и индивидуальном. Предотвращение делинквентного поведения является ключом к созданию безопасного, здорового и гармоничного общества [7, с.117-122].

Профилактика деструктивного поведения играет важную роль в предотвращении конфликтов, насилия, зависимостей и других негативных последствий. Вот несколько методов и стратегий профилактики деструктивного поведения:

1. Образование и просвещение: Проведение образовательных программ и мероприятий, направленных на повышение осведомленности о деструктивном поведении, его последствиях и способах предотвращения, может помочь людям понять опасность и вред подобного поведения.

2. Развитие социальных навыков: Обучение эмоциональному интеллекту, конструктивному общению, управлению конфликтами и адаптивным стратегиям решения проблем может помочь предотвратить деструктивное поведение и насилие.

3. Поддержка и консультирование: Предоставление психологической поддержки, консультаций и терапии для людей, страдающих от деструктивного поведения, может помочь им разобраться в своих проблемах, научиться справляться с эмоциями и принимать более здоровые решения.

4. Создание безопасной среды: Профилактика деструктивного поведения также включает в себя создание безопасной и поддерживающей среды в обществе, семье, образовательных учреждениях и рабочих местах. Это может включать в себя учреждение правил, нулевой толерантности к насилию, предоставление ресурсов и установление механизмов реагирования на деструктивное поведение.

5. Работа с риск-группами: Профилактические программы и мероприятия должны быть направлены на работу с лицами и группами, находящимися в риске развития деструктивного

поведения, такими как подростки, лица с проблемами адаптации, жертвы насилия, а также другие уязвимые группы [6, с.47-58].

Профилактика деструктивного поведения требует системного и комплексного подхода, включающего в себя различные меры образования, поддержки, консультирования, создания безопасной среды и работы с риск-группами. Предотвращение деструктивного поведения является важным шагом на пути к созданию безопасного, здорового и гармоничного общества.

Список литературы:

1. Белобрыкина Е.А., Белобрыкина О.А. Специфика мотивации общения подростков с отклоняющимся поведением // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 2. - С. 47-58.
2. Варенникова А.Д. Психолого-педагогическая работа как основа профилактики аддиктивного поведения студентов // Педагогическое образование в России. 2021. № 1. - С. 93-98.
3. Васягина Н.Н. Межведомственное взаимодействие и социальное партнерство в профилактике делинквентного поведения подростков // Педагогическое образование в России. 2023. № 9. - С. 117-122.
4. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 12. № 2. - С. 46-58.
5. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Криминальное поведение: биологическая, социальная и личностная обусловленность // Вестник славянских культур. - 2019.--С. 53-66.
6. Змановская Е.В. Эмпирическое обоснование структурно-динамической концепции девиантного поведения // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2021. № 4.
7. Заева О.В. Использование результатов единой методики социально- психологического тестирования для организации профилактической работы с обучающимися образовательной организации. Методические рекомендации для специалистов в области профилактики, педагогических работников

общеобразовательных организаций / Под ред. Фальковской Л.П. – М.: ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2019.

8. Корчикова И.В. Личностная автономия как фактор формирования образа профессионального будущего в юношеском возрасте // Вестник ТГПУ. 2018. № 6 (134). - С. 171-174.

9. Менделевич В.Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты). – М.: МЕДпресс-информ, 2019.

10. Остапенко Г.С., Остапенко Р.И. Анализ особенностей личности подростков с девиантным поведением // ПНиО. 2021. № 1. - С. 54-60.

Хайбулаева Айшат Гамзатовна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В современных условиях социальных перемен, когда происходит трансформация ценностей, проблема ценностей личности приобретает особое значение. Важнейшее звено структуры личности, личностные ценности выполняют функции регуляции поведения и проявляются во всех сферах деятельности человека.

В исследовании проблем личности психология занимает одну из ведущих, определяющих позиций. Данные психологии вносят значительный вклад в коррекцию или подтверждение философских взглядов на понимание сути личности и ее роли в общественном развитии. Исследование психологией проблем личности являются значимыми для решения своих аспектов личности другими гуманитарными, антропологическими, общественными науками, и прежде всего такими, как педагогические, социологические, политологические, экономические и т.д.

Личность представляет собой сложную систему, организованную на разных уровнях и в иерархическом порядке, обладающую разнообразными функциями и разносторонним содержанием, прежде всего формируемую социальными факторами в процессе жизнедеятельности человека. Личность не является врожденной, а формируется по мере жизни. Личность – явление психическое, хотя в ней есть и материальное: биологическое, социальное, природное, техническое, но не перенесенное в нее непосредственно, а как бы в снятом виде: в форме отражения, в виде образа (А.Н. Леонтьев).

Очень важную роль в формировании и развитии личности, ее различных аспектов и структур, играет сама личность. По мере развития человека в качестве личности он становится ключевым фактором своего собственного развития и самосовершенствования. Чем более сложными являются основные регулятивные структуры личности, тем больше в ней проявляется субъектность, и тем более значимую роль она играет в корректировке воздействия внешних факторов на свое собственное развитие и формирование.

В общем, личность, как комплексное психическое явление человека, формируется в результате взаимодействия различных факторов и условий, которые определяют ее содержание и структуру.

Социализация личности представляет собой уникальный процесс, в рамках которого человек осваивает социальные нормы, правила, ценности и общественный опыт. Это непрерывное становление и развитие личности через усвоение материальной и духовной культуры, социальных отношений и личностных характеристик, они же соответствуют определенным условиям жизни и деятельности. Социализация – это процесс развития личности, ее сознания, субъектности и других характеристик личности. Процесс социализации личности имеет две взаимосвязанные стороны. С одной стороны, человек присваивает социальный опыт, происходит его интериоризация, субъективация

объективности. С другой – проявляется индивидуальность человека, осуществляются экстерииоризация и объективация субъективности в его делах, поступках, в их результатах.

Ценности – это одна из ключевых составляющих индивидуальности человека. Каждый человек обладает своим неповторимым набором ценностных установок и потребностей. Именно они определяют его активность, поведение и деятельность. Потребность представляет собой разрыв между желаемым и реальным. Такое недопустимое отклонение между желаемым и имеющимся толкает человека на поиск способа удовлетворения своей потребности, на поиск объекта, который поможет ему преодолеть это противоречие. Этот объект может быть что угодно: пища, если человек голоден (естественная потребность), или одобрение окружающих, если нужно подтвердить свою ценность в глазах общества. Всякий объект, событие или явление, способное удовлетворить потребность человека, становится для него ценностью.

Ценности – специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека общества (благо, добро, зло, прекрасное и безобразное) [4, с. 453.].

Большой интерес представляет тема изучения ценностей и ценностных ориентаций личности взрослого человека, особенно в периоды личностных и экзистенциальных кризисов (С.С. Бубнова, А.А. Истомина, Р.Р. Накохова, Н.А. Журавлева, А.В. Битуева, А.И. Матвеева, Н.В. Перунова). Внутриличностные проблемы, связанные с изменениями в мотивационно-личностной сфере, не только глубоко переживаются человеком, но и являются стимулом к развитию и преобразованию индивидуального сознания индивида. Изменение системы ценностных ориентаций, смена идеалов, рождение новых личностных смыслов, реструктурирование в иерархии ценностей – все эти изменения составляют содержание

экзистенциальных и внутриличностных конфликтов, связанных с переменами в ценностно-смысловой сфере человека.

В разной степени исследование ценностей и ценностных ориентаций личности взрослого человека проводилось в работах З. Фрейда, Г. Мид, Э. Эриксона, Н. Холланда, Г.М. Андреевой, Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриевой, Л.Б. Шнейдер и др. Проблема внутриличностных кризисов и изменений в мотивационно-ценностной сфере личности периода взрослости разрабатывалась в диссертационных исследованиях таких авторов как Л.Н. Антропьянская, Е.А. Ипполитова, Е.В. Кумыкова, О.Р. Тенн, Е.Л. Солдатова, Н.Н. Гунгер, М.Д. Петраш, Р.П. Ефимкина и др. Особую актуальность и значимость проблема исследования ценностно-смысловой сферы взрослого человека приобретает в настоящий момент исторического развития российского общества, переживающего социальные кризисы.

Очень важным фактором формирования ценностных ориентаций, представлений, ценностей и идеалов является воспитание.

Другой важной функцией ценностей является прогностическая функция, так как на их основе осуществляется выработка жизненной позиции и программ жизнедеятельности, создание образа будущего, перспективы развития личности. Следовательно, ценности регулируют не только настоящее состояние личности, но и будущее ее состояние; они определяют не только принципы ее жизни, но и ее цели, задачи, идеалы. Ценности, выступающие как представления личности о должном, мобилизуют жизненные силы и способности личности на достижение определенной цели.

Приобщение личности к культуре есть, прежде всего, процесс формирования индивидуальной системы ценностей. В процессе овладения культурой индивид становится личностью, так как личность есть человек, совокупность свойств которого позволяет ему жить в обществе в качестве полноправного и полноценного его

члена, взаимодействовать с другими людьми и осуществлять деятельность по производству предметов культуры [3, с. 21].

С.С. Бубнова выделяет три иерархических уровня в системе ценностных ориентаций личности, соответствующие трём уровням её изучения: 1) наиболее обобщённые, абстрактные ценности: духовные, социальные, материальные; 2) ценности, закрепляющиеся в жизнедеятельности и проявляющиеся как свойства личности: общительность, любознательность, активность, доминантность и т. д.; 3) наиболее характерные способы поведения личности как средства реализации и закрепления ценностей-свойств [3, с. 38-39]. Наряду с многоуровневостью, проявляющейся в их иерархическом строении, С.С. Бубнова считает чрезвычайно важным свойством системы ценностных ориентаций её многомерность, заключающаяся в том, что «критерий их иерархии – личностная значимость – включает в себя разные содержательные аспекты, обусловленные влиянием разных типов и форм социальных отношений» [Там же].

Таким образом, обзор различных подходов к рассмотрению ценностей и ценностных ориентаций позволяет прийти к выводу о том, что эти подходы основываются на двух принципах: нормативном, представляющем систему ценностей в соответствии с определённой психологической теорией, и дескриптивном, описывающим эмпирические данные с последующим их обобщением. В целом же можно констатировать, что в психологических исследованиях понятия «личностные ценности» и «ценностные ориентации» утвердились прочно, наметилось их место в структуре личности и мотивации поведения и деятельности. Наличие инструментария изучения ценностей, созданного на основе соответствующих психологических концепций, позволяет исследовать ценности личности, их иерархическую структуру, динамику, др. с целью объяснения и предсказания различий в поведении и деятельности людей.

Список литературы:

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. – 304 с.
2. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1981. № 2. - С. 46 – 56.
3. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психол. журн. 1999. № 5. Т. 20. - С. 38 – 44.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
5. Гильбух, Ю.З. Понятие зоны ближайшего развития и его роль в решении актуальных задач педагогической психологии / Ю.З. Гильбух // Вопросы психологии.- 2007.- № 6. – С. 78.
6. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003. – 487 с.
8. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15 – 26.
9. Маслоу А. На подступах к психологии бытия. М.: «Рефл-бук» – К.: «Ваклер», 1997.
10. Мусек Я. Система ценностей посткоммунистической Европы в переходный период // Иностранная психология. 1997. № 8. - С. 17 – 22.
11. Соколов Э.В. Культура и личность. – М., 2005. – 230 с.
12. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психологические образования личности / Психология личности. Хрестоматия. Т. 2. М.: Бахрах-М, 2000. – 544 с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла: введение в логотерапию / Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. - С. 13 – 152.
14. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
15. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
16. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. - С. 89 – 106.

17. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // *Toward a General Theory of Action* / Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, 1951.

18. Schwartz S.H. Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 53. P. 550 – 562.

**РАЗДЕЛ 2: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ,
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ
И ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ**

Айвазова Хамис Багомедовна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

Научный руководитель:
Муталимова А.М., доцент кафедры общей
и социальной психологии ФГБОУ ВО «ДГУ»

**ТИПОЛОГИЯ ЛИДЕРСТВА И УПРАВЛЕНИЕ
КОЛЛЕКТИВОМ**

Ключевой компетенцией руководителя является умение создать оптимальные предпосылки для использования и усовершенствования индивидуальных способностей подчиненных. Такое управленческое мастерство, опирающееся на точную оценку потенциала сотрудников, может стать драйвером повышения производительности труда. Оно также открывает пути для влияния на степень удовлетворенности персонала от выполняемой работы.

В рамках анализа индивидуальных и профессиональных характеристик управленческих кадров, выявление типологий руководящего состава, основанных на их психологических особенностях, является наиболее действенным для поиска эффективных технологий управления коллективом.

Р. Блейк и Дж. Моутон предложили классификацию управленцев, основанную на величине интереса к персоналу и процессу производства. В указанной решетке Блейка и Моутона главными факторами выступают степень внимания менеджера к

коллективу и его стремление к результативности. Исходя из этого различают:

- Первый тип - руководитель, фокусирующий внимание на результатах, но игнорирующий потребности своих сотрудников. Такой руководитель решает все вопросы единолично, диктует условия подчиненным, стремится достигнуть целей любой ценой. В итоге, управление подобного лидера может быть эффективным в периоды бурных потрясений или при дефиците времени, однако это оборачивается негативными последствиями для атмосферы в коллективе, подрывая его социально-психологическую стабильность.

- Второй тип - руководитель, ориентированный на потребности сотрудников, при этом основные производственные задачи оказываются вне поля его внимания. Такой лидер придает особое значение созданию комфортных условий для персонала, стремится к гармонии и консенсусу в коллективе, решая конфликты и прислушиваясь к мнению подчиненных. Однако такое одностороннее предпочтение может сказаться на уменьшении производительности и уходе от целей организации [2].

Осуществляя руководство, лидеры промежуточного типа обеспечивают согласованное движение коллектива, устанавливая и следуя нормативам предприятия, а также стремясь избегать дисгармонии в команде. Усердно поощряя дипломатичный баланс, они стараются соответствовать потребностям и предпочтениям всех сотрудников. Не редко применяют переменчивые подходы в решении корпоративных вопросов, опираясь на стратегии связи, уговоры или планирование, при этом часто задействуют неофициальные взаимосвязи внутри коллектива.

В то же время, определённые лидеры, озабоченные в основном личной выгодой, обладают скоординированной мотивацией лишь на поддержание статус-кво собственной профессиональной позиции. Предельно мобилизованы на выполнение только необходимых трудовых действий, эти руководители стараются уклоняться от

взятия ответственности, включаясь в дела организации исключительно при непреодолимой нужде. Отсутствие инициативы – их отличительная черта, и они склонны подавлять стремление к новаторству среди подчинённых [1].

Лидер, ориентированный на синтез целей, постоянно ищет творческие подходы и старается сформировать творческий коллектив. Он умеет раскрывать потенциал подчинённых, акцентируя внимание на поддержании позитивной социально-психологической атмосферы в команде, и избегать конфликтов. Существует обширная классификация стилей управления, учитывающая различные атрибуты и аспекты личностных качеств руководителя. Эти характеристики и типы поведения руководителя могут существенно повлиять на результативность и качество работы организации [3].

Интегративная характеристика деятельности управленца, по мнению А.С. Чернышева, воплощает в себе как индивидуальные качества руководителя, так и природу его взаимодействий с коллегами и уникальность профессиональной активности. Чтобы оценить влияние стиля руководства на реализацию задач в организации, необходимо учитывать не столько качество этого стиля, сколько его соответствие текущим обстоятельствам. Манера управления, присущая руководителю, формирует психологическую атмосферу, обеспечивает результативность работы коллектива и напрямую влияет на взаимоотношения между сотрудниками [5].

Нам представляется необходимым провести анализ элементов, оказывающих наибольшее воздействие на формирование стилевых особенностей в управлении: тип предприятия, специфика задач и рабочих процессов, стабильность или изменчивость хода работы, личностные характеристики как управляющего, так и команды, а также строение организационного уклада.

Подход к администрированию пронизан сложным взаимодействием различных факторов: ситуационной динамики в пределах и вне корпоративной среды, специфических обязанностей,

требующих исполнения, и персональных черт подопечных коллектива. В контексте данного взаимодействия, выбор стиля управления становится результатом глубокого учета всех перечисленных элементов, что диктует необходимость применения различных управленческих практик в зависимости от конкретных организационных условий [4].

В научной литературе по менеджменту стало общепринятым разделять стили руководства на несколько категорий, основываясь на разнообразных характеристиках. Согласно О.П. Нечепоренко, определение стиля руководства связано с последовательно повторяющимися аспектами взаимодействия руководителя и персонала, которые складываются под воздействием как факторов управленческой среды, так и индивидуальных качеств лидера. В частности, аспекты такого взаимодействия принимают форму под влиянием управленческой милитаризации и личностных качеств руководителя коллектива [3].

Рассмотрим пример Р. Блейка и Д. Моутона, которые аргументируют, что ключевым в определении стилей управления является угол зрения руководителя, будь то ориентация на работников либо на воплощение конкретных задач. Исходя из этого, рассматриваются два основных направления: первое акцентируется на индивидуальностях команды и их потребностях, в то время как второе сосредоточено на эффективном достижении поставленных целей [6].

Наиболее распространённой классификацией стилей управления является по таким критериям как степень передачи полномочий, методология решения вопросов и стратегии контроля, является деление на авторитарный, демократический и либеральный стили, которые напрямую определяют выбор управленческих практик. Авторитарный подход неразрывно связан с командными методами, в то время как в демократическом преобладают договорные и социально-психологические подходы. Либеральный

стиль, в свою очередь, выделяется нечетко выраженной методологией, что обусловлено его неформальной природой.

Четкость и оперативность - ключевые характеристики авторитарного подхода в управлении, когда требуется стремительное принятие решений в контексте производственных необходимостей или, когда коллектив однозначно допускает такую форму взаимодействия. Эта стратегия обеспечивает достижение целей организации. Тем не менее, её отрицательные аспекты значительны, включая подавление индивидуальных инициатив и низкий уровень личной удовлетворенности сотрудников, что, в свою очередь, негативно сказывается на социально-психологической атмосфере коллектива.

Противоположенный сценарий наблюдается в средах с демократическим лидерством. Опирающиеся на взаимное доверие руководители чаще всего разделяют свою ответственность и предоставляют сотрудникам возможности для развития их собственных идей. Такой метод предусматривает стимулирование через поощрение, способствующее росту уровня личной удовлетворенности и повышению общей производительности. При таком подходе может укрепляться коллективная способность справляться с необычными и сложными задачами, чему способствует благоприятная социально-психологическая обстановка. Однако, возможный риск размывания границ в личностных взаимоотношениях может стать следствием повышенного уровня доверия, что может привести к сложностям в профессиональных взаимодействиях.

В сфере управленческой практики, применение либерального метода часто приводит к абстиненции жесткой структурированности. Как правило, при данном подходе, управленцы предоставляют своим подчиненным автономию в организационных решениях, уступая передний план, ограничиваясь лишь анализом итогов работы. Нельзя проигнорировать тот факт, что такой подход способен раскрыть индивидуальный потенциал

работников, повышая уровень их удовлетворенности профессиональной деятельностью. Тем не менее, минусом является то, что при недостаточной вовлеченности управляющего в работу организации наблюдается снижение производительности, сокращается эффективность и может произойти дисгармония в коллективе из-за отсутствия командно-образовательных инициатив [6].

В исследованиях О.П. Нечепоренко выявлено, что выбор стиля управления и применяемых методик зависит от ряда параметров, включая личные предпочтения руководителя и специфику управленческой ситуации, и имеет решающее значение для эффективности работы коллектива [3].

Таким образом, выбранный стиль руководства играет значительную роль в достижении целей компании, и постоянное следование одной модели является недопустимым для эффективного руководителя. Ключевой задачей управленца является выбор наиболее подходящей стратегии управления, основанной на анализе текущей обстановки, для минимизации потерь и достижения стратегических направлений. При этом важно учитывать разнообразные психологические особенности лидера, ведь они оказывают прямое влияние на управленческие решения и формируют поведенческие модели, которые он применяет в своей деятельности. Степень приверженности и реакция персонала к передовым указаниям в значительной степени взаимосвязаны с методикой управления, выбранной руководителем. Наиболее целесообразные стратегии управления, определяемые в ходе квалифицированной оценки имеющихся обстоятельств, несомненно, будут способствовать усилению конкурентных позиций организации.

Список литературы:

1. Деминг Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. – М., 2018 – 417 с.
2. Иванов Ю.В. Типология руководителей по соционическим признакам // Управление персоналом. – 2000 – № 6 – С. 14-18.

3. Нечепоренко О.П. Стиль руководства как фактор социально-психологического климата коллектива и удовлетворенности работой // ОмГУ. – 2013. – № 1. – С. 45-52.

4. Севастьянова О.В. Проблема выбора оптимального стиля руководства. // Проблемы Науки. – 2017 – № 4(86) – С. 38-40.

5. Чернышев А.С. Роль лидерства в функционировании группы как субъекта совместной деятельности. – Курск., 2019. – 243 с.

6. Ширяева Д.К. Выбор наиболее эффективного стиля руководства при управлении на предприятиях // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 1. – С. 187-191.

Ахмедов Исмаил Ахметуллаевич
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ВОСПИТАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Сегодня очень актуален анализ гуманистического подхода в воспитании молодежи, её психологической устойчивости к реалиям современной жизни. В законе “Об образовании” четко прописывается, что «воспитание - деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [1, с. 2].

Если анализировать в русле гуманистического подхода проблемы воспитания нынешней молодежи, то, в частности, известный немецкий педагог И.Ф. Гербарт, будучи основоположником авторитарного подхода к проблеме воспитания,

писал: «Условное воспитание усиливает теперешние недостатки; воспитывать детей природы - значит повторять, где только возможно, целый ряд уже преодоленных зол» [3, с.140]. Педагог усматривал основу воспитания в управлении детьми, что позволяло определять поведение ребенка, а также поддерживать внешний порядок. Методология Гербарта заключалась в угрозах, надзоре за детьми, приказаниях и запретах.

Гораздо позже против данного подхода в воспитании выступает концепция естественного свободного воспитания Ж.-Ж. Руссо, которая исходила из того что в ребенке следует уважать растущего человека, не стесняя при этом его интенций, а, напротив, всячески способствовать в процессе воспитания естественному развитию. «Внутреннее развитие наших способностей и наших органов есть воспитание, получаемое от природы; обучение тому, как пользоваться этим развитием, есть воспитание со стороны людей; а приобретение нами собственного опыта относительно предметов, дающих нам восприятие, есть воспитание со стороны вещей» [7, с.5]. Взгляды Руссо нашли своих последователей, в различных странах мира, как теория самотека и стихийности в воспитании. Этот подход, подход свободного воспитания получил свое развитие в нашей отечественной педагогике. Заслуги опытных педагогических кадров и архивы 20-х гг. 20 в. нашли свою поддержку в гуманизации воспитательной деятельности, где особый акцент был направлен на самоуправление и самостоятельность субъекта воспитания.

В данной гуманистической традиции под воспитанием понимается развитие личности, молодежи в том числе, как изменения в эмоциональной и рациональной сферах, определяющих степень гармонии ее социумности и самости. Как указывают многие отечественные исследователи, в ходе социализации, в воспитании и саморазвитии личности и воплощается гуманистический подход воспитания. Но вместе с тем, гуманистический подход, который получил мировое восхищение, в отечественной педагогике

просуществовал незначительное время. По нашему мнению, развитие личностного в каждом человеке предусматривает овладение системой гуманистических ценностей, определяющих его гуманитарную культуру. Обобщение имеющихся ценностей в образовательное измерение имеет высокое социально – значимое практическое применение.

На наш взгляд, именно такой подход будет приводить к росту степени гуманизации образовательного пространства, основным смыслом и целью которой выступает формирование умений личности осознанно осуществить подход в выборе соответствующих духовных ценностей, что в последующем будет способствовать выстраиванию достоверного, органичного и личностного каталога гуманистических ценностей, посредством которого будет определяться мотивационно-ценностно отношение в процессе воспитания.

На наш взгляд, гуманистический подход в воспитании современной молодежи выступает могучим стержнем в процессе адаптации к реальной социальной действительности. Молодой человек, который ориентирован на высокие ценности, психологически устойчив, может быстро мобилизоваться и противостоять реальным угрозам, достойно подготовиться к исполнению различных социальных ролей. В повседневной жизни он осознанно управляет собой, способен принимать правильные решения в самых сложных жизненных ситуациях.

По мнению А. Швейцера, идеал культурного человека, "есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность" [8, С. 214.]. Как мы полагаем, именно в процессе воспитания происходит приобщение личности к гуманитарным ценностям, при этом личность в подборе ценностей, норм, идеалов и установок всячески предпочтительна и индивидуальна. Из подчеркнутого мы можем заключить, что личностные ценности разнятся от ценностей, предлагающихся определенным общественным сознанием. Выбранные ценности

конкретным субъектом определяются как личностно ориентированные в воспитательной деятельности, только тогда, когда они становятся осознанно принятыми конкретным человеком.

С ценностной ориентацией человека непосредственно связано понятие потребности. В частности, Кузнецов С.А. сущность понятия потребность определяет следующим образом «Потребность, т.е. - надобность, нужда в чём-либо, требующая удовлетворения. Материальные, духовные потребности человека, потребности страны в современных технологиях. Потребность растения в воде и в солнечном свете. Распределение материальных благ по потребностям. Удовлетворить растущие потребности предприятия в сырье, в кадрах. Испытывать острую п. во внимании и заботе. Сделать труд насущной потребностью» [4].

Другой отечественный исследователь Леонтьев А.Н. потребности рассматривает в качестве источника и причины активности, деятельности человека. В своем возникновении и развитии они проходят две стадии [5]. Начальная стадия определяет потребность как внутреннее, скрытое определяющее для соответствующей деятельности. Здесь ценность определяется как эталон, реализация которого определяет соотношение знания о реальной потребности с пониманием сущности реального мира, что благоприятствует выбору средств для возмещения этой потребности. На второй стадии потребность - реальная сила, регулирующая конкретную деятельность человека. На данной стадии потребности насыщаются смысловым значением, выводящим из реальной действительности.

Над отметить, что выстраивание мотивации не происходит без соответствующих желаний и конкретных потребностей. Иначе говоря, с одной стороны потребность, а с другой конкретная цель объединяют мотивы. По нашему мнению, потребности выступают определяющими в диапазоне отношений к мотивам, они складываются в соответствии с потребностями. Наиболее драгоценные импульсы индивидуального "Я" закрыты в мотивах

социальных действий и поведения людей. Иерархия ценностей, связанных с данной ситуацией, может быть непосредственно связана с проявлением в кристальном выражении стратегии поведения, при этом мотивы выступают тактикой взаимодействия. Природа мотивов, их сущность, особенности процесса мотивации раскрывают личность с наиболее существенной стороны - со стороны ее самости. Мотивация хранит в себе тайну тех или иных решений личности, секрет выбора и предпочтений ценностных ориентации, а также обуславливает определение жизненных перспектив [8].

На наш взгляд, человек, жизненная активность которого измеряется соответствующими потребностями, не может быть самостоятельной и созидающей растущие ценности. Только освободившись от давления власти потребностей, личность может быть свободна в своем выборе, а свобода человека выражается в переходе от потребностей низшего уровня к потребностям высшего уровня, что приводит к его ориентации на высшие ценности и к желанию осуществить их в реальной жизни. В гуманистическом русле **формируется как** накопленный опыт отдельного человека, так и всего человечества.

Ценностные ориентации отражаются в **нравственных идеалах**, которые являются высшим проявлением целевой детерминации деятельности личности. Идеалы представляют собой предельные цели, высшие ценности мировоззренческих систем. Они завершают многоступенчатый процесс идеализации действительности. В толковом словаре по социологии **нравственный идеал определен, как:** «Идеал нравственный - англ. ideal, moral; нем. Ideal, sittliches. Представление о нравственном совершенстве, высший моральный образец ...» [7].

Необходимо отметить, что, в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России говорится о том, что «Концепция представляет собой ценностно-нормативную основу взаимодействия общеобразовательных

учреждений с другими субъектами социализации - семьёй, общественными организациями, религиозными объединениями, учреждениями дополнительного образования, культуры и спорта, средствами массовой информации. Целью этого взаимодействия является совместное обеспечение условий для духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся» [6, С.2].

На наш взгляд, существенным и важным является распространение социально-культурных достижений, наработанных человечеством, и доведение их до нынешнего поколения подрастающей молодежи. Опираясь на имеющиеся достижения и понимание ведущей роли гуманистического подхода в воспитательном процессе, где воспитание как социокультурный процесс, предполагает целенаправленное и планомерное воздействие на личность с целью формирования у нее необходимых механизмов для жизнедеятельности в обществе, создание условий ее духовного и физического развития. ценностей, политической и экономической стабильности.

Иначе говоря, гуманистический подход в воспитании современной молодежи является ключевым фактором развития нашего Российского общества и государства. Этот подход способен обеспечить духовное единство народа на основе основополагающих традиционных ценностей, о которых сказано в Указе Президента РФ В.В. Путина от 09.11.2022 г. № 809 об утверждении «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В соответствии с данным Указом, к традиционным ценностям относятся «Жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

Из анализа, представленного выше, мы приходим к тому, что целью гуманистического подхода в воспитании современной молодежи является личность, которую необходимо всесторонне и гармонично развивать, ориентировать на реализацию высших традиционных ценностей, которые ведут к консолидации общества и государства, к его укреплению, созиданию.

Список литературы:

1. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ. ... Об образовании в российской федерации. ... Российское законодательство 2020 г. Сборник федеральных законов. fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/
2. Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»
3. Герbart И.Ф. Избранные педагогические сочинения. Т. I. - М., 1940.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. - М. 2000. nashol.com/2011061456394/bolshoi-tolkovii-slovar...
5. Леонтьев А.Н. - Потребности, мотивы и эмоции.- М., 1971.
6. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. - М.: Просвещение, 2014. ingis-chr.ru/...konceptija_dukhovno-nravstvennogo...
7. Руссо Ж.–Ж. Педагогические сочинения: В 2-х т./Под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джуринский. - М.: Педагогика, 1981.
7. Толковый словарь по социологии. – М., 2013. softsox1cn.milk.stikesmb.ac.id/...tolkovyy_slovar...
8. Швейцер А. Культура и этика. - М.: Прогресс, 1973.
9. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. – М., 2013. psychology_pedagogy.academic.ru.

Гапизова Халима Гапизовна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

Научный руководитель:
Мугалимова А.М., доцент кафедры общей
и социальной психологии ФГБОУ ВО «ДГУ»

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

Сегодня на рынке труда происходят стремительные изменения, которые в условиях деятельности производственных предприятий ориентируют работодателя на формирование рабочих ресурсов не на текущие потребности компании, а на длительную перспективу.

В этой связи уместно упомянуть о необходимости строить корпоративную культуру своей компании, поскольку, анализируя уникальность корпоративной культуры, мы подчеркиваем роль индивидуальных особенностей сотрудников. Уникальность и неповторимость каждой организации проистекает из личных и индивидуальных вкладов ее членов [2].

Согласно А.Н. Занковскому, отношения работников к миссии организации, планированию ее деятельности и мотивации персонала фактически формируют корпоративную культуру. Они делают это через создание общих смыслов и схем, которые отражают как их взгляды на качество работы, так и на возможности личностно-профессионального развития [3].

Социальные нормы, ценности, а также разнообразие типов взаимоотношений среди работников, являются производными специфической и унифицированной деятельности каждой организации. Это проявляется в результате ее своеобразной истории, воплощенной в традициях и ритуалах. В контексте исследования корпоративной культуры, О.Г. Тихомирова подмечает, что это понятие включает в себя не только материальные, но и идейные

аспекты, являющиеся зеркалом различных аспектов функционирования организации [6].

Отношения между сотрудниками внутри организации и отношение к самой компании, являющиеся рефлексией ценностных ориентиров и социально одобряемых стандартов, образуют уникальное пространство, которое классифицировано как организационная культура.

Эта культура воплощается в устоявшихся традициях, ценностных положениях и принципах поведения, присущих каждому члену коллектива. По представлениям С.В. Баженова, в эту структуру вплетены все виды взаимодействий, стимулирующих развитие интересов, укрепляющих корпоративное единение и позволяющих функционировать целостной системной единицей [1].

Корпоративная культура во многих исследованиях интерпретируется как система ценностей, устремлений, принципов и традиций, которая складывается в процессе функционирования бизнес-компании, которая выступает в качестве внутренней силы, определяющей те ценности, которые важны для компании и должны быть уважаемыми всеми ее сотрудниками [4].

Корпоративная культура – это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной компании, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды [5].

Таким образом, корпоративная культура служит определяющим фактором в координировании внутренних процессов и поддержании внутренней стабильности за счет интеграции ценностей, принципов и общепринятых моделей поведения. Корпоративная культура наполняет организацию особым смыслом и представляет собой систему, фиксирующую характеристики функционирования объекта управления.

В сфере современных академических исследований, понятие корпоративной культуры не имеет унифицированной интерпретации, хотя выделяется ряд ключевых черт. Сюда относят идеологические образцы, которые действуют как основополагающие предпосылки для всех участников организационного сообщества. Объединение ценностей, придерживаясь которых члены коллектива могут выстраивать свое поведение, тоже является элементом корпоративной культуры. Также характерной чертой выступает уникальная символика, облегчающая передачу установлений и руководящих принципов среди работников.

Необходимо дополнительно оговорить роль индивидов в распространении и поддержании корпоративной культуры. Работники организации, являясь носителями корпоративной культуры, вносят свой вклад в ее воплощение, однако в ряде случаев, организационная культура может обрести самостоятельные черты, влияя на поведенческие нормы сотрудников и их действия.

Корпоративная культура, мозаика из традиций, привычек, ритуалов, и ценностей, формирует атмосферу внутри организации и определяет пути её развития. Понятие корпоративной культуры, как показывают исследования, охватывает сложную сеть межличностных отношений и язык общения, развивающиеся на рабочем месте. Принимая во внимание вклад эмпирических характеристик в исследование корпоративной культуры, можно выделить ряд различных аспектов. К ним относят персональное осознание сотрудниками собственного вклада в единую систему, их предпочтения в вопросах одежды и личного имиджа в контексте работы, традиции и обычаи, что преобладают в рабочей среде, а также стратегии коммуникации.

Не менее значимыми факторами развития корпоративной культуры являются вера сотрудников в идеалы компании, показатели обучения и развития персонала, трудовая этика и методы мотивации для достижения поставленных целей.

Теоретический анализ корпоративной культуры, опосредованной индивидуальными особенностями сотрудников организации позволяет нам планировать эмпирическое исследование в рамках магистерской диссертации, направленное на исследование корпоративной культуры как фактора успешности организации, обеспечивающего благоприятный климат внутри компании.

Список литературы:

1. Баженов С.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2018. – Том 7. – №4. С. 84-85.
2. Евтихов О.В. Психология управления персоналом: теория и практика. – СПб., 2010 – 319 с.
3. Занковский А.Н. Организационная психология: учебное пособие. – М., 2009. - 648 с.
4. Кибанов А.Я., Ивановская Л.В., Митрофанова Е.А. Управление персоналом. - М., 2017. - 736 с.
5. Спивак В.А. Корпоративная культура. – СПб.: Питер, 2001.
6. Тихомирова О.Г. Корпоративная культура: формирование, развитие и оценка: учебное пособие для студентов вузов. – М., 2011 – 151 с.

*Далгатова Калимат Магомедовна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала*

ФОРМИРОВАНИЕ И СПЕЦИФИКА МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

Процесс мотивации очень сложен и неоднозначен, имеются различные подходы к данному процессу. Все эти подходы представляются в различных теориях мотивации, и каждая из них может предложить решение в той или иной ситуации, однако именно в совокупности они предоставляют наиболее полную картину, что

позволяет руководителю более объективно подходить к разрешению возникающих вопросов и увеличить коэффициент полезного действия.

Все теории можно поделить на два лагеря: содержательные и процессуальные. Содержательные теории занимаются изучением именно внутренних потребностей индивида, которые дают стимул к тем или иным действиям. К ним относятся такие теории, как: теория А. Маслоу, теория Д. Мак Келланда, двухфакторная теория Ф. Герцберга.

Процессуальные теории объясняют, как процесс выбора поведения, которое приводит индивид к желаемому результату, сочетается с желаемым результатом. Примерами таких теория являются: теория справедливости Дж. Адамса, теория предпочтения ожиданий В. Врума, теория установки целей Э. Лока. Также выделяется три вида трудовой мотивации:

- Материальная;
- Социальная (моральная);
- Организаторская (административная).

Материальная мотивация осуществляется по средству денежной компенсации трудового процесса, премированием и дополнительными аспектами, такими, как: оплата питания, оплата связи, медицинское страхование, оплата образовательных курсов.

Социальная, или моральная. мотивация заключается в достижении общественного одобрения посредством трудовой деятельности. Также к ней можно отнести взаимоотношение с руководителем, профессиональное развитие, самовыражение и самосовершенствование.

Организационная или административная мотивация проявляется в урегулировании трудовых отношений законодательными актами и воздействии на сотрудника посредством дисциплины труда.

Существует интересная теория мотивации, автором которой является Дж. С. Адамс - теория справедливости. Исходя из нее,

человек мотивируется в процессе сравнения себя со своим окружением [1, с.392].

Важными величинами для работника являются вклад и результат, получаемый от работы. Под вкладом сотрудники расценивают силы, время и другие аспекты, такие, как уровень образования, компетентности и стажа, которые они или их коллеги вкладывают в рабочий процесс. Результатами же для них являются именно те привилегии, которые они получают взамен: уровень заработной платы, льготы, улучшение условий труда, повышения по карьерной лестнице и другие.

При данном сравнении индивид стремится добиться именно справедливого отношения к себе, не учитывая того обстоятельства, что его критерии оценки являются субъективными и порой идут в разрез с его заслугами и производительностью на предприятии [8, с.356].

Само сравнение часто происходит в проявлении трех уровней:

- Недоплаты;
- Справедливой оплаты;
- Переплаты.

В ситуации, когда работник считает, что его обделили и несправедливо оценили его труд, он начинает испытывать неудовлетворенность и старается всячески изменить данную ситуацию. В случае переплаты сотрудник начинает испытывать чувство дискомфорта и вины, связанные с моментом его переоценки в сравнении с другими сотрудниками.

Для разрешения данных ситуаций работодатель может предпринять следующие меры:

- Сделать расчет заработной платы и премирования максимально прозрачными и понятными для сотрудников;
- Контролировать уровень заработка со схожими вакансиями на рынке труда, дабы избежать потери кадров;
- Выявить все возможные аспекты, в которых проявляется несправедливость по отношению к сотруднику и искоренить их.

Одна из основных теорий мотивации — это теория Мак Грегора Х и Y. Данный профессор из Массачусетского технологического института, пронаблюдав за работой руководителей, выявил, что стилистика их управления делится на два лагеря, исходя из особенностей восприятия их подчиненных.

Теория Х говорит о том, что человек с рождения является очень ленивым и пассивным и дабы простимулировать его на выполнение определенной трудовой деятельности, требуется подходить жёстко, лишь строгая иерархичная система управления способна справиться с данным феноменом. Однако она также должна быть подкреплена позитивным воздействием за выполнение задач [6, с. 90].

Теория Y рассматривает индивида трудовой деятельности как полностью самостоятельную трудовую единицу, которая не нуждается в постоянном контроле и назидании со стороны руководства. Люди, исходя из этой теории, являются творцами, желающими проявить свои лучшие качества и развиваться.

Стоит отметить схожесть цитат и положений из трудов К. Замфира с позицией А. Ю. Афонаина касаясь видов мотиваций положительного и отрицательного характеров. Мотивацию первого характера он отмечает в желании добиться тех или иных результатов от своей деятельности, которые несли бы позитивный, положительный характер.

Данный вид мотивации основывается на связях эмоционального характера, на зависимости от чужого одобрения и похвалы, и, в особенности, от того, с кем на пару или в команде прикладывает усилия человек, а также зависит от того, чтобы его усилия и труды были положительно оценены окружающими и обществом [7, с. 209].

Наименования вышеперечисленных потребностей сами по себе уже объясняют то, в чем они заключаются. Например, потребность человека во власти можно отнести к желанию получить контроль над окружающими его людьми, как-либо на них повлиять [9, с. 247].

В числе фундаментальных подходов к анализируванию и детализированному изучению деятельности профессионального характера можно считать акмеологический подход.

Люди, что основали данный подход, также выстроили позже и теоретические, а также и некоторые методологические положения касаясь данного подхода. Они состоят в личностно-профессиональном развитии того или иного человека и его становлении профессионалом в своем деле. Теми, кто разработал данного рода подход были следующие люди: Б. Г. Ананьев, отмечавший в своих трудах то, что человек, по мере его включения в различные типы деятельности может осуществлять и раскрывать собственный потенциал. Также стоит упомянуть в числе разработчиков данного подхода К. А. Альбуханову-Славскую. Она относит ту или иную деятельность, осуществляемую человеком, к активностям и осуществлениям собственных возможностей посредством проявления инициативы и несения им ответственности.

Также в их числе есть и А. А. Бодалев, из его трудов стоит выделить то, что он говорил касаясь успеха и профессиональной карьеры с позиции ее относительности во времени. Также Н. В. Кузьмина, которая относилась к деятельности, осуществляемую тем или иным человеком, к тому, что он стремится достичь некоторых высот, что очень плотно коррелирует с составляющим термина "акме".

Следует привести в пример также и мнение Марковой Т. Л., которая понимает под феноменом деятельности профессионального характера такой феномен, который состоит в системе между собой связанных и сочетающихся пониманий, как понятие деятельности, деятельности трудового характера, а также понятие о профессии. Некоторые учёные склонны подразделять разные понятия деятельности трудового характера и понятие деятельности профессионального характера. Такие учёные считают, что деятельность трудового характера способна являться профессиональной или же, напротив, любительской.

В обществе социологов и экономистов деятельность профессионального характера понимается в качестве деятельности трудового характера. В данном случае под трудом понимается форма какой бы то ни было деятельности профессионального характера.

Маркова Т. Л. подмечает то, что сам феномен деятельности профессионального характера может пониматься в пределах изучений учеными-психологами, а также и в обществе экономистов и социологов, вбирая в себя целых три составляющих. Среди них:

- личностная составляющая;
- деятельностная составляющая;
- стратификационная составляющая.

Подразделяя личностные составляющие деятельности профессионального характера, следует изучить труды Е. М. Ивановой, Климова Е. А., а также и А. Н. Леонтьева и В. Д. Шадрикова и других ученых. Они все считают, что в пределах данного типа подхода деятельность профессионального характера понимается в качестве метода выразить и спрогрессировать в своих связях в обществе, а также развить собственный внутренний мир того или иного человека.

В процессе осуществления деятельности профессионального характера выстраивается стиль индивидуального характера, а также и прогрессируют его качества профессионально-важного характера. Человек способен приобретать также и опыт в той или иной деятельности.

Говоря более простыми словами, деятельность профессионального характера может связать между собой ту или иную группу и сообщество людей, которые осуществляют свою деятельность в аналогичных организациях, относящихся к одному образованию или же виду специальности. При всем сказанном данная группа людей, в процессе реализации собственной деятельности профессионального характера способна заработать

путем обеспечения собственных потребностей на различного рода уровнях.

К примеру, специфичность трудового коллектива в сфере спорта изучается в области образования и спортивной деятельности. Коллектив трудового характера в той или иной спортивной школе выстраивается из-за того, что сотрудники данной организации имеют у себя похожее, иногда и одинаковое образование профессионального типа и их связывает между собой одна цель и одни и те же задачи. Коллектив трудового характера в спортивной школе можно считать коллективом педагогического характера.

Мотивацию со всей уверенностью можно считать одним из самых основных, фундаментальных вопросов нынешнего менеджмента. Это всегда актуальная проблема любой деятельности, будь то трудового или же профессионального характеров.

Теории мотивационного характера также могут группироваться, отталкиваясь от той или иной сферы деятельности человека, к которой они могут быть применены. Небольшое количество теорий можно отнести к мотивации сотрудников. В данной сфере различного рода стимулы и потребности людей могут занимать ключевое место, практически главное. Также некоторые теории можно отнести к спорту или же области психологии производительности. В данных областях аффект принято считать фактором, который легче всего заметить в поведении человека. Небольшое количество данного рода теорий также можно использовать в области образования и обучения людей.

Список литературы:

1. Анцупов А.Я., Ковалев В.В. Социально-психологическая оценка персонала. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 392 с.
2. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Мысль, 1976. – 157 с.
3. Аширов Д.А. Управление персоналом: учеб. Пособие. – М.: Проспект, 2005. – 432 с.

4. Бадоев Т.Л. Динамика мотивов трудовой деятельности // Проблемы индустриальной психологии. – Ярославль: Изд-во Яр. ун-та, 1979. – С.93-110.
5. Барбакова С.И. Теоретические аспекты мотивации // Менеджмент: теория и практика. – 2012. - № 1. – С. 23-29.
6. Бодров В.А., Ложкин Г.В., Плющ А.Н. Нелинейная модель мотивационной сферы личности // Психол. журн. – 2001. – Т. 22, № 2. – С.90-100.
7. Божович Л.И. Избранные психологические труды: проблемы формирования личности. / Под ред. Д.И. Фильдштейн. – М.: Междунар. пед. академия, 1995. – 209 с.
8. Бурлаков Г.Р. Мотивационный климат организации // Управление персоналом. – 2010. – 356 с.
9. Бурмистров А. Какие методы повышения мотивации персонала являются наиболее действенными? // Управление персоналом. – 2012. – № 7. – С. 247.

*Долгунова Ангелина Васильевна
Пирожкова Вероника Олеговна
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма»,
г. Краснодар*

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ У ГИМНАСТОК НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ЭТАПЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ

Спортивное воспитание оказывает большое влияние на установки, настроения, мотивацию, аффективные реакции и поведение молодых спортсменов на всех этапах развития.

Факторы, влияющие на спортивное воспитание, включают в себя индивидуальные установки родителей, стили воспитания, ожидания, поведение и климат, которые они помогают создавать [3].

Спортивное воспитание – это сложный процесс, который изменяется по мере физического, психологического и социального

становления ребенка и зависит от программы подготовки и уровня его спортивного мастерства.

Правильного метода воспитания нет. Эффективное спортивное воспитание зависит от ребенка, его уровня развития, родителя и контекста (содержания тех событий, в которых принимает участие ребенок). Поскольку эти переменные постоянно меняются, эффективные методы воспитания, скорее всего, также будут меняться. Поэтому необходимо контролировать условия спортивного развития юного спортсмена и регулярно обращаться за квалифицированной помощью спортивного психолога [1].

Большинство молодых спортсменов считают, что родители оказывают положительное влияние на их спортивный опыт. Однако властная позиция родителей портит отношения с ребенком и становится причиной проблем, связанных с долгосрочным спортивным и личным развитием.

Чем более согласованы представления родителя и ребенка, их установки и убеждения, тем больше вероятность того, что у ребенка будет положительный опыт в спорте [2].

Родители оказывают сильное влияние на создание и изменение мотивационного климата ребенка. Условия, ориентирующие на освоение мастерства и достижение целей, чаще всего создают самый полезный опыт, тогда как эго-ориентированный климат (заслужить положительную оценку, похвалу, признание в глазах окружающих) чаще всего связан с не продуктивным поведением и негативными эмоциями [4].

Чрезмерное давление со стороны родителей является главной проблемой в детском спорте. Небольшой «нажим» на ребенка поможет поднажать и показать все, на что он способен. В то же время слишком сильное давление оказывает негативное воздействие на молодых спортсменов.

Учитывая, что родители могут играть как крайне позитивную роль, так и крайне негативную, наша задача состоит в том, чтобы определить методы позитивного влияния и использовать их.

Рассмотрим методику «Дембо-Рубинштейн» на примере художественной гимнастики. В результате исследования было опрошено 40 респондентов. Оценка факторов шла по 100-бальной шкале.

Начнем с оценки фактора самооценки здоровья в художественной гимнастике: общая оценка составляет 67,47 баллов из 100. Таким образом, можно предположить, что большая часть спортсменок уверены в том, что художественная гимнастика повысит уровень здоровья.

Что касается самооценки ума и способности, то общая оценка респондентов данной категории составляет 73,38 баллов из 100. Это говорит о том, что занятия художественной гимнастикой никак не повлияют на снижение умственных способностей у спортсменок, а также не помешает развитию у них других способностей в различных сферах деятельности.

Респонденты оценили важность фактора формирования характера в результате занятий спортом как фактора повышения самооценки у них. Среднее значение среди опрошенных достигло 73,53 балла из 100. Данный показатель также оказался высоким, и можно утверждать, что при занятиях художественной гимнастикой помимо физических навыков будет также психологически развиваться, в т. ч. будет формироваться характер, без которого невозможно представить упорное достижение своих побед.

Что касается оценки авторитета занятием художественной гимнастикой среди сверстников (конкретно - детей в возрасте 10-12 лет), то общая оценка респондентов составляет 68,25 баллов из 100. По мнению гимнасток, сверстники все же в большинстве своем уважают выбор друг друга в отношении занятий спортом, т. к. могут либо также заниматься тем же видом спорта, либо другим, хотя среди них могут быть и те, кто не считает спорт одним из важных увлечений, отдавая приоритет либо другим кружкам (не спортивного характера), либо ничем не увлекаются в свободное от обучения время.

Оценка опрошенных в вопросе умений многое делать своими руками в результате занятий спортом показывает, что данный фактор имеет немаловажное значение для них (68,58 баллов из 100). Они считают, что, занимаясь спортом, могут также постепенно учиться делать множество дел и в жизни (точнее, быстро обучаться, т. к. благодаря спортивной дисциплине получается не только повторять снова и снова упражнения, но и ежедневные действия).

Что касается самооценки внешности в ходе занятий спортом, то респонденты отмечают, что тот фактор очень важен (средняя оценка в 77,5 баллов из 100), особенно в художественной гимнастике, где важную роль играет красота и грациозность движений, а также огромное значение придается фигуре юных спортсменок. С одной стороны, это неплохая черта, поскольку с юных лет ребенок начинает следить за здоровьем, а с другой стороны, это может привести к проблемам с питанием при несбалансированном потреблении пищи и с психическими расстройствами (одна из распространенных проблем – расстройство пищевого поведения среди девочек).

Опрошенные в ходе данного исследования отмечают, что при занятии художественной гимнастикой однозначно повысится уверенность в себе (общая оценка данного показателя – 76,20 баллов из 100), а также, что уровень притязаний в области здоровья в спорте также сыграет важное значение (среднее значение среди 40 опрошенных респондентов – 94,63 балла из 100). Уровень притязаний в вопросе ума и способностей также опрошенные оценивают очень высоко (94 балла из 100). Уровень притязания характера в области спорта оценивается респондентами также высоко (87,7 баллов из 100), при этом уровень притязания авторитета спорта среди сверстников значительно высок (86,45 баллов из 100). Уровень притязания многое делать своими руками респонденты оценили также высоко (85,9 баллов из 100), а также уровень притязания в плане внешности оценивается также высоко

(средняя оценка – 92,25 баллов из 100), и при этом уровень притязания уверенности в себе высоко оценивался (93 балла из 100).

Опрошенные в ходе исследования считают, что главной внешней мотивацией занятием спорта в художественной гимнастике компетентность (21,2 балл из 100), знания (20,68 баллов из 100), новые впечатления (19,8 баллов из 100), интроекцию (18,03 балла из 100) и идентификацию (17,7 баллов из 100). При этом опрошенные считают, что художественная гимнастика больше мотивирует детей в ходе деятельности (17,22 балла из 100), чем антимотивирует (11,95 баллов из 100).

При этом отношение к художественной гимнастике, как считают опрошенные родители, скорее негативное (31,88 баллов из 100), чем компенсирующее (средняя оценка по данному показателю – 30,68 баллов из 100), при этом наименее популярный вариант – безразличное отношение (средняя оценка по которому составляет 18,48 балла из 100).

Судя по результатам приведенного исследования можно увидеть, что родители относятся к занятиям художественной гимнастикой у детей с одной стороны положительно, так как данный вид спорта, по их мнению, развивает уверенность в себе, способствует формированию характера у ребенка в ходе состязаний, а также укрепляет организм, делает фигуру красивой, а движения в ходе занятия данным видом спорта отличаются пластикой, красотой и эстетикой. С другой стороны, есть другая часть родителей, которая считает, что художественная гимнастика может покалечить не только физическое, но и психологическое здоровье ребенка, а также предполагает, что далеко не все дети воспримут информацию о занятии художественной гимнастикой их ребенка с положительной точки зрения.

Таким образом, можно утверждать, что результаты исследований на тему отношения родителей к занятиям спортом у детей как на любительском уровне, так и на профессиональном уровне показали, что родителям важно, чтобы занятия спортом

приносили не только улучшение физического состояния, но и способствовало бы сбалансированному и гармоничному развитию детской личности.

Список литературы:

1. Фирсин С.А. Формирование устойчивого интереса школьников к занятиям физической культурой: Монография /С.А. Фирсин – Саратов: ООО «Наука», 2010, - 127 с.
2. Нечаева А.Б. Семья и спорт. – М.: Наука, 2018. – 376 с.
3. Реймерс Н.Ф. Спорт в современной семье. – М.: Дрофа, 2020. – 532 с.
4. Чебышев Н.В. Педагогика и социальные аспекты воспитания. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2014. – 290 с.

*Гаджиева Умажат Басыровна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала*

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА

Значимость указанной проблематики раскрывается под влиянием многочисленных критериев, к которым можно отнести неполноту или разрушение разнообразных взаимоотношений и взаимодействий людей с окружающим, при этом увеличивается возможность опасности универсальной целостности человека с результатом понижения его развивающего и адаптационного механизма.

Многочисленными исследованиями подтверждена гипотеза о зависимости определенного уровня жизнедеятельности от различной степени напряженности физиологической системы, т.е. имеется в виду различная физиологическая цена. Психологическое неблагополучие указывает на напряжение или снижение функциональных возможностей организма при недостаточном формировании приспособительных механизмов, что и способствует

истощению внутреннего резерва. В результате этого налицо дезадаптация, соматическая ослабленность и различные хронические заболевания. Все это является барьером на пути к благоприятному развитию человека. И для того, чтобы спроектировать план для сохранения психологического благополучия необходимо рассмотреть его критерии.

Социальные перемены и экологические катастрофы способствуют резкому повышению уровня психологической травматичности, что очень отрицательно влияет на состояние психического самочувствия людей и в первую очередь на подрастающее поколение.

Исследуя благополучность, мы пришли к выводу, что это многомерное понятие, которое представляет собой сложное взаимоотношение культуры, социума, духовности, экономических и физических критериев. Благополучие выступает в качестве результата воздействия генетических факторов, окружающей среды и свойств онтогенеза. Особый интерес для ученых представляет выяснение критериев психологического неблагополучия у детей младшего школьного возраста.

В соответствии с классификацией А.Н. Леонтьева, ведущим видом деятельности младшего школьного возраста является учебная деятельность [2, с. 47]. Вследствие этого разнообразные ее элементы исследуются на основе диагностического критерия психологического благополучия либо неблагополучия младших школьников.

Прогрессивное развитие науки и практики вызвало необходимость поиска комплексного критерия, который позволяет определить состояние человека. По нашему мнению, в качестве такого критерия может выступать психическое здоровье.

Психическое здоровье рассматривается как отсутствие характерных психических нарушений, выраженный ресурс для сопротивления неожиданным затруднениям, положение

внутриличностной гармонии и равновесии между людьми и окружающим миром.

Понятие психологического неблагополучия раскрывается на основе характера эмоционального состояния человека. Оно представляет собой личностное осознание конфликтных ситуаций, которые рассматриваются как результат несоразмерности потребности человека, которые ограничиваются требованиями окружающей действительности.

Психология рассматривает огромное количество комбинаций при изучении свойств и сущности самого понятия психологического неблагополучия (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин, П.Я. Гальперин и др.)

Изучая вопросы развития человека и его психологического благополучия, К.Г. Юнг четко выделил динамику направления самоосуществления с помощью уравновешенности и объединений разного количества компонентов личности. Иначе можно рассуждать о явлении психологического неблагополучия [6, с.112]. И для того, чтобы описать происходящий в течение всей жизни процесс соединения всех свойств личности вокруг своей самобытности К.Г. Юнг применил термин «индивидуализация». Данный процесс позволяет самобытности стать отправной точкой личности, и это помогает ему решить проблему самоосуществления [5, с.68].

К. Роджерс пришел к выводу, что психологическое неблагополучие прямо говорит о нарушении устойчивости Я-концепции личности. Он определил некоторые факторы, которые обеспечивают устойчивость жизнедеятельности Я-концепции личности.

По мнению К. Роджерса, в большей степени поведенческие аспекты личности согласуются с Я-концепцией. То есть, личность старается сохранять положение соответствия самовосприятия и определенных переживаний [3, с.36]. И в результате можно прийти к выводу, что жизнеощущения, которые находятся в определенном

соответствии с Я-концепцией личности и его самости, могут четко восприниматься. При этом необходимо подчеркнуть, что представление человека о себе становится фактором, который позволяет сравнивать переживания или они выражаются в осознании, или отрицаются.

Психологическое неблагополучие исследуется К. Роджерсом как положение несоразмерности, психического диссонанса и здесь главным критерием неблагополучия выступает потенциальный конфликт между установкой «Я» и собственным опытом личности.

Отечественная психологическая наука также имеет различные взгляды на понимание психологического благополучия и неблагополучия.

По мнению Л.С. Рубинштейна, само существование становится для людей проблемой. Соотношение добра и зла, смерти и бессмертия, необходимости и свободы способствует появлению жизненных противоречий. Представление человека как субъекта существования заключается в его возможности преодолевать различные противоречивые ситуации жизни, стараться изменить соотношения добра и зла и даже смерти и бессмертия. И именно это определяет психологическое благополучие и неблагополучие [4, с. 54].

С точки зрения Л.С. Выготского, психологическое благополучие и неблагополучие связано с преодолением возрастных кризисов. Развитие некоторых возрастных этапов определяется медленным течением [1, с.15]. Зачастую психологическое неблагополучие увязывают с понятием дезадаптивности. Актуальным критерием дезадаптивности становится дефицит «степени свободы» равноценного и осознанного восприятия личности в процессе психотравмирующей ситуации, в результате срыва сугубо личного для каждого человека структурного образования – приспособительного барьера.

Базой для проведения исследования по определению состояния психического здоровья была выбрана гимназия №33 г. Махачкалы.

В эксперимент были включены три группы (младшие школьники, школьники средних и старших классов). Каждая возрастная группа предусматривала свой критерий психического здоровья. Уровень нейротизации был предусмотрен для школьников младших классов. Направленность к ценности самовыражения и самореализации, к гармоничности в отношениях – для школьников средних и старших классов.

Проведенное исследование показало, что уровень психического здоровья детей оценивался как удовлетворительный. У детей младшего школьного возраста только 27% можно было отнести к группе психически здоровых. Остальные были отнесены к группе риска. При этом у 21% детей отмечены нервные расстройства, 49% детей имели предрасположенность к нервным расстройствам.

Учащиеся средних и старших классов дифференцировали ценности самовыражения и самореализации, но самоактуализация пока не стала для них способом существования, а была некой мечтой. Поводом для этого было то, что школьники испытывали собственную неуверенность, тревожность и невротичность, наблюдалось недоверчивое отношение к окружающей действительности и людям.

Исследование выявило высокий процент учеников со стабильной склонностью реагирования на разнообразные социальные ситуации: 59% - школьники 7 классов, 52,9% - школьники 10-11 классов. Причем реагирование сопровождалось увеличением тревоги и беспокойства, что является невротической реакцией на те или иные ситуации.

У трети учеников 10-11 классов отсутствует определенный смысл и цель жизни и это становится показателем психического нездоровья этой части учеников.

Для улучшения состояния психического здоровья и снижения факторов психологического неблагополучия рекомендуется

педагогам и родителям овладеть навыками оптимального взаимодействия с детьми.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. - СПб., 1999. – 220 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1992.
3. Роджерс К. Вопросы, которые я бы себе задал, если бы был учителем. // "Семья и школа". 1987. № 10. - С. 22-24.
4. Рубинштейн Л.С. Проблемы общей психологии. – М., 2000. - 423 с.
5. Юнг К.Г. Становление личности / Психология личности в трудах зарубежных психологов / Сост. и общая редакция А.А. Реана – СПб., 2000. – С. 65-79. – (Серия «Хрестоматия по психологии»).
6. Юнг К.Г. Человек и его символы. – СПб., 1996. – 454 с.

Казиева Райганат Зауровна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

Научный руководитель:
Мугалимова А.М., доцент кафедры общей
и социальной психологии ФГБОУ ВО «ДГУ»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Понятие «межкультурная адаптация» в академических кругах сложилось относительно недавно. До использования его среди ученых, социокультурные барьеры мигрантов, гостей, туристов и т.д. оценивались с позиции социально-психологической адаптации.

Отметим, что текущие изыскания по трудностям адаптации и межнационального сотрудничества обычно применяют термины «этнокультурная адаптация», «кросс-культурная адаптация» и «социокультурная адаптация» [7].

В отечественной психологии адаптацию рассматривают через призму психофизиологических и социально-психологических аспектов [4, 5].

Анализ научных источников свидетельствует, что в психологии изучают разные грани этого явления. Психоаналитическая школа фокусируется на конфликтах и защитах как ключевых элементах адаптации (конфликт-тревога-защиты). Психоанализ выделяет социальную адаптацию как необходимую с рождения, где личность не только пассивно приспосабливается, но активно влияет на социум [8].

В рамках когнитивной психологии детализированы механизмы психологической защиты и процессы адаптации через когнитивный диссонанс. В данном направлении это описывается как конфликт-угроза - реакция приспособления, где личность активно преодолевает разрыв между своими установками и новой информацией.

Гуманистическое направление рассматривает адаптацию через призму рационального взаимодействия личности со средой. Основные элементы включают «конфликт», «фрустрация» и «акты приспособления». Целью процесса является духовное здоровье индивида, соответствие его ценностей общественным.

В этом контексте выделяются необихевиористское направление, которое рассматривает рациональные поведенческие реакции: стремление к решению проблем с четкой постановкой задач. Необихевиористское направление сосредоточено на абсолютной удовлетворенности потребностей и биологических аспектов адаптации, исключая психическую составляющую.

Интеракционизм же определяет адаптацию как упорядоченные способы приспособления к новым обстоятельствам с акцентом на активность индивида в соответствии с общественными ожиданиями [7].

Анализ теоретических основ показывает многогранность феномена адаптации, общим остается акцент на активное преодоление трудностей через внутренние ресурсы.

Л.И. Бадалова определяет психическую адаптацию как процесс соответствия личности и среды, обеспечивающий удовлетворение потребностей и сохранение здоровья [2].

К.А. Абульханова-Славская подчеркивает единство взаимодействия человека со средой, где активность личности и социальной среды направлена на эффективное приспособление к изменчивым условиям с возможностью их модификации [1].

Таким образом, в психологии адаптация многомерна: от биологических основ до сложных психических процессов взаимодействия индивида со средой., отражающиеся в процессе адаптации. Индивид служит субъектом адаптации. Объектом же адаптации оказывается социальная среда, выступающая стабильной.

Анализ взаимосвязи индивида и общества через призму активного поведения определяет, как интенсивность деятельности служит ключевым критерием для оценки успешности адаптационных процессов и их типизацию (на внешний и внутренний уровни).

Ориентируя наше исследование на широко распространенное убеждение о тесной связи социализации с процессами адаптации, мы подчеркнем: эти процессы функционируют как взаимозависимые механизмы.

Адаптация выступает в роли своеобразного фильтра, выявляющего специфику индивидов и их интеграцию в различные социально-культурные контексты, тем самым становясь неотъемлемой частью процесса социализации.

Поздняков И.А., анализируя процессы социальной интеграции, рассматривает их как ключевой этап психологического развития личности, на котором акцент делается на взаимодействии человека и его окружения. В рамках данного подхода особо важным является процесс осмысления индивидом контекста жизни с последующей

корректировкой собственного поведения в соответствии не только со своим восприятием ситуации, но и учитывая общепринятые нормы социальной среды [9].

Социальная адаптация должна рассматриваться самостоятельно наряду с когнитивной и неврологической приспособленностью. Это позволяет трактовать процесс адаптации как гармонию между личностью и обществом, обеспечивая их взаимовлияние в равновесном режиме [3].

Межкультурное приспособление представляет собой ключевые характеристики интеграции человека в иную социально-культурную среду. Определяется межкультурная адаптация как процесс, направленный на достижение гармонии (возможности взаимодействия) с новой культурной средой; данный процесс приводит к состоянию совместимости индивида с новым социумом и его особенностями. Это механизм, позволяющий индивиду успешно ассимилироваться в чужих условиях социального пространства.

Мы солидарны с позицией Н.М. Лебедевой и др. при исследовании сложности адаптации к обстоятельствам другого социума, полагая разумным разграничивать в адаптационной процедуре социокультурную (внешнюю сторону) и психологическую (внутреннюю сторону) адаптации [6].

Социокультурная адаптация является поверхностной/внешней поведенческой реакцией общения индивида с социумом. Внутренний мир (психологическая адаптация) содержит систему «психологических последствий (ясное чувство личной или культурной идентичности, хорошее психологическое здоровье и достижение психологической удовлетворенности в новом культурном контексте)» [6, с. 173]. Обе стороны адаптации являются взаимно усиливающими.

Подчеркнем, термином «межкультурная адаптация» обычно обозначает специфичность адаптации иностранцев, временно оказывающихся в атмосфере другого социума (туристы,

иностранные студенты). Оттого безоговорочное одобрение обычаев и традиций приемного социума игнорируется как исход межкультурной адаптации.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо особо сосредоточиться на осознании природы и особенностей адаптации иностранных студентов к социокультурной среде, акцентируя внимание на концепции «межкультурной адаптации»:

1) Внедрение данного подхода открывает перспективу комплексного анализа процессов адаптации как с внутренней стороны (индивидуальные особенности студентов), так и внешней (влияние новых условий). Это позволяет выявить ключевые факторы, определяющие успешность или затруднения в процессе адаптации для иностранных учащихся: их психологические черты, мотивационный фон и взаимодействие с новой средой.

2) Особое внимание уделяется социализации студентов из-за рубежа, поступающих на обучение в многонациональных регионах России. Введение термина «межкультурная адаптация» подчеркивает необходимость не только интеграции иностранных студентов в культуру принимающей страны, но и взаимодействия с разнообразными культурными группами как среди местного населения, так и среди самих приезжих из разных стран.

3) Особенности данной категории адаптантов заключаются в их временном характере пребывания. Иностранцы отличаются специфическим статусом: они прибывают с определенными образовательными целями на ограниченный период, не предполагая долгосрочного проживания после завершения обучения.

Таким образом, анализ феномена межкультурной адаптации позволяет глубже понять и систематизировать процессы интеграции иностранных студентов в сложный социокультурном контексте России.

Список литературы:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М., 1991. – 299 с.
2. Бадалова Л.И. Психологические особенности адаптивности африканских студентов. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2015. - №4. – С. 51 – 56.
3. Гриднева Е.А., Шамарин И.А. Социокультурная адаптация иностранных студентов ВГМА им. Н.Н. Бурденко как фактор успешного образовательного процесса // Международный студенческий научный вестник. – 2015. - №2-1. – 112-113.
4. Дорожкин Ю.Н., Мазитова Л.Т. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // Социол. исслед. – 2007. – № 3. – С. 73–77.
5. Зотова О.И., Кряжева И.К. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. Бобневой М.И., Шороховой Е.В. – М., 1989. – С. 219-232.
6. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учеб. пособие для студентов. – М., 1998. – 318 с.
7. Мнацаканян И.А. Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05, 19.00.07 / Ярославль, 2004. – 191 с.
8. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. – М., 2010. – 368 с.
9. Поздняков И.А. Проблемы адаптации иностранных студентов в России в контексте педагогического сопровождения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – СПб., 2010. - № 121. – С.161-167.
10. Салахутдинова Е.С. Педагогическое сопровождение адаптации студентов в учебной группе: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Кострома, 2014. – 258 с.

Магомедова Хава Нурудиновна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СТРЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Важнейшими изменениями, отразившимися на жизни и здоровье современного человека, стали трансформация среды в сторону ее техногенности и изобилие информации, требующей анализа и отбора для последующего применения или отсеивания. Информация, окружающая нас, имеет различное качество и ценность; ее объемы непрерывно растут. Согласно прогнозам экспертов, к 2025 году объем информации увеличится в пять раз и приблизится к отметке 175 зеттабайт (= 175 млрд. терабайт) [8].

Современный человек начинает свой день, а то и утро с просмотра социальных сетей и новостей, проверки электронной почты, в некотором роде, это уже прочно укоренившийся ежедневный ритуал, в настоящее время с таким явлением соприкасаются почти все за редким исключением, впоследствии это перетекает в навязчивую зависимость, а оторванность от виртуального мира вследствие отключения Интернета и вовсе тяжело переносится.

Так, в 2023 году, согласно информации, Digital 2023, при общей численности населения планеты 8,01 млрд. человек:

- 64,4% (более 5,16 млрд. человек) подключено к Интернету
- 68% (5,44 млрд.) - пользователи мобильных телефонов
- 59,4% (4,76 млрд.) – пользователи социальных сетей (1 млрд. новых пользователей появился за последние 3 года) [7].

Больше 82 % населения нашей страны подключено к глобальной сети, цифра внушительная и, с одной стороны, это настораживает, так как в среднем около 7 часов среднестатистический пользователь тратит в сетях Интернета, за поиском информации, общением, досугом и развлечениями, с

другой стороны, очевидно, что жить, работать и развиваться в информационном веке без Интернета практически невозможно. Так в чем же правда? А правда, как известно, посередине.

В нынешний век, век глобализации, информатизации и автоматизации производства, повсеместному использованию вычислительной техники, когда информация охватила все и вся, заполнив все платформы, информация носит относительно противоречивый характер, с одной стороны она как редкий ценный камень, недаром говорят: «человек, который владеет информацией, владеет всем миром». С другой стороны, информация достигла небывалого апогея в контексте доступности и открытости, ее избыток в режиме линейной последовательности в современных реалиях приводит к информационной интоксикации.

Актуальность феномена информационного стресса, в том числе продиктовано уровнем возросшейся цифровой рекламы, доходы от которой в последние годы значительно возросли.

Эрик Шмидт, бывший CEO Google, подчёркивая невообразимый рост информации за последние десятки лет, отметил, что в современное время люди создают то количество информации в течение двух дней, которое было создано от начала цивилизации до начала XXI века. Страшно представить этот объем накапливаемой информации, который не поддается ни воображению, ни логике.

Информационный стресс, как правило, появляется как реакция на возникший дисбаланс между стремительным потоком информации, которая накапливается угрожающими темпами в современном мире и способностью человека к её качественному анализу и обработке. Человек, не способен обрабатывать большие потоки информации, ощущая перенасыщение, что в итоге негативно сказывается как на ментальном, так и на физическом здоровье человека, дезориентируя его и легко подвергая внешним раздражителям.

В.А. Бодров считает, что стресс «является реакцией не столько на физические свойства ситуации, сколько на особенности взаимодействия между личностью и окружающим миром. Это в большей степени продукт наших когнитивных процессов, образа мыслей и оценки ситуации, знания собственных возможностей (ресурсов), степени обученности способам управления и стратегии поведения, их адекватному выбору» [1, с. 5].

Нельзя недооценивать влияние информационного стресса на человека, к слову, по мнению В.А. Бодрова любой стресс по своей природе является информационным [2]. Если говорить о последствиях аддикции такого рода, как пристрастие к социальным сетям, виртуальному миру, беспорядочному потоку сообщений и звонков, просмотру ленты социальных сетей и новостей, все это представляет большую информационную нагрузку на сознание человека и на процессы его жизнедеятельности, впоследствии может привести к серьезным последствиям для здоровья человека. Люди с неокрепшей психикой не готовы и не способны объективно воспринимать беспорядочный информационный шум вокруг, их без того затуманенное сознание обострит нестабильное эмоциональное состояние, что может привести к росту психосоматических расстройств, синдрому эмоционального выгорания, хронической усталости.

Ответное раздражение на оказывающий влияние фактор со стороны коры головного мозга поступает в структуры гипоталамуса, где генерируется соответствующая эмоциональная реакция и осуществляется стимуляция симпатического и парасимпатического отделов нервной системы. Активация последних служит раздражением мозгового вещества коры надпочечников, что приводит к выбросу адреналина и норадреналина в гемациркуляторное русло. В связи с этим изучение изменений в сердечно-сосудистой системе является ведущей темой основной массы научных работ в рамках теории информационного стресса [3].

Проанализировав исследования по этой проблеме, можно констатировать следующие выводы. Говоря о воздействии информационного шума на психическое здоровье человека, нужно сказать, что человек существо социальное, он не может жить и существовать вдали от происходящих процессов в обществе, от того информационного пространства, которое имеет место быть в современном мире, он не защищен от влияния информационного потока, зачастую это всего лишь информационный шум, информационная шелуха. Можно по-разному относиться к феномену информационного стресса и клиповому мышлению как его порождению. В консервативной среде эти термины употребляются в негативном значении и встречают критическую оценку. Клиповое мышление – то, с чем однозначно следует бороться, преодолевать его, возвращая молодое поколение к традиционной культуре линейного восприятия текста, углубления и неторопливого погружения в него [5, с. 110].

В более ранних исследованиях было показано, что наиболее устойчивыми к стрессу и профессиональному выгоранию являются люди, обладающие высокими показателями самоактуализационного потенциала [4]. Данное наблюдение представляет для нас особый интерес, поскольку то, насколько сильно будет влиять информационный стресс на человека в современном мире, во многом зависит от самого человека, от уровня мотивационной значимости информации, которую он встречает вокруг, от собственных приоритетов в его жизненном сценарии, от того, насколько ценным является для него качество информации, а не количество.

Итак, завершая все вышесказанное, можно констатировать, что цифровая среда в большей степени сопряжена со стрессовыми факторами, но существуя в эпоху цифровизации и избыточности информации, человек должен находить баланс в этом и извлекать качественную информацию, не размениваясь на информационный шум вокруг.

Список литературы:

1. Бодров В.А. Информационный стресс / Бодров В.А. // М., 2000. С. 138
2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. / Бодров В.А. // М.: PerSe, 2006. - 528 с.
3. Ведерко О.В., Данилова Н.Н., Гуляева Н.В., Коган Б.М., Лазарева Н.А., Онуфриев М.В. Эффекты информационного стресса у человека: соотношение биохимических параметров и сердечного ритма / Ведерко О.В., Данилова Н.Н., Гуляева Н.В., Коган Б.М., Лазарева Н.А., Онуфриев М.В. // Нейрохимия. – 2003. – Т. 20. № 1. – С. 68-74.
4. Наличаева С.А., Дикая Л.Г. Самоактуализация как ведущая детерминанта субъектной саморегуляции эмоционального выгорания педагога / Наличаева С.А., Дикая Л.Г. // Выгорание и профессионализация. Курск: Курский государственный университет, Институт психологии РАН. 2013. - С. 124–144.
5. Розеватов Д.А., Розеватов Г.А. Феномен клипового сознания в условиях информационного стресса /Розеватов Д.А., Розеватов Г.А. // В сборнике: Современные лингвокоммуникативные практики. Межвузовский научный сборник. Саратов, 2023. - С. 107-112.
6. Самоструева М.А., Сергалиева М.У., Ясенявская А.Л., Мажитова М.В., Теплый Д.Л., Кантемирова Б.И. Информационный стресс: причины, экспериментальные модели, влияние на организм / Самоструева М.А., Сергалиева М.У., Ясенявская А.Л., Мажитова М.В., Теплый Д.Л., Кантемирова Б.И. // Астраханский медицинский журнал. – 2015. – Т. 10. № 4. - С. 25-30.
7. DIGITAL 2023: global overview report. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (accessed 25.11.2024)
8. Expert: by 2025, world data will have increased more than fivefold] (In Russian). Available at: <https://tass.ru/ekonomika/6209822> (accessed 24.11.2024)

Махачева Аят Исаевна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

Научный руководитель:
Мугалимова А.М., доцент кафедры общей
и социальной психологии ФГБОУ ВО «ДГУ»

ВИРТУАЛЬНАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Человек живет на протяжении всей своей жизни так или иначе общаясь и взаимодействуя с окружающим миром, людьми, вступая в разного рода отношения, тем самым неотъемлемой частью коммуникации всегда является стремление показать себя как правило с лучшей стороны. Презентуя себя как личность ещё до существования мировой сети Интернет люди старались управлять впечатлениями окружающих о себе, через разделяемые с той или иной группой интересы, ценности, увлечения, научные взгляды и так далее.

То есть с уверенностью можно сказать, что без самопрезентации процесс взаимодействия между людьми просто не возможен.

Теперь, когда миром правит огромный поток информации, технические средства (компьютеры, телефоны, планшеты, телефоны и многое другое) выступают в роли посредников, стоящих между людьми, желающими общаться, сотрудничать и просто наладить коммуникацию друг с другом.

Информационные средства коммуникации зачастую искажают реальную сущность человека, порой создавая то положительный эффект, то отрицательный. Не зависимо от содержания и знака искажения, люди предпринимают разного рода действия чтобы создать нужное впечатление.

Таким образом, современный социум стоит перед все больше набирающей актуальность проблемой, когда виртуальная самопрезентация не всегда отражает реальную личность, скрывающуюся за тем или иным аватаром. Тут необходимо различать намеренное желание людей в социальных сетях вводить в заблуждение своих подписчиков, формируя желаемый эффект, не соответствующий обычной жизни. Известны случаи, и они описаны и в научной психологической литературе, когда возраст, пол, сексуальная ориентация и многое другое скрыто от сетевой аудитории.

Тем самым становится очевидным что мы имеем дело со стратегиями самопрезентации применяемыми в информационном пространстве, когда люди предпринимают целенаправленные и систематические действия, направленные на формирование желаемого имиджа или образа.

Вообще понятие «самопрезентация» это умение подать себя, то есть самоподача. В зарубежной англоязычной традиции под самопрезентацией конкретно и четко подразумевается намеренный менеджмент за впечатлениями, которые люди оставляют о себе прибегая к разного рода манипуляциям.

Считаем важным отметить, что понятие самопрезентация имплицитно понимается как западный термин, поскольку в американской традиции всегда упоминается о необходимости и потребности у человека стремления презентабельно выглядеть в обществе, производить необходимое впечатление в нужной референтной группе, либо стремиться путем самопрезентации попасть в тот или иной круг общения и привлечь внимание нужной категории людей.

С точки зрения А.В. Маричевой и Н.О. Паламар, самопрезентация, не что иное как феномен самовыражения, в своем стремлении создать то или иное впечатление, вызвать ту или иную эмоцию, на которую и делаются ставки презентующими себя людьми [2].

Как показывает практика производственных и деловых взаимоотношений между людьми, казалось бы, все активно презентующие себя люди не смотря на множество прилагаемых усилий не добиваются нужного эффекта, впоследствии испытывая боль, разочарование и обиду за затраченные силы.

Управлять впечатлениями – задача крайне сложная, однако шквал информационного потока, открывшегося за последние два десятилетия, заметно облегчает применение тех или иных способов самопрезентации.

На современном этапе, любой сотрудник, к примеру, желая трудоустроиться имеет все возможности изучить через социальные сети организационную культуру предприятия, главную миссию компании и её приоритетное направление в бизнесе. Таким образом появляется возможность у любого обывателя, а прежде всего и у любого специалиста презентовать себя (составить и разослать резюме, записаться на собеседование, сменить имидж) в соответствии с организационной культурой рассматриваемой компании для дальнейшего в ней трудоустройства.

В современном деловом мире самопрезентация личности ассоциируется с успешностью, т.е. человек, научившийся распознавать запросы социума приобретает в некотором смысле неуязвимость перед стремительно меняющимся миром, и расширяет в дальнейшем возможности самопрезентации себя как человека, занимающего устойчивую позицию в окружающем мире.

Многими исследователями предпринимались попытки изучить самопрезентацию как желаемый образ Я, за которым хочет себя проявить человек, при этом взгляды ученых различаются в зависимости от трактовки самого понятия. Как поясняет в своей статье А.С. Кузмина самопрезентацию человека одни ученые (А. Басс, Д. Майерс) развивали как социальную функцию, которая является неизбежной, а другие американские ученые трактуют самопрезентацию, инсталляцию индивидуальности (С. Бригс) [1].

Что касается российских исследователей, можно отметить что в отечественной еще советской научной психологической школе В.Н. Мясищева этот феномен изучался с различных сторон. Не вводя самого понятия самопрезентации в плеяду основных категорий деятельностного подхода, С.Л. Рубинштейн связывал само по себе присущее человеку желание проявить себя с психическими особенностями самой личности.

Ведь не случайно, как показывает анализ профилей в социальных сетях и различных аккаунтов в мессенджерах, психодинамические характеристики личности так или иначе проявляются, не смотря на желание пользователя сетей не проявить себя реального, из обычной повседневной жизни. С одной стороны, пользователи социальных сетей стремясь выдать себя за несколько иного человека или приукрасить свою внешность, возраст или биографию, тем не менее проявляя активную позицию в интернет сообществах, группах по интересам и другим виртуальным референтным группам проявляют свое истинное личностное и индивидуальное содержание.

Надо отметить, что именно в связи с этим, многие работодатели в современной практике осуществления поиска, найма и профессионального отбора, одним из приоритетных требований для кандидата на ту или иную вакантную должность выставляют базовое требование для соискателя – указать ссылки на все существующие профили в интернет пространстве.

Более того, во многих крупных современных корпорациях, где есть отдельные департаменты по подбору и отбору персонала, приняты на работу специальные IT-специалисты, которые анализируют информационное пространство принимаемого на работу сотрудника.

Зачастую это связано с особым назначением сферы деятельности той или иной компании, её конфиденциальности, степени рисков, свойственных в связи с изготавливаемой продукцией и т.д.

В современной организационной психологии можно проследить множество классических примеров отказа в трудоустройстве человеку, с одной стороны соответствующему самой ключевой в компании должности по всем самым высоким критериям и показателям (знания и владения мировыми тенденциями ведения бизнеса) топовых специалистов и тем не менее не принятых в компанию, поскольку анализ виртуальной самопрезентации показал противоречие с корпоративной культурой и ценностями, исповедуемыми корпорацией, занимавшейся поиском редкого и ключевого специалиста. По нашему мнению, такой подход, на первый взгляд, кажущийся не обоснованным, по сути своей имеет глубинные истоки понимания природы многовековых бизнес-традиций.

Таким образом, анализ изучаемой проблемы показывает нам о необходимости прикладных исследований в данном направлении и о слабой изученности проблематики виртуальной самопрезентации как показателя личности и её идентичности в реальной жизни.

Список литературы:

1. Кузмина А.С. Анализ зарубежных исследований опыта человека в среде Виртуальной реальности // Экология. 2014, №2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnyh-issledovaniy-opyta-cheloveka-v-srede-virtualnoy-realnosti/viewer>.

2. Маричева А.В., Паламар Н.О. Психологические особенности самопрезентации теневых аспектов личности пользователем онлайн игр // Вопросы науки и образования. 2018. №16 (28).

Нагаев Халид Мавладиевич
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

Научный руководитель:
Муталимова А.М., доцент кафедры общей
и социальной психологии ФГБОУ ВО «ДГУ»

АДАПТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Актуальность поддержания психологической жизнестойкости в условиях современного общества остро чувствуется с учетом ускорения ритма жизни, расширения информационных потоков и роста социальных ожиданий.

Способность человека, проявляющаяся в умении не только адаптироваться к глобальным переменам, но и разрабатывать уникальные стратегии поведения в меняющихся условиях, приводит к постоянному совершенствованию личности в различных сферах его жизни.

Адаптация, по Ф.З. Меерсону, обозначает динамичный диалог между личностью и окружением, при этом в качестве главного показателя успешной интеграции выступает уровень гармонизации личности в контексте окружающего мира [2].

В определении В. Франкла, социальная обстановка накладывает свои закономерности на действия и развитие индивида, служа значимым фактором в формировании его поведения [5].

Процесс адаптивности, который складывается из биологического и психологического элементов, занимает центральное место в эволюционировании и функционировании организма в экосистеме. В сущности, биологическое измерение задействует самонастрой организма к изменчивым параметрам окружения и своим собственным внутренним трансформациям. Напротив, психологическая составляющая нацелена на соответствие

с социальными догмами и привычками, а также на согласование с индивидуальными амбициями и влечениями.

Л.И. Божович внесла свой вклад в психологическую науку, анализируя как изменения в характере адаптации связаны с отдельными этапами онтогенеза. В этой сфере психические свойства и их качества формируются на базе усвоения ребенком требований, заданных его окружением. Однако, с течением времени, приобретенные черты становятся независимыми факторами, впоследствии влияющими на личностное развитие. Это возможно благодаря образованию уже сформированных черт, через которые ребенок интерпретирует влияние среды и создает уникальную внутреннюю позицию по отношению к ней [1].

В структуре психической адаптации выделяется индивидуально-психологический уровень, фокусирующийся на личностных типологических различиях. В рамках этого уровня мы находим аспекты, такие как способности, самосознание, регуляция и контроль над собой, оценка своих действий и черт, а также темперамент, эмоциональное и интеллектуальное состояния. Эти аспекты поддерживают психологическую устойчивость и способствуют сохранению умственного благополучия [2].

Помимо этого, выделяется и социально-психологический сегмент, включающий в себя характеристики взаимодействий в небольших социальных группах и ценность достижения конкретных социальных результатов. Здесь можно наблюдать два варианта адаптации: активную, когда личность воздействует на общество, и пассивную, когда индивид принимает цели и установки коллектива без сопротивления. Исходя из основных потребностей и побуждений, эти две формы адаптации выражаются внутри групповых взаимодействий и отношений между личностями.

В своих работах А.А. Налчаджян выдвигает теорию, согласно которой адаптивные процессы личности могут разделяться на разнородные комплексы:

1. Незащитные, применяемые личностью при решении

нефрустрирующих проблем;

2. Защитные, запускающие механизмы психологической защиты;

3. Смешанные, которые в себе сочетают элементы защитных и незащитных [3].

По мнению Э.Ю. Самойленко, адаптационный потенциал личности содержит элементы, неразрывно связанные с психофизиологическими и социально-психологическими аспектами. Определяющее влияние на успешность адаптационных процессов оказывает сочетание врожденных черт нервной системы, среды, в которой осуществляется развитие, социокультурных норм и объективная самооценка. Нередко, дисгармония между самовосприятием и реальностью откладывает отпечаток на процесс приспособления, пробуждая конфликтность, затруднения в осознании собственного места в социуме, и, в конечном итоге, подрывая благополучие организма. Адаптация, будучи изменчивым процессом, ее направленность и результативность, будет зависеть от множества факторов, включая физическое состояние, прошлые переживания и личностные настройки [4].

Для оценки потенциала личности в адаптации необходимо исследовать поведенческую регуляцию, коммуникативные способности и уровень моральных норм.

Поведенческая регуляция отражает способность индивида контролировать своё взаимодействие с окружающей средой. Ключевыми аспектами поведенческой регуляции являются самовосприятие, степень психической и нервной устойчивости, а также социальное одобрение и поддержка от окружающих.

Коммуникативный потенциал характеризует умение человека строить взаимоотношения с другими. Он определяется наличием опыта и потребностью в общении, а также уровнем конфликтности.

Моральная нормативность представляет собой способность адекватно реагировать на назначенную социальную роль.

Адаптация подразумевает умение работать не только в

привычных условиях и культуре, но и в сложных и нестандартных ситуациях. В исследованиях говорится о взаимосвязи адаптивности и нервно-психической устойчивости. Соответственно, люди с низким уровнем нервно-психической устойчивости демонстрируют также низкий уровень адаптивности [4].

Таким образом, феномен адаптивности рассматривается как значимый интегративный показатель личности, оказывающий непосредственное влияние на такие показатели жизнестойкости как физиологическое функционирование и реализация человека в обществе. Очевидно, что для личности, обладающей высокими адаптивными проявлениями свойственно применение различных эффективных копингов. В этой связи, на наш взгляд категория адаптивности как показатель жизнестойкости личности приобретает особую значимость для людей, профессиональные обязанности которых протекают зачастую в условиях повышенной опасности, риска и экстремальных условий.

Список литературы:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте – М., 2008. – 125 с.
2. Меерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика. – М., 1991. – 276 с.
3. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии – М., 2013. – 368 с.
4. Самойленко Э.Ю. Особенности структуры адаптивности молодых сотрудников ОВД // Общество: социология, психология, педагогика – 2012. – № 2 – С. 90 - 93
5. Frankl V. Logotherapie und Existenzanalyse. Texte aus sechs Jahrzehnten / V. Frankl – Beltz, 2002. – 199 s.

*Омарова Марина Карахановна
Ибрагимов Абдусалам Ибрагимович
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Интерес к проблеме гендерной специфики в управленческой деятельности резко усилился в последние два десятка лет в зарубежной и особенно в отечественной психологии. Такие изменения связаны, вероятнее всего, с тем, что увеличилось количество женщин, занимающих руководящие должности в организациях государственного и частного секторов экономики, а также расширением сфер экономики, где компании возглавляются представительницами женского пола в силу особенностей профессий, в которых они специализируются. Изучение гендерного аспекта проблемы управления обусловлено тем, что к мужчинам и к женщинам, занимающим руководящие должности, требования предъявляются одинаковые, а специфика управления у них различна, в том числе при принятии управленческих решений и при взаимодействии с подчиненными. Актуальность изучения проблемы связано, также с тем, что с каждым годом растёт число женщин, оказывающихся в управленческих структурах различного уровня, и от их решений зависят успешность и эффективность проектов, реализуемых в социальной, образовательной, культурной и других сферах жизни общества. Поэтому необходимо изучать роль их личностных особенностей в регуляции поведения и профессиональной деятельности.

Под стилем руководства мы понимаем манеры поведения руководителя, его принципы взаимодействия с членами команды, группы, коллектива. Существует множество различных стилей руководства, использующихся в разных ситуациях.

Авторитарный, или автократический стиль руководства предполагает наличие чётких указаний относительно того, что, когда и как должно быть выполнено членами команды, а также единоличное принятие решений в организации и сохранение за руководителем наибольшего количества обязанностей.

Партисипативный, или демократический стиль руководства предполагает предоставление возможности членам коллектива полноценно участвовать в управлении и вносить свои идеи в общее дело. При этом руководитель сохраняет за собой право последнего слова по любому решению.

Делегативный стиль руководства предполагает разрешение членам команды принимать решения самостоятельно, то есть, руководитель при принятии решений полагается на квалифицированных сотрудников, передавая им процесс принятия решений, но сохраняя за собой ответственность за любое принятое решение.

Трансформационный стиль руководства – руководитель обращает внимание членов команды на необходимые изменения, а затем формирует общее видение того, что необходимо изменить, и как. Трансформационный стиль руководства характеризуется идеализированным влиянием, интеллектуальной стимуляцией, мотивацией и вдохновением [5].

Каждый из стилей руководства имеет свои положительные и отрицательные стороны, интенсивность влияния которых на эффективность управления зависит от множества факторов, включая и гендерные особенности руководителя.

Понятие «гендер» появилось в науке в 1968 году благодаря американскому психоаналитику Р. Столлеру, который использовал его для разделения биологического и социального начала в человеке [4]. Часто в литературе понятие «гендер» используется как синоним понятия «пол». На самом деле при определении половой принадлежности индивида мы исходим из приписываемых соматических, поведенческих, репродуктивных и социальных

характеристик мужчин и женщин. В понятии гендера подразумевается и тот факт, что какими бы ни были различия в личностных особенностях мужчин и женщин, они не обусловлены чисто биологическими характеристиками индивидов, а зависят от социальной среды и субъективного знания о своих сексуальных особенностях. Как показывает опыт, при описании мужских и женских характеристик всегда говорят о социальных качествах и социальных ролях и уровне социальной активности.

Так, американский социальный психолог Шон Берн отмечает, что гендер в психологии понимается как социальная характеристика, которая позволяет людям давать определения понятиям «мужчина» и «женщина» [2, с. 21]. Психолог Сандра Бем определяет гендер следующим образом: «Гендер — совокупность социальных и культурных норм, которым в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола» [1, с. 281]. Отечественный социальный психолог И.С. Клещина предлагает такое определение: «Гендер — специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой. Гендер, таким образом, относится не просто к женщинам или мужчинам, а к отношениям между ними, и к способу социального конструирования этих отношений, т.е. к тому, как общество «выстраивает» эти отношения и взаимодействие полов в социуме» [3, с. 71]. Все предложенные определения отражают идеи социального конструкционизма, заключающиеся в том, что вся социальная реальность (в том числе и гендер) создана, сконструирована членами общества.

Таким образом, гендер — это совокупность социальных и культурных норм, которое общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. В зависимости от того, к какому полу он принадлежит, индивид выстраивает своё поведение, свои взаимоотношения. Дифференциация понятий «пол» и «гендер» объясняется тем, что пол — это биологическое явление

(генетические особенности строения клеток, анатомо-физиологические характеристики и детородные функции), а гендер является социально-культурным конструктом (социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и сексуальностью, но возникают во взаимодействии с другими людьми.)

С целью изучения гендерных особенностей стиля руководства в системе управления компанией нами было проведено исследование, объектом в котором выступал стиль управления, а предметом гендерный аспект стиля руководства. Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что специфика управленческой деятельности руководителей мужского и женского пола связана с особенностями сочетания маскулинных и феминных черт с их личностными характеристиками.

Для получения эмпирических данных были использованы следующие методики: Методика «Самооценка стиля управления» Аграшенкова А.В. в модификации Е.П. Ильина, Методика «Маскулинность, феминность и гендерный тип» С. Бем в адаптации О.Г. Лопуховой и «Пятифакторный личностный опросник» Х. Тсуйи, в адаптации Хромова А.Б.

Согласно полученным результатам, женщин-руководителей отличает от руководителей мужского пола более высокий уровень выраженности предпочтения демократического стиля управления, то есть, они в большей степени в ходе руководства стремятся к сохранению справедливого отношения и доверия с подчиненными, верят в их профессионализм и предоставляют больше свободы в действиях, включая возможность самостоятельного принятия решений в ситуации необходимости. Мужчины-руководители обладают большей выраженностью маскулинных черт, чем женщины-руководители, а женщины большую выраженность феминных по сравнению с маскулинными. Также было установлено, что чем более выражены феминные черты в структуре личности руководителя, независимо от половой принадлежности, тем выше

вероятность того, что им в процессе руководства активнее будут выбираться демократический и либеральный стили управления. При этом, установлено, что мужчины-руководители с выраженными феминными характеристиками проявляют больше гибкости в управлении, позволяя подчиненным свободно высказывать свою точку зрения на проблему и способы её разрешения, позволяют сотрудникам самостоятельно распоряжаться своим временем и загруженностью работой, что, в свою очередь, обеспечивает психологический комфорт для подчиненных и снижает уровень стресса от необходимости находиться под постоянным контролем начальства. Исследование взаимосвязей между гендерными характеристиками руководителей обоих полов и личностными качествами показало, что чем более выражены маскулинные черты в структуре индивидуальности человека, занимающего руководящую должность, тем вероятнее наличие в нем доминантных черт, проявляющихся в стремлении оказывать влияние на поступки других людей, в напористости, самодостаточности, самостоятельности, упрямстве и независимости. Маскулинность сочетается с ответственностью, добросовестностью, обязательностью, волевой регуляцией поведения, а феминность - со способностью к налаживанию контактов, с проявлениями аккуратности, самокритичности, консервативности и реалистичным взглядом на мир.

Список литературы:

1. Бем, С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов: [пер. с англ.] / Сандра Липсиц Бем ; Ин-т социал. и гендер. политики. - М., 2004. - 331 с.
2. Берн, Ш. Гендерная психология. Офиц. изд. / Ш. Берн. - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2017. - 320 с.
3. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика / И. С. Клецина. - СПб.: Алетейя, 2004. - 408 с.
4. Stoller R.J. Sex and gender. New York: Science House, 1968.
5. Volberda, H. (1999). Building the flexible firm: how to remain competitive. New York: Oxford University Press.

Яхьяев Мухтар Яхьяевич
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Уважаемые участники конференции, фундаментальные основания терроризма коренятся в ситуации системного социально-экономического, идейно-политического и духовно-нравственного кризиса общества. В своем совокупном действии они и порождают экстремизм и терроризм. Однако многообразные проявления терроризма как деструктивной нелегитимной формы социальной деятельности поддерживаются не только экономическими и социокультурными факторами. В немалой степени они детерминируются психологическими особенностями конкретного субъекта, как врожденными, генетически обусловленными, так и социально культивированными. Будучи производным от социально-экономических, политико-правовых и прочих причин, терроризм коренится в особенностях общественной и индивидуальной психологии, в которых осуществляется синтез всех иных факторов и причин провоцирующих террористическую активность социального субъекта. Именно психологические особенности личности и оказывается тем фактором, который усиливает действие социальных причин, формируя идейную мотивацию терроризма.

Терроризм в психологическом плане проявляется как специфический личностный «антиталант» или «талант» со знаком «минус», который тяготеет к деструкции, насилию, разрушению себя как личности и общества, в котором он и его близкие существуют. Особенности деструктивной направленности личности коренятся как в ее природно-биологических качествах, состоянии ее нервной системы, так и эмоционально-психологическом складе. Террористические задатки, дремлющие в природе человека, пробуждаются или же нивелируются той социокультурной средой, в

которой личность формируется. И если макро- и микро- социальные детерминанты, под влиянием которых происходит индивидуализация и социализация личности, имеют экстремальный характер, то эмоционально-психологическое состояние личности постепенно обретает террористическую направленность.

Психологический портрет терроризма как конкретно-исторического социокультурного феномена может быть сформирован на основе обобщения индивидуально-психологических особенностей террористически ориентированных личностей, выделения в их эмоциональном мире часто повторяющихся, типических черт. Так каков же эмоционально-психологический мир террориста?

Прежде всего в эмоционально-чувственном мире личности, подверженной влиянию идеологии экстремизма и терроризма, обнаруживается обостренное чувство неприятия наличной социальной реальности, которая резко контрастирует с навязанными ему извне представлениями о том, каким должен быть этот мир. Внешняя для террориста социальная реальность в нем оказывается враждебной и непреодолимой преградой, окружающие люди – носителями идеалов и ценностей, мешающими реализации его иллюзорных целей и установок. Это то исходное расхождение, которое ставит террористически ориентированную личность в экстремальную ситуацию стресса, фрустрации, конфликта и кризиса.

Враждебность внешнего для террориста социального мира порождает в нем стрессовую ситуацию, которая оказывается неспецифической реакцией личности на отсутствие реальных условий и поддержки со стороны в реализации ее террористической направленности. Столкновение сильной мотивированности террориста на достижение иллюзорных целей с внешними препятствиями в виде органов власти и конкретными лицами, которые отождествляются с ними, ввергает его в ситуацию психологической фрустрации. Ситуация непрерывной конфликтности

складывается на основе того, что террористически мотивированная личность в своей повседневной жизни находится в окружении людей, которые не разделяют его убеждений и в активной или пассивной форме препятствуют их реализации.

Осознание и переживание конфликта исключительно в извращенной форме оказывается для террориста достаточным основанием рассматривать других людей, не разделяющих его мотивации, не в качестве личностей, имеющих такое же, как он, право на свое собственное отношение к социальной реальности, а как обезличенное внешнее препятствие, которое необходимо просто устранить. Именно поэтому убийство оппонента из-за угла или же бегство от более сильного противника являются для террориста двумя наиболее характерными линиями поведения в ситуации спровоцированного им же конфликта.

Объективно оценивая повседневную жизнь террористически ориентированной личности, можно обнаружить невозможность реального осуществления ее иллюзорных террористических целей и проектов. Но террорист, как и любой другой человек, стремящийся к реализации своей базовой потребности остро нуждается в осознании того, что его утопии могут быть реализованы, а его деятельность может быть успешной.

Выйти из психологического кризиса, куда террорист ввергается самым фактом неосуществимости собственных иллюзий, ему помогают компенсаторные механизмы человеческой психики. Первым таким механизмом предстает простое перенесение реализации потребностей и целей на ближайшее или же отдаленное будущее. Для террориста, одержимого религиозными идеями, их достижение может быть отложено и до перехода из земного в иной мир. Вторым таким механизмом является суррогатная компенсация, суть которой в замещении исходной формы реализации террористской направленности иной формой, позволяющей реализовать цели в превращенной форме. Этот второй механизм предстает как суррогатная реализация террористических мотивов и

целей, удовлетворяющая психологическую потребность успешности деятельности человека со скудным внутренним миром.

Ситуации психологического стресса, фрустрации, конфликтности и кризиса определяют содержание эмоциональных переживаний террориста. Но тут обнаруживается доминирование таких психологических феноменов, как страх, отвращение, презрение, гнев и извращенная радость. Исходной эмоцией в психологическом мире террориста является страх, который порождается переживанием своего бытия во враждебном мире в окружении людей, которые не разделяют его идеалы и ценности и которые активно сопротивляются террористическим целям, навязываемым им. Страх и оказывается тем самым переживанием, который в эмоциональном мире террориста порождает презрение, отвращение и гнев по отношению как к социальной реальности, так и конкретным людям, не разделяющим мотивацию его действий и сопротивляющимся им.

Доминирование негативных эмоциональных переживаний во внутреннем мире террориста ставит перед ним, как и перед любым другим человеком, проблему наполнения своего внутреннего мира и положительными эмоциями. Как и откуда террорист берет позитивные эмоции? Террористом они черпаются, как это ни парадоксально, из имеющихся у него же негативных переживаний. Так, радость и наслаждение, хотя и в извращенной форме, ему приносит ненависть к внешнему миру и враждебным людям, разрушение и уничтожение которых доставляют ему высшее наслаждение.

Об извращенной амбивалентности эмоционального состояния террористически ориентированной личности говорит и то, что наслаждение и удовольствие ему доставляет как сама ненависть к миру, так и вовлеченность в разрушительные действия. Иначе говоря, разрушая социальную реальность, воспринимаемую им как враждебную, обрекая на лишения и страдания окружающих людей, повседневно испытывая лишения и страдания в борьбе за

иллюзорную идею, террористически ориентированная личность удовлетворяет и свою эмоциональную потребность в позитивных переживаниях.

Таким образом, всю гамму психологических эмоций террориста можно выстроить в следующей специфической последовательности: страх рождает отвращение и презрение, которые вызывают гнев, и через проявление в террористских действиях эти эмоции превращаются в извращенную радость и удовольствие террориста.

Психологический портрет террориста будет неполным без уяснения того, в каких содержательных формах проявляются его эмоциональные переживания. Анализ эмоциональных состояний террористически ориентированной личности позволяет в качестве основных выделить следующие чувства: любовь к своей идее, которой террорист предан безраздельно; любовь к самому себе как правверному носителю и исповеднику высшей истины – террористской идее; ненависть к людям, не разделяющим террористской идеи, которые выступают как принципиальные враги; ненависть к существующему испорченному, по его мнению, миру.

Эмоциональные переживания террориста имеют две парадоксальные особенности: первая, это обезличенность чувств террориста, их бесчеловечность, которая проявляется как их направленность на лиц вообще, которые отождествляются с конкретными общественными функциями. Вторая заключается в том, что чувства террориста не только внутренне лицемерны, но и подчеркнута демонстративны. И за такой обезличенностью и демонстративностью скрывается внутренняя душевная пустота и безличность самого террориста. Лицемерностью чувств он сознательно маскирует свое презрение к людям, даже самым близким к нему. Демонстративной заботой к абстрактному человеку вообще он скрывает, в том числе и от самого себя, ненависть и презрение к реальным людям, которых ввергает в неисчислимы

лишения и страдания.

Говоря об эмоциональной жизни террористически ориентированной личности, необходимо понимать и различную ее интенсивность для разных террористов в зависимости от места, занимаемого ими в террористической иерархии и играемой в ней роли.

В структуре любой террористической организации можно найти, как минимум, вождя-вдохновителя сообщества, элиту из передатчиков идей терроризма, технических функционеров и рядовых исполнителей. Вдохновитель террористических идей может сам и не испытывать сильных эмоциональных чувств, часто мешающих процессу систематизации идей и создания террористического сообщества. Его эмоциональные чувства должны быть лишь способными увлечь рядовых членов, овладеть их эмоциональным настроением. Ближайшие соратники вождя-вдохновителя терроризма, образующую элиту террористического сообщества, нуждаются в сильных эмоциональных переживаниях, без которых невозможно транслировать эмоциональное воздействие от лидера к массе исполнителей. Выполняющие различные роли технические функционеры могут и вовсе не быть носителями террористических чувств, но они вынуждены всегда их имитировать. Чрезмерная сила их эмоций станет только помехой для эффективного исполнения ими своих технических функций.

Рядовые члены, исполнители террористических актов испытывают сильные эмоциональные переживания, которые могут быть и кратковременными всплесками, но без которых невозможно проведения конкретной акции насилия или устрашения. В такие моменты террористских атак исполнители испытывают самые сильные переживания, превращающие их психически ненормальных людей. И из таких внутренне опустошенных, растерянных перед жизнью личностей, не умеющих отличать истину от заблуждения, терроризм рекрутирует рядовых исполнителей террористических акций, которые оказываются разменной монетой в чужой игре.

РАЗДЕЛ 3: ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

*Богомягкова Оксана Николаевна
НП ОПП «Ассоциация психодрамы»,
г. Москва*

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ НАЧИНАЕТСЯ С ИСТОРИИ ДЕТСТВА. СЮЖЕТЫ И СЦЕНАРИИ В РАБОТЕ ПСИХОЛОГА

Психология как наука знакомит нас с устройством психики в каждом возрасте, с темпами изменений и с качеством отношений. Онтогенез, как индивидуальный путь развития человека, иллюстрирует норматипичную историю и закономерности развития психики. Однако, история каждого – уникальна. Историю рождения, детства и подростничества можно назвать прологом к взрослой жизни. Именно там мы часто находим сценарии взрослой жизни.

Психология как практика предлагает замечать эти сценарии, изучать, редактировать или вовсе переписывать в контексте актуальности, значимости, собственного авторского вклада. На тему психотерапии детства стоит обратить внимание тем, кто работает с детьми, и тем, кто с ними живет; тем, кто сейчас родитель, и тем, кто когда-то был ребенком; тем, кто в детстве видит только трудный травматический опыт, и тем, для кого детство - это беззаботная пора.

Среди множества модальностей психотерапии в практике работы с детьми, подростками и их семьями, особое место занимает психодрама. Метод действия, способ увидеть свою историю на сцене собственной жизни, вариант изменения сценария, возможность сыграть новую роль, а может даже новую историю. Ролевая теория психодрамы начинается с того, что «рождение – это первый спонтанный акт» (Я. Морено), игра – это форма освоения и присвоения ролевого репертуара (В. Холл), отношения с близкими

взрослыми – это запечатление интеграционных и трансгенерационных посланий (А. Шутценбургер).

Проследить историю жизни человека, начиная с периода детства, позволяет техника «Линия жизни». Цель этой техники – интеграция жизненного опыта Клиента вне зависимости от его актуального возрастного периода. Реализация техники предполагает, что Клиент вспоминает приятные жизненные события, возраст этих воспоминаний («сколько мне лет в этом воспоминании»), людей, которые рядом с ним в этих воспоминаниях. Важно актуализировать опыт приятных воспоминаний, найти им место на графической репрезентации линии жизни. В этой части практики ценно заметить те возрастные периоды, которые наполнены приятными воспоминаниями, и те, где поддерживающих воспоминаний нет/не удалось обнаружить. Учитывая потребность психики в безопасности, первая часть упражнения всегда ориентирована на приятные воспоминания – это про ресурс, про контакт со своим собственным чувством безопасности и поиск маркеров этого чувства в теле и в контакте со значимым другим.

Очевидно, что психологическая безопасность – важнейшее условие сохранения и укрепления психологического здоровья, полноценного развития ребенка. Психологическое здоровье, в свою очередь – основа жизнеспособности ребенка, которому в процессе детства и отрочества приходится решать отнюдь непростые задачи своей жизни: овладеть собственным телом и собственным поведением; научиться жить, работать, учиться и нести ответственность за себя и других; осваивать систему научных знаний и социальных навыков; развивать свои способности и строить образ «Я» и образ мира.

Все перечисленное является показателем психологического здоровья, которое проявляется в разные периоды детства различным образом, но всегда – в позитивных психологических характеристиках и качествах.

– У дошкольника психологическое здоровье обнаруживается в развитой активности и любознательности, открытости миру взрослых, доверчивости и подражательности наряду со стремлением к самостоятельности и игровым отношением к миру.

– У младшего школьника психологическое здоровье обнаруживается в наличии широкой учебной установки, в любви к учению, в вере в собственные возможности, в уважении к общественному взрослому.

– У подростка – в мятежном стремлении к самопониманию, самовыражению и самоутверждению.

– У юноши – в устремленности в будущее, в поисках смысла жизни и в построении планов будущего.

Вторым этапом работы с техникой «Линия жизни» может быть внимание к трудным жизненным событиям и трудным переживаниям. Их стоит отмаркеровать как факты, без излишней детализации. Внимание к трудному и травматическому опыту детства требует ресурсирования, движения от периферии к центру, поиска «Защитника», построения безопасного места.

Через картину материализации событий на «Линии жизни» удается заметить целостность или пунктирность индивидуального пути развития человека, навигацию его жизненного пути, авторство сценария. Для Клиента – это про возможность заметить путь изменений, «сыграть в свою игру». Для Терапевта – это возможность заметить реперные точки в развитии, построить стратегию психологической работы, пригласить значимых других в поддержку целостности жизни Клиента. Такое диагностическое видение, которое разворачивает внутренний мир наружу и, видя устройство своего внутреннего мира, дает возможность Клиенту любого возраста возможность выбора приоритетного сценария. Стратегически – мы предоставляем ребенку, подростку, взрослому самому принимать решения относительно перспектив своего развития и желаемых изменений. Технически – консультант/терапевт

привносит в пространство клиент-терапевтических отношений техники экстернализации, которые через механизм интериоризации присваиваются и становятся внутренней картиной мира Клиента.

Стратегию терапевтической работы с несовершеннолетним клиентом стоит рассматривать через системную или линейную семейную терапию. Интересно в этом сюжете рассмотреть линии жизни каждого из родителей и/или линию жизни детско-родительских отношений. Феноменология детства возвращает в терапевтический процесс знания о сензитивных периодах в развитии ребенка, подростка (Л.С.Выготский), о возрастных кризисах (Д.Б. Эльконин), о привязанности и этапах сепарации (Дж. Боулби, М. Эйнсворт, Э. Эриксон), о ведущей деятельности, мотивах и потребностях (А.Н. Леонтьев), о спонтанности и креативности как о базе психологического здоровья (Я. Морено), о ролевом репертуаре (Я. Морено, Г. Лейтц) и символической игре (А. Айхингер, В. Холл).

Детская психология и психотерапия – это возможность работать с детьми и подростками, это уверенность в работе с детскими темами у взрослых, это «прожить свою жизнь заново», сделав работу над ошибками, даже если эти ошибки были не ваши.

Список литературы:

1. Айхингер А., Холл В. Психодрама в детской групповой терапии. - М., 2003.
2. Богомягкова О.Н. Формирование социальных компетенций дошкольником и младших школьников как условие психологической безопасности личности ребенка. - Пермь, 2013.
3. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. - СПб, 1997.
4. Млодик И.Ю. Современные дети и их не современные родители - М., 2017.
5. Надин Бёрк Харис Колодец детских невзгод. От стресса к хроническим болезням - СПб., 2021.
6. Оклендер В. Скрытые сокровища. Путеводитель по внутреннему миру ребенка - М., 2012.
7. Родители и дети. Хрестоматия / Под ред. Д.Я.Райгородского - М., 2003.
8. Сатир В. Вы и ваша семья - М., 2013.

9. Фурманов И.А., Аладдин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства - М., 1999
10. Царенко Н. Как мы портим наших детей: коллекция родительских заблуждений - Ростов н/Дону, 2013.
11. Эльконин Д.Б. Психология игры - М., 2008.

*Давидян Юлия Рубеновна
НП ОПП «Ассоциация психодрамы»,
г. Москва*

ДЕФИЦИТ МАТЕРИНСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ: ПСИХОДРАМАТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Сложные отношения с матерью – острая и распространенная проблема, но в нашей культуре принято о ней замалчивать. При нарушении материнской привязанности закладываются глубоко усвоенные ограничивающие установки и паттерны, которые приводят к проблемам во многих сферах взрослой жизни, влияя на восприятие окружающих, самого себя и своего потенциала. Взрослые дети с материнским дефицитом должны вернуться в прошлое ради своего будущего и извлечь на свет свою подлинную самость, открывая собственный безграничный творческий потенциал. Опираясь на теорию привязанности, психодрама позволяет проявить свою подлинную самость без страха перед осуждением, критикой или недопониманием.

Во многих матерях живет глубокий гнев на мир со сверхчеловеческими стандартами на женщин, которую они могут бессознательно проецировать на детей самым утонченным образом. Но на самом деле эта ярость направлена не на детей. Ее причина – патриархальная культура, требующая от женщин жертвовать всем и вычерпывать себя до дна ради материнства. Не оставляет сомнения, что большинство матерей желают своим детям самого лучшего. Но если мать не проработала свою боль и не примирилась с жертвами, которые ей пришлось принести, к ее материнской поддержке и

привязанности будут примешиваться другие послы, незаметно провоцирующие в детях чувство вины, ответственности и стыда.

Непроработанный материнский дефицит подобен дымовой завесе между повзрослевшим ребенком и его взрослой жизнью.

В ответ на материнский дефицит формируется маска «ложного Я» - термин, предложенный Винникоттом. «Ложное Я» развивается в детстве как способ компенсировать отторжение «настоящего Я» взрослыми. Это бессознательная попытка поменять себя, чтобы быть принятым внешним миром. Так создается «ложное Я», чья единственная цель – угодить родителю. Проблема в том, что, повзрослев, мы путаем «ложное Я» с «настоящим» и получаем одобрение от окружающих за проявления «ложного Я», в то время как в глубине души нам хочется, чтобы нас любили такими, какие мы есть.

Проявления, с которыми приходят клиенты с нарушением привязанности и материнским дефицитом:

- им кажется, что они хуже остальных;
- их внутренние установки противоречивы;
- они работают на убой, выгорают, постоянно обессилены;
- им кажется, что они должны притворяться счастливыми, не показывать свое настоящее лицо;
- у них возникает ощущение, что они застряли, парализованы, не могут ничего изменить;
- они страдают от одиночества, депрессии, отчужденности;
- им свойственен педантизм и перфекционизм;
- они берут на себя слишком много функций и выполняют роль эмоциональной obsługi для окружающих;
- они созависимы, склонны сливаться с окружающими;
- они жестоки к самим себе, не жалеют себя;
- они боятся остаться в одиночестве;
- они не умеют устанавливать границы.

Цель проработки материнского дефицита – понять, какие потребности в детстве клиента не были удовлетворены, чтобы он

перестал бессознательно проецировать эти потребности во внешний мир, от чего сам он страдает.

Если ребенок не чувствует себя защищенным в отношениях со взрослым, то его базовые потребности в привязанности к значимому взрослому не удовлетворены.

- ◆ БЕЗОПАСНОСТЬ – столкнувшись с воспринимаемой опасностью, мы ищем безопасность.

- ◆ КОМФОРТ – столкнувшись с воспринимаемым стрессом, мы ищем комфорта.

- ◆ БЛИЗОСТЬ – столкнувшись с воспринимаемой изоляцией, мы ищем близости.

- ◆ ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ – столкнувшись с воспринимаемым хаосом, мы ищем предсказуемости.

И соответственно, мы нуждаемся:

- ◆ в УТЕШЕНИИ – детям нужно, чтобы их успокаивали, обнадеживали и защищали;

- ◆ в НЕЖНОСТИ – детям нужно, чтобы их обнимали надежные и любящие руки;

- ◆ в ПРИЗНАНИИ – детям нужно видеть положительный образ себя в родительских глазах;

- ◆ в определенной степени КОНТРОЛЯ – детям нужно получать предсказуемые ответы на нужды, которые они выражают.

Основываясь на эмоциональных потребностях ребенка согласно теории привязанности, рассмотрим четыре роли матерей по доминирующему эмоциональному дефициту ребенка.

1) Мать, которая не может дать УТЕШЕНИЯ, потому что внутри ее поглотил страх. «**Мать-панцирь**» прячется от мира и боится открываться людям. Ее главное послание детям: жизнь слишком опасна. Нарушена базовая потребность привязанности: БЕЗОПАСНОСТЬ, в которой нуждаются дети, столкнувшись с воспринимаемой опасностью.

2) Мать, которая не может дать НЕЖНОСТИ, потому что внутри ее поглотила беспомощность. «**Мать-бедняжка**» ощущает

себя жертвой. Ее главное послание детям: жизнь слишком трудна. Нарушена базовая потребность привязанности: КОМФОРТ, в котором нуждаются дети, столкнувшись с воспринимаемым стрессом.

3) Мать, которая не может дать ПРИЗНАНИЯ, потому что внутри ее поглотила душевная пустота. **«Мать-потребитель»** считает себя в праве распоряжаться другими и внушает им страх. Ее главное послание детям: жизнь вращается вокруг нее. Нарушена базовая потребность привязанности: БЛИЗОСТЬ, в которой нуждаются дети, столкнувшись с воспринимаемой изоляцией.

4) Мать, которая поглотила детей КОНТРОЛЕМ, потому что внутри ее поглотила уничтожающая ярость. **«Мать-фурия»** стремится господствовать над другими и морально умерщвлять своих детей. Ее главное послание детям: жизнь – это война. Нарушена базовая потребность привязанности: ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ, в которой нуждаются дети в ответ на свои нужды. Этот тип матери скорее патологический, с расстройствами личности.

Наша культура и наши религии единодушно поддерживают практическое всемогущество материнского авторитета. Согласно «народной мудрости», наши родители имеют право контролировать нас по той причине, что они дали нам жизнь.

В глубине души всех взрослых, которым были нанесены эмоциональные травмы в детстве, продолжает жить испуганный и бессильный ребенок. Неудивительно, что эти дети едва справляются с чувствами стыда, тревоги, вины и гнева.

СТЫД

Когда ребенок не соглашается с матерью, его пытаются пристыдить, наказать, унижить или опозорить. Иногда незрелые матери прибегают к унижению в качестве способа воспитания. Они уверены, что исполняют свой родительский долг, хотя, к несчастью, просто проецируют свой стыд на детей.

ТРЕВОГА

Все внимание детей, выросших с материнским дефицитом, занято распознаванием настроения матери, чтобы оградить себя от возможного потрясения или предотвратить нападки. Их энергия вместо становления и развития расходуется в двух противоположных направлениях: на противодействие собственной матери и на ее защиту. Такие дети приучаются скрывать то, что они любят. Они умеют сдерживать слезы и молчать, когда им больно или грустно.

ВИНА

Вполне естественно, что маленькие дети боятся лишиться материнской любви. Быть «хорошим» ребенком означает не перечить матери. Такие дети мучаются чувством вины за желание жить своей жизнью. Их отделение расценивается как предательство. *«Если бы ты меня любил, то никогда бы так не поступил»*. Дети незрелых матерей обязаны беспрестанно подтверждать свою любовь, проявляя безусловную преданность и пренебрегая собственными нуждами.

ГНЕВ

Справиться с фрустрацией, которая происходит в результате материнского дефицита, очень непросто. Если дети огрызаются матери, то их наказывают. Если дети наносят себе повреждения, то их считают нездоровыми. Если дети причиняют вред кому-то другому, то оказываются за решеткой. Детям незрелых матерей приходится страдать от последствий подавленного гнева. В книге *«Гнев убивает»* Редфорда и Вирджинии Уильямс отмечено, что примерно у 20% от общего числа людей уровень гнева настолько высок, что это представляет опасность для здоровья.

В зависимости от поведения матери формируется детско-родительская привязанность и соответствующая стратегия поведения ребенка.

Если ребенок **не получает отклика** на свои нужды, потому что они не восприняты или неверно интерпретированы матерью, то согласно динамической модели развития привязанности и адаптации

у ребенка вырабатывается стратегия А. Стратегия А по описанию П.Криттенден будет соответствовать образу «примерного» ребенка.

Если в ответ на нужды ребенка отклик есть, но **реакция** матери **непредсказуема**, потому что неверно ею интерпретирована или она вообще не понимает, почему ведет себя рассогласованно, то согласно динамической модели развития привязанности и адаптации у ребенка вырабатывается стратегия С. Стратегия С – будет характерна для так называемого «трудного» ребенка.

Приходя на терапию, клиент с материнским дефицитом собирается обсуждать нечто такое, о чем он не хочет даже и думать... тайную правду о своей семье, своих чувствах и самом себе. Ему придется вернуться в прошлое ради своего будущего и с помощью психодраматической реставрации извлечь на свет свою подлинную самость, открыть собственное внутреннее богатство, свободную волю и безграничный творческий потенциал.

Психодраматический метод

- направлен на улучшение понимания и осознания клиентом того, как прошлое повлияло на нынешние мысли и поведение, и как прошлые паттерны реакции задействуются в настоящем;

- в равной степени фокусируется на том, как прошлое разыгрывается в настоящем: наше восприятие людей и ситуаций сильно зависит от опыта и выработанных стратегий поведения, с которыми мы сталкивались с ранних лет нашей жизни;

- мягко обходит психологические защиты, которые служат целям защиты сознания от трудных или болезненных эмоций и осознаний;

- реставрирует старые стратегии в новом контексте: конструктивное выражение спонтанности в творческом подходе к жизни проявляется в виде новых реакций на старые условия или адекватной реакции на новые условия.

Психодраматическая реконструкция материнской привязанности способна изменить источник первичной привязанности с реальной матери, чьи отклики на нужды ребенка

ограничены, на безусловно любящую внутреннюю мать. Воспитывая в себе «достаточно хорошую» внутреннюю мать, формируются новые отношения с собой.

Внутри каждого человека есть творческий потенциал к самовыражению, сила и красота. Вера в себя – это ключ к обретению подлинной самости и душевного здоровья.

*Джамалутдинова Марьямгаджи Ибрагимовна
Психодраматерапевт,
г. Махачкала*

ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХОДРАМАТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ «РЕСУРСНЫЙ АТОМ»

Часто в процессе психотерапии клиенты нуждаются в дополнительной поддержке. С одной стороны, она необходима для реализации потенциала, которого в избытке. С другой стороны, может наблюдаться существенный дефицит ресурсов, в результате которого может нарушаться не только психологическое, но и физиологическое состояние организма.

Поэтому в работе мною часто используется психодраматическая техника «Ресурсный атом».

Данная техника происходит из работ Якоба Леви Морено, отца-основателя классической психодрамы и социометрии, если точнее, является вариацией техники «Социальный атом». Изначально по Морено «Социальный атом» – это даже не техника, это, скорее, операциональное понятие: «...это наименьший элемент структуры отношений, который состоит из всех отношений между человеком и окружающими его людьми, которые в данный момент тем или иным образом с ним связаны». А сама техника представляет собой графическое изображение значимых людей в жизни человека и исследование этих отношений.

Таким образом, «Ресурсный атом» это тоже графическое изображение, только жизненных опор человека, т.е. получается

карта его ресурсов. Техника позволяет изучать отношения человека с его ресурсами, доступ к ним, дефицит и пр. Технику можно использовать как в индивидуальной работе с клиентом, так и в группе. В данной работе будет описан способ использования техники в групповой работе в формате онлайн.

Любая психодраматическая работа начинается с разогрева. Для перехода к работе с ресурсами онлайн можно использовать тематический разогрев с движением, например: вспомнить свои точки опоры, все что поддерживает/ поддерживало в сложных кризисных ситуациях. Выбрать один из них. Назвать этот ресурс и показать его движением.

Следующий шаг, выбор протогониста (так в психодраме называют клиента), кто хочет поработать на группе и встретиться со своими ресурсами. Здесь у протогониста стоит уточнить запрос, есть ли какая-то конкретная ситуация, в связи с которой ему хочется поговорить с ресурсами.

Далее клиент называет ресурсы, с которыми хочет встретиться. Выбираем из группы людей на роли: Дубля (кто будет самим клиентом при смене ролей), и дополнительные Я на роли ресурсов.

При работе онлайн, те кого не выбрали на роли, выключают камеры, и включают только на шеринге.

Сама работа выстроена следующим образом: спрашиваем у клиента с каким ресурсом встречаемся первым. И сразу вводим его в роль: какой ты ресурс, как выглядишь, на каком расстоянии находишься, в какую сторону смотришь, что делаешь для него (для нашего протогониста), как к нему относишься, как звучишь в его сторону. Вопросы общие, задаем исходя из ситуации. В конце важно коротко резюмировать все сказанное в послание одним предложением. Потом идет обмен ролями. Тот, кого выбрали на эту роль, озвучивает послание, и клиент из своей роли его получает. Здесь диалог может продолжиться. Если клиент захочет что-то спросить в ответ, или попросить, снова меняем ролями.

Так делаем с каждым ресурсом. Не с каждым возможно будет необходим диалог. Наблюдаем, где заряжено, и сверяем у протогониста, нужно ли туда идти.

После того, как протоголист побывал во всех ролях, дополнительные Я озвучивают свои послания. Спрашиваем у клиента, как ему с этим, хочется ли что-то менять, достаточно ли.

А менять можно дистанцию, размер ресурса, поменять сам ресурс на другой, добавить новый. Главное после каждого изменения, проводить обмен ролями, чтобы прочувствовать реакцию другой стороны. И уточнить, что это будет означать в жизни. Когда будет достаточно, завершаем работу, можно вопросом, что клиент забирает из работы.

Далее проводится шеринг. Первый круг – обратная связь из ролей, как им было, что чувствовали; второй круг – от себя, чем отозвалась работа. Очень важно, чтобы в процессе шеринга участники не интерпретировали проблемы, открывшиеся в поведении и эмоциональном состоянии протагониста, который в этот момент может оказаться очень ранимым.

Таким образом, использование техники «Ресурсный атом» в психотерапии позволяет клиентам глубже понять и проработать свои внутренние и внешние опоры. Это метод, который помогает не только выявить дефицит ресурсов, но и активизировать скрытые возможности, способствующие психологической и физиологической устойчивости. Графическое изображение ресурсов и взаимодействие с ними в процессе психодрамы дает клиенту возможность осознать и укрепить свои жизненные опоры, что в конечном итоге способствует более успешному преодолению кризисных ситуаций. Работа с ресурсами требует внимательного подхода, особенно в групповом формате, где каждый участник должен чувствовать поддержку и безопасность. Внимательное и чуткое сопровождение клиента на всех этапах процесса обеспечивает глубокий терапевтический эффект и способствует устойчивым позитивным изменениям в его жизни.

*Кулакова-Куприянчук Мария Николаевна
АНО «Институт психодрамы
и психологического консультирования»,
г. Москва*

ПСИХОДРАМА С ЛЮДЬМИ С РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ, ОСНОВАННАЯ НА МЕНТАЛИЗАЦИИ

С момента моего первого знакомства с психодрамой прошло уже много лет, и до сих пор остается в памяти это ощущение «чуда», когда с помощью ролевой игры накопленное напряжение находит выход и превращается в реальное чувство эмоционального высвобождения.

Психодрама с первых минут знакомства была для меня, как поток свежего воздуха, такого безопасного и целительного воздуха. Психодраматическое пространство позволяло «быть самим собой», в безопасности достать изнутри то, что сокрыто было далеко в глубине и, наконец- то была возможность прикоснуться к больным местам, чтобы исцелить свои раны. С того момента прошло много времени, и мне было интересно продолжать изучать метод психодрамы. Оставалось много вопросов, на которые хотела найти ответы.

В своей практике столкнулась с ситуацией, где обнаружила, что психодрама не всем людям одинаково помогает. Были случаи, когда клиент не может представить воображаемый мир в ролевой игре, ему сложно было играть, перевоплощаться в разные роли. Я.Л. Морено называл этот процесс «неврозом спонтанности». Он определял спонтанность, как адекватную реакцию на новые условия и новые реакции на старые. Спонтанность не накапливается и не сохраняется, она проявляется «здесь и теперь». Высвобождение спонтанности помогает человека привести к творческому процессу, саморазвитию, а подавление спонтанности - к деструктивным формам поведения.

Тогда появились вопросы, как же работать с людьми, у которых заблокирована спонтанность? Как развивать ролевой репертуар? Как работать с людьми с различными расстройствами.

И волею случая попала на обучение по клинической психодраме, где я нашла ответы на многие свои вопросы. Исторически сложилось, что работаю чаще всего с людьми с расстройствами личности и структурными расстройствами, и в этом случае мне был необходим особенный подход. Исследования Райнхарда Крюгера помогли мне увидеть другие аспекты психодрамы.

Райнхард Крюгер продолжил развивать Теорию ролей, спонтанности и креативности. Он исследовал возможности психодрамы в своем институте и клинике, а именно, ее использование в лечебных целях с людьми с расстройствами личности.

В своей практике психодраматерапевты опираются на Теорию ролей, и описывают симптоматику с точки зрения нарушения ролевого развития, например, ролевой дефицит, фиксация на роли, недостаточность ролевого репертуара или смешение ролей. Р. Крюгер с помощью структурных психодраматических техник вводит «игровой модус эквивалентности», иными словами спонтанность, в процесс проработки конфликта (внутрипсихического или межличностного).

У людей с расстройствами личности игровой модус эквивалентности дисфункционален, у них блок способности воображения, трудно представлять воображаемые роли, ситуации, тем самым становится невозможным проработка конфликта, творческий процесс заблокирован.

Поэтому в начале работы с клиентами очень важна диагностика структурных нарушений. Конечно, мы знаем, что психологи не ставят диагнозов, этим занимаются наши коллеги, психиатры. Стоит отметить, что психолог, работая с клиентами, так или иначе обращает

внимание на структурные нарушения, на степень ментализирования и самоорганизации.

«...Психодрама представляет собой внутреннее ментализирование и психическую самоорганизацию через внешнюю игру на импровизационной сцене – в помещении или на столе» [1, с.14].

Понятие «ментализирование» ввел в свою практику Fonagi. «Ментализация неразрывно связана с саморазвитием человека, с его постепенно усложняющейся внутренней организацией и участием в социальной жизни» [3, с.10-11].

Р. Крюгер разделяет понятия ментализирование и ментализация, первое рассматривает, как процесс, а второе как результат. Психодраматерапевты помогают своим клиентам выносить вовне процесс ментализирования и далее с помощью психодраматических техник помогают экспериментальным путем найти новый способ решения вопроса/конфликта.

Ментализирование он определяет как полубессознательный-полуосознанный творческий внутренний психический процесс, с помощью которого человек ситуативно понимает себя самого и других, работает над конфликтами, ищет подходящие или новые способы решения и планирует свои поступки. [1, с.14].

Таким образом, психодраматерапевт может использовать различные техники в работе с людьми с расстройством личности, в зависимости от степени тяжести структурного расстройства клиента.

Нарушения могут быть 4 -х видов:

1. Преходящие, вызванные актуальными конфликтами. Ментализирование заблокировано.

2. Стойкие, вызванные невротическими конфликтами. Ментализирование заблокировано.

3. Конфликты идентичности в структурном расстройстве психической самоорганизации в результате дефицитов ментализирования.

4. Распад процесса ментализации при психозах.

Опираясь на Теорию ролей, мы можем заметить, что у людей с расстройством личности внутренние роли порой слеплены друг с другом, внутренний мир они воспринимают, как реальный, ищут подкрепления и повторения сценария во внешнем мире. Им сложно растождествить свои мысли от мыслей интроектов, свои чувства от чувств другого человека, наблюдаются метакогнитивные нарушения. Они дисфункционально воспринимают реальную картину мира, тем самым осложняется задача решений своих жизненных вопросов, конфликтов. У них наблюдается ригидная система психологических защит, которая сформировалась в детстве, и в то время она была уместна и помогала сохранить психическую зрелость. Например, ребенку в детстве запрещали проявлять эмоции, вести себя активно. То есть, ребенок научается в такой форме воспитания подстраиваться под настроение и желания значимых взрослых, чтобы сохранить любовь, доброе отношение к себе. Или к ребенку предъявлялись высокие требования, чтобы он был лучше, быстрее, успешнее, конечно же, из лучших побуждений взрослых. И тогда ребенок получал вербальные и невербальные сигналы, что его будут любить при условии успеха и идеальности.

Люди с расстройствами личности неосознанно провоцируют конфликт, тем самым, возвращая себе привычный сценарий, в котором они стабилизируют свое состояние через свои прежние защитные реакции. Во взрослой жизни такая ригидная система психологических защит осложняет жизнь.

Чаще всего они идентифицируют себя со своей инаковостью, им трудно определить свою идентичность, самооценка сформирована неадекватно: то считают себя ничтожеством, другие лучше меня, самооценка в этом случае заниженная, то завышенная — я выше всех, другие ничтожества, и стараются сгладить все углы, уйти любым способом от конфликта, когда есть сложности в отношениях.

«Их Я оказывается в противоречии с актуальным опытом» [4, с.61] В этом случае мы сталкиваемся с дисфункциональной психической самоорганизацией.

И тогда задача психодраматерапевта с помощью ментализирования и других техник помочь клиенту вынести этот внутренний мир вовне и «додумать» решение конфликта другим путем. Обнаруживая и проясняя конфликты клиентов, мы с одной стороны стимулируем эмоциональные переживания, с другой, помогаем и поддерживаем в проживании сложных чувств.

Ментализирование не решает всех вопросов и не излечивает от расстройств, только помогает освоить навык распознавать социальные ситуации и управлять своими чувствами, растождествлять свое от другого.

Рассмотрим случай из практики:

Клиент В. 38 лет. Спокойный, рассудительный молодой мужчина, красиво поставлена речь, обходителен и учтив. Обращается с запросом, что у него ничего не получается. В процессе диагностической беседы выясняется, что он себя за многое ругает, осуждает, потерял, что имел, считает себя слабаком, трудно принимать решения, делать выбор, все время сомневается, боится сделать неправильный выбор. После нескольких сессий предлагаю ему посмотреть, что происходит с ним, как он мыслит. Рассуждает в процессе выбора, принятия решения. Ставлю два стула, на одном стуле роль маленького ребенка, который нуждается в любви, принятии и поддержке – «нуждающийся ребенок». С этого стула клиент и начал свой рассказ о своей жизни, о своих чувствах грусти и печали о неслучившемся. В процессе рассказа у клиента меняется тон, речь, настроение и он начинает рассказывать, осуждая себя. В. не замечает этих изменений, поэтому пока я помогаю ему пересесть на другой стул, указывая рукой в нужный момент. Человек погружен в свои переживания, и два Я- состояния слеплены, поэтому в процессе его рассказа обозначаю, предъявляю ему разницу его Я- состояний. Про второй стул мы обсуждаем позже, когда клиент

заметил разницу между ними. На втором стуле находится роль «злого» ребенка, который требует к себе любви и понимания. А так как из анамнеза знаю, что ребенком он был послушным, злиться ему запрещали. Поэтому он научился аутоагрессии. И задачей следующих сессий было замечать быстрое переключение двух Я-состояний, нуждающийся и злой ребенок, и обнаруживать взрослую свою часть. Из этих двух состояний невозможно сделать выбор и принять решение, так как дети не принимают решение за взрослых. Прделав несколько сессий с использованием такой техники, проявилась внутренняя взрослая часть, на которую клиент мог опираться и принимать решения, и ценить свои усилия и достижения, и принимать свои ошибки как жизненный опыт, такой важный для развития его личности.

Я бы хотела в этом месте остановиться в описании примера. Клиенты с пограничным расстройством личности имеют такие особенности, как черно-белое мышление, часто нарушают правила, идеализируют психолога, да и многих и многое в своей жизни. На следующей сессии может быть чистый лист, как - будто никакая психологическая работа не происходила.

С этими клиентами проводится длительная терапевтическая работа с расщеплением психики прежде, чем перейдем к следующему этапу работы с травмой.

Процесс этот очень длительный и увлекательный, можно долго рассказывать о психодраме и ее возможностях. В заключении хочу сказать, что возможности психодрамы для меня, как клинического психолога, психодраматерапевта однозначно расширились после изучения клинической психодрамы. Благодаря трудам Я.Л. Морено, Зерки Морено, Грете Лейтц, Р. Крюгера и других авторов мы имеем такой дар – знания, позволяющие помогать людям в их саморазвитии и проживать свою жизнь осмысленно, путем интеграции внутреннего и внешнего мира.

Психодрама остается для меня уникальным методом в работе с людьми. Как говорил Якоб Леви Морено «Каждый настоящий второй

раз есть освобождение от первого... Человек обретает в своей жизни-во всем, что он делал и делает, - возможность быть творцом, обретает чувство истинной свободы, свободы от своей природы...»

Список литературы:

1. Крюгер Р. «Лечение психодрамой». –М., 2017. – 720 с.
2. Лейтц Г. «Психодрама. Теория и практика». –М.: Когито-центр, 2007. -380 с.
3. Fonagy P и др. «Affektregulierung, Mentalisierung und die Entwicklung des Selbst», 2004, Stuttgart:Klett-Cotta/
4. Rogers C.R «Eine Theorie der Psychotherapie», 2009.

Мусаева Саида Рустамовна

*ООО Центр реабилитации и оздоровления «Тарнаир»,
г. Махачкала*

РАБОТА КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В РЕАБИЛИТАЦИИ БОЛЬНЫХ С РАЗЛИЧНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЦНС

Реабилитация – это комплекс мероприятий, направленных на максимально возможное восстановление после инсульта или травмы.

А если это невозможно, то – адаптация к бытовой среде (тогда это называется абилитация).

Рассмотрим на примере обычного пациента.

Как говорят пациенты: «Я ночью лег спать, и все было хорошо, а потом проснулся и упал с кровати или не смог встать». Человек, который внезапно перестал управлять своим телом, испытывает жуткий страх!

Что происходит дальше? А дальше, как обычно, вызывают скорую. Госпитализация – это всегда стресс для человека! Нарушается «рутина» его жизни – он не может на автоматизме делать те дела с такой же легкостью, как он делал их раньше.

Нарушаются личные границы пациента – его трогают незнакомые люди.

Ответственность - очень часто у пациента есть срочные незавершенные дела по работе или дома.

Это все сопровождается чувством собственной беспомощности, потому что пациент не может повлиять или изменить обстановку.

Плюс к этому присоединяется болевой синдром (нейропатические боли, или вывихи и т.д.).

Нарушение когнитивных функций – это пациенты понимают не сразу, но тоже болезненно переживают, потому как не могут приспособиться к среде и к обществу.

Что чувствует пациент?

Беспомощность, физическую и эмоциональную, страх, чувство вины, что получил инсульт, чувство вины перед родственниками, что подвел их, обреченность, потому что теперь кажется, что это навсегда, чувство неполноценности, беспокойство за будущее, ну и, как следствие, – депрессия.

Изменяется социальная роль.

Но не только пациент пострадал... Пациент начинает нуждаться в помощи близких родственников... Что же чувствуют родственники:

Страх потери близкого;

Изменения привычного уклада жизни – надо брать больничный или «по уходу» или же вообще увольняться с работы, чтобы ухаживать за мамой или папой;

Страх неопределенности – что же будет дальше, как дальше жить?

Ответственность - Теперь обеспечение семьи ложится на плечи жены (если муж получил инсульт). А также уход за больным.;

Чувство вины – «Это все потому что меня не было рядом... »;

Беспомощность – «Я ничем не могу помочь...»;

И эмоциональное выгорание, потому что уход за пациентом не легок, а еще плюс когнитивные нарушения, нарушения мотивации,

мышления, часто бывает такое, что пациенты кричат, ругаются матом...

Итак, что мы имеем: – пациент и его семья – с которым работает вся наша бригада – врач ФРМ, логопед, кинезиотерапевт, эрготерапевт, клинический психолог, специалист по социальной работе.

Как мы помогаем людям восстановиться?

На сегодняшний день в нейропсихологической реабилитации можно выделить две основные стратегии работы:

- восстановление;
- замещение.

Стратегия восстановления предполагает реконструкцию тех механизмов и навыков повседневной жизни, которые были присущи пациенту до болезни. Восстановление пациента возможно за счет нейропластичности, когда здоровые клетки берут на себя функцию «больных».

Стратегия же замещения предполагает построение новых механизмов и навыков для осуществления прежних целей. Это возможно за счет формирования новой среды, например, пациент, у которого парез в руке, учится есть за счет адаптивных приборов.

Врач ФРМ – следит за тем, чтобы пациент был в стабильном соматическом состоянии, т.е. чтобы у него не было температуры, не было судорог, давления, аритмии, психомоторного возбуждения, убирает трахеостому, зонд и т.д.

Медицинский логопед – помогает человеку восстановить речь - как в случае с афазией, когда нарушаются определенные зоны головного мозга, отвечающие за речь, так и в случае с дизартрией, когда пациент говорит смазано, неразборчиво.

Логопед помогает восстановить глотание – если человек поперхивается, и не может есть, или не может есть в следствие нарушения артикуляционного праксиса, вследствие чего убирается зонд. Так же логопед проводит с пациентом дыхательные тренировки, что позволяет убрать трахеостому.

Кинезиотерапевт – здесь все понятно, этот специалист помогает восстановить движения человеку, разработать баланс и координацию.

Эрготерапевт – это специалист по восстановлению социальных, бытовых, рабочих, функциональных и двигательных навыков у людей с ограниченными возможностями. В его практике используется трудотерапия, психолого-педагогические приёмы, физические упражнения, элементы мануальной терапии и подбор индивидуального оборудования.

Реабилитационная медсестра – это медсестра, которая помогает пациентам любого возраста приспособиться к хроническим заболеваниям или травмам. Медсестра реабилитационного центра делает это, создавая планы ухода, помогая обучать и помогать другим лицам, осуществляющим уход, координируя помощь других медицинских работников, таких как физиотерапевты, психологи, логопеды и эрготерапевты.

Медицинский психолог – это специалист, который помогает пациентам справляться с психологическими проблемами, связанными с заболеваниями и лечением. Эта сфера медицины находится на стыке двух дисциплин – медицины и психологии, и занимается психологическими аспектами здоровья. Пациенты могут столкнуться с различными проблемами, такими как депрессия, тревога, изменение настроения, снижение самооценки, страхи и фобии.

Давайте поподробнее остановимся на работе психолога. И разберем методы, с помощью которых мы можем помочь пациенту.

Самым частым запросом бывает снижение памяти у пациентов. И первое, что мы делаем – это диагностируем! Какой тип или вид памяти страдает/не нарушен: модальнонеспецифический, модально-специфический, эпизодическая (в частности, автобиографическая), семантическая, оперативная, и насколько сильно выражены имеющиеся нарушения;

На занятиях никогда не используется простое механическое запоминание, многократное повторение, зубрежка. Тренировка памяти не аналогична тренировке мышцы. Задания на заучивание наизусть стихов, прозы, цифр могут иметь смысл лишь в условиях, когда больному демонстрируется эффективный путь решения когнитивной задачи.

Формирование нового алгоритма поиска в памяти – к примеру, вы знаете, что перед вашим занятием пациент был у кинезиотерапевта, поэтому вы спрашиваете, не устал ли он? Или не болят ли у него мышцы, и почему? Мы учим его строить логические связи. Так, работая с пациентом с амнезией мы даем ему предметы для запоминания – один предмет он открыл и понюхал – духи, второй – открыл, встряхнул и послушал – спички, третий – ключ, сделал движение как – будто он открывает дверь. Через время мы спрашиваем у пациента помнит ли он что понюхал или что слушал и т.д. Очень важно следить за его ответами. Так, например, если пациент неуверенно отвечает «я не знаю» - быстрое угасание и обтаивание образа памяти (акцент на симптоматике левого полушария) сопровождается ощущением ошибки. Пациент отвечает «я не помню, или не я не знаю» даже тогда, когда смутные воспоминания хранятся в памяти. Для этих больных новый алгоритм сопровождается культивированием чувства уверенности даже при смутных воспоминаниях. Например, когда мы вспоминаем предметы, и после подсказки пациент снова отвечает вам, что не помнит, тогда вы спрашиваете: «А что вам приходит в голову?». Чаще всего пациенты угадывают, но вы это фиксируете пациенту и говорите: «Чаще доверяйте своим ощущениям».

Формируем режим дня у пациентов.

Надо использовать внешние подсказки – ставить будильники, заметки.

Безошибочное обучение – при использовании этого метода специалист постепенно продвигается от сильной подсказки к слабой.

Так как подсказка выдается сразу после инструкции, у человека нет возможности допустить ошибку.

Гнозис – это способность синтезировать элементарные сенсорные ощущения в целостные зрительные, слуховые или тактильные образы.

И опять диагностика. Надо узнать, насколько выражен дефект, и какой вид гнозиса пострадал. Адаптируем среду - так у пациентов с менее выраженным левосторонним неглектом мы формируем среду слева, чтобы ему нужно было почаще поворачиваться в игнорирующую сторону.

Прасис – это способность к произвольному воспроизведению поз и действий, которая надстраивается над гностическими функциями.

В структуре праксиса как высшей психической функции выделяют три звена: идеаторное, передаточное и исполнительное.

Термином «праксис» принято обозначать практическое предметное действие. Таких действий человек осваивает множество: от самых простых (еда, одевание и пр.) до сложнейших, представленных, например, профессиональными навыками.

В процессе занятий руководствуемся следующими принципами:

1) препятствуем закреплению неоптимальных двигательных стратегий и обучаем больного новым и эффективным двигательным программам;

2) для компенсации расстройств праксиса в осуществлении действия советуют вовлекать мышцы, которые до болезни в нем не участвовали. Так, например, в компенсаторных целях больным рекомендуется активнее задействовать проксимальные отделы рук, частично замещая этим дефекты движений кистей;

3) во время отработки двигательных навыков контролируют безошибочное завершение выполнения пациентом действия в целом. Для этого во время наиболее трудных этапов действия методист поддерживает больного и исправляет его ошибки. В то же время

мелкие и не особо значимые ошибки больного игнорируются. Такая тактика позволяет привести пациента к завершению действия и не допустить его отказа от выполнения задания;

4) во время выполнения задания пациенту предлагают называть осуществляемое им действие или использовать вспомогательные картинки с изображением правильной последовательности движений;

5) внимание больного сознательно направляют на мышечно-суставные ощущения, возникающие у него при выполнении движения, для того, чтобы с их помощью анализировать правильные и неправильные двигательные фрагменты действия.

Проведение курса таких занятий позволяет улучшить те движения и бытовые навыки, которые подлежали тренировке. Однако эффект, достигнутый в отношении одного какого-либо навыка, не распространяется на другие. В этой связи рекомендуют выбирать для тренировок те действия, которые наиболее востребованы в повседневной жизни больного. При восстановлении бытовых навыков важно также точно установить, является ли причиной их нарушений апраксия, и выбирать соответствующее компенсаторное воздействие. В целом, основной стратегией реабилитации больного с апраксией является помощь в отработке навыка, значимого для него в реальной окружающей среде.

Работа с родственниками.

Наиболее частые ошибки окружения больного:

– Гиперопека и, таким образом, торможение перехода к большей самостоятельности.

– Раздражение, обида, агрессия и отчуждение от пациента (т.е. приписывание имеющихся трудностей не болезни, а личностным особенностям).

– Гипоопека.

Необходимые действия психолога:

– Разъяснение специфики болезни.

– Разъяснение специфики расстройств.

- Помощь в выработке адекватных поведенческих стратегий во взаимодействии с больным.
- Снятие психологического стресса, работа с эмоциональными реакциями родных и близких.

*Нараленкова Оксана Михайловна
АНО «Институт психодрамы
и психологического консультирования»,
г. Москва*

ПСИХОДРАМА СОТВОРЧЕСТВА: ИСЦЕЛЯЯ РАНЕНОЕ «Я», И ВЫРАСТАЯ В МЕРУ ЧЕЛОВЕКА (ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ТРАВМОЙ)

Психодрама как психотерапевтический метод имеет в своей основе определенное представление о человеке, концепцию «Я», свою парадигму мира и человека и способа взаимодействия человека с миром, с другими людьми и с самим собой.

Понимая, узнавая и развивая эту парадигму человека и мира, мы, как практикующие специалисты, можем выбирать из уже наработанного наследия психодрамы и создавать свои психотерапевтические техники, которые помогают клиенту не только справляться с его текущими сложностями, но и занимать творческую и проактивную позицию автора собственной жизни [3, С. 97-119.]. Движущие силы психодрамы и терапевтические агенты – это спонтанность и креативность, рабочая модель – проигрывание ситуаций из жизни клиента (или в терминологии психодрамы – протагониста) или представлений его внутреннего мира на сцене в пространстве «здесь и сейчас» [6, С. 101-124.].

Слово «спонтанный» происходит от старолатинского: *sua sponte*, «по собственному желанию, добровольно» [9, С. 334-674.], что можно трактовать как «в согласии со своей свободной волей», и такое согласие особенно важно в контексте работы с

травматическими переживаниями и посттравматическим стрессом. В этом подчеркивается согласие и гармония с самим собой, без внешнего принуждения, в то время как травма через проявления посттравматического стресса может приводить к рассогласованности внутреннего мира «Я» и внешней дезадаптации.

Спонтанность пробуждает креативность, способность найти творческое, новое решение для старой ситуации, которая кажется нерешаемой, и быть адаптивным, находить новые решения для сложных ситуаций в быстроменяющейся жизни.

В то время как спонтанность связана с готовностью к творчеству, креативность – это вход в сам процесс «делания», в акт творчества.

Ключевое положение психодраматической работы - обращение к протагонисту как к автору своей жизни, творящему себя и свои отношения (внутриличностные, межличностные и трансцендентные, ценностные), исходя из принципов творческого созидания, спонтанности и креативности.

Исцеляя раненое «Я»: работая с внутренним атомом ролей

Человеческое «Я» в психодраме представляется как совокупность ролей, ролевой репертуар, появляющийся с рождением и развивающийся в течение всей жизни. Другими словами, «Я» проявляется, делается миру видимым и даже осязаемым через те роли, которые человек играет в течение своей жизни. Роль – это форма жизни, которую выбирает «Я» [2, С. 223-235.].

Соответственно, вынося на сцену внутреннюю жизнь «Я», мы делаем ее видимой, осязаемой, осознаваемой, а значит – поддающейся регуляции и изменениям. И уже не хаотичный набор неизвестных нам ролей живет через нас в мире, но мы занимаем позицию Творца по отношению к своему внутреннему миру и его проявлению вовне.

По сути, речь идет о «внутреннем ролевом атоме», который, воплощаясь и оживая в пространстве «здесь и сейчас», делает «Я» открытым и доступным для желаемых изменений [10].

Если представить внутренний мир «Я» на сцене, то человек видит себя во всей полноте. Те роли, которые привычны, часто являются другим и миру, те роли, которые, быть может, подзабыты, но могут быть активированы по желанию человека, и те роли, которые, «находятся в тени» и еще не готовы проявиться, но настойчиво требуют к себе внимания [8].

Работа с внутренним ролевым атомом клиента в пространстве сцены – это одна из ключевых особенностей травмаинформированного подхода в психодраме, которая позволяет работать с такими особенностями посттравматической стрессовой реакции как расщепленность на «до» и «после» травмирующего события, когда раненая, уязвлённая роль в «Я» словно скрывается в тени сцены.

Внутренний ролевой атом дает возможность вместе с клиентом увидеть и «перегретые» роли совладания (копинг-роли), и отход на авансцену «дефицитарных» ролей динамичных, творческих.

При этом уже само присутствие разнонаправленных внутренних ролей в пространстве сцены позволяет каждой стать видимой, обрести свой голос, движение или просто позу, в случае, если роль «травмирована» и пока не готова проявиться.

Такая форма работы открывает «терапевтическую карту» внутреннего мира протагониста и дает возможность наметить стратегию работы: какие роли могут отдохнуть, «отправиться в отпуск», какие сейчас стоит активировать, дать им ярче проявляться в повседневной жизни, а какие, быть может, нуждаются в заботе, утешении и открытии новой перспективы.

При этом, имея свое терапевтическое видение, делаясь им с протагонистом, мы, как психологи – практики, оставляем за протагонистом право выбирать, какие изменения он хочет внести в динамичную реорганизацию своего внутреннего атома ролей. Таким

образом, протагонист принимает на себя роль автора своего внутреннего мира и автора собственной жизни.

Травматическая «капсула времени»

Когда мы работаем с внутренним миром ролей человека, пережившего травму, важно понимать саму природу травмы.

Травма – результат индуцированного извне переживания или серии переживаний, которые временно делают человека беспомощными, потому что обычные средства защиты и стратегии преодоления в это время не работают [4].

Травма словно создает некую пространственно – временную структуру, «капсулу травмы», которая периодически «всплывает в настоящее», когда актуальные события напоминают о травмирующей ситуации, активируя в «здесь и сейчас» переживания прошлого. В этом аспекте интересна метафора сужающейся «воронки травмы» Питера Левина. Можно сказать, что травматическая ситуация обладает сверхэнергетическим потенциалом захватывать не только личность человека, но и его межличностные отношения, врываясь в настоящее и, перефразируя классика, «разрушая связь времен».

Вариант «капсулы травмы» или «пузыря травмы» (в терминологии автора) из книги Кейт Хаджинс, где по внешнему кругу расположены ярость, горе, отчаяние, ужас, террор, беспомощность, стыд. А внутри запечатаны защиты, память, эмоции, способы поведения.

Длительные последствия травмы – ненадежные привязанности, повышенная возбудимость, сменяющаяся апатией, безволием, негативные мысли и настроения, избегание и повторное переживание симптомов — создают благодатную почву для танца переноса и контрпереноса между клиентом и терапевтом.

Все это создает риск ретравматизации для клиента, когда в психодраматическом сценическом проигрывании событий, ассоциированных с травмой, клиент может оказаться в ситуации беспомощности и вновь перенести ее на отношения с терапевтом, с

группой, на отношения в своей жизни. Так активируется посттравматический стресс как реакция на травмирующую ситуацию, нарушающий адаптацию человека и зачастую связанный и с нарушениями настроения, повышенной тревожностью или, напротив, субдепрессивными и депрессивными состояниями. Травма вновь «захватывает» человека в «здесь и сейчас».

Хотя Морено редко использовал термин «травма», он писал о потере людьми спонтанности в ответ на «внезапные удары, которые, кажется, приходят ниоткуда» [6, С. 1-43.]. Он представлял состояния упадка сил, замешательства, страха и обездвиженности как потерю спонтанности.

Изучение переживания травматического стресса выявляет элементы проявления травмы в жизни клиента не только как дефицита спонтанности, но и как присутствия патологической спонтанности. Морено пишет, что патологическая спонтанность имеет тенденцию «искажать восприятие, разобщать исполнение ролей и мешать их интеграции на различных уровнях жизни». Патологическая спонтанность — это новая, но неадекватная реакция, по сравнению с дефицитом спонтанности, который представляет собой повторяющуюся неадекватную реакцию или отсутствие какой-либо реакции вообще. Симптомы посттравматического стресса могут быть рассмотрены и как формы патологической спонтанности, и как недостаток, блокировка спонтанности.

Реакции и симптомы травматического стресса могли быть адаптивными и спонтанными реакциями во время травмы, но со временем они становятся повторяющимися реакциями, которые больше не адекватны новым ситуациям. Таким образом мы можем рассматривать «капсулу травмы» и как законсервированный ролевой репертуар.

Морено отмечал, что тревожность и спонтанность находятся в обратной зависимости: когда тревожность повышается, спонтанность снижается. И наоборот, повышение спонтанности

снижает тревожность. Раз мы видим, что посттравматический стресс влияет на способность человека жить спонтанно, то можем предположить, что посттравматический стресс и спонтанность также имеют обратную взаимосвязь.

Внутреннее переживание себя и отношений с другими людьми и миром сопровождается у людей с посттравматическим стрессом интрузиями (флэшбэки, ночные кошмары), оцепенением наряду с повышенной возбудимостью, негативными убеждениями о себе, о другом, о мире, поведением избегания, симптомами диссоциации и другими закрепившимися способами совладения с травматичным опытом.

По этим причинам и клиент, и терапевт заинтересованы в том, чтобы иметь клиническую карту для руководства совместной работой с фокусировкой на прогрессивную трансформацию роли внутри сцены, на посттравматический ролевой рост, который у людей, переживших травму, затруднен без терапевтического направления.

Треугольник ролей: от травмы – к посттравматическому росту

Такая клиническая карта разработана и многократно опробована на практике американским психотерапевтом Кейт Хаджинс, автором терапии травмы по Терапевтической Спиральной Модели (ТСМ), сочетающей в себе основополагающие принципы психодрамы и принципы клинической психологии.

В рамках модели ТСМ при работе с клиентом, пережившим травматическое событие или события, фокус внимания терапевта направлен на интроецированный, принятый из ситуации травмы во внутренний мир «Я», ролевой «треугольник травмы», напоминающий треугольник Карпмана (1968), но без роли спасателя.

Человек, переживший травму, неосознанно усваивает (интроецирует) следующие роли.

1. Роль жертвы - раненый, запуганный, подчиненный, угрожающий другому, перевозбужденный и изолированный от мира.

2. Роль агрессора – «запрещено» проявляться во вне, сила и власть воспринимаются как угрожающие, агрессия часто направлена на себя.

3. Роль отвергающего авторитета - во внутреннем мире проявляется как отказ от себя, способы поведения – уход в зависимости, избегание, диссоциация, нежелание – неумение отстаивать себя или заботиться о себе.

Когда «Я» захвачено травмой, человек активно участвует в этом треугольнике интрапсихической травмы, его общение с другими людьми затруднено. Главное преимущество выхода из треугольника травм – установление более значимых и продуктивных отношений с самим собой и другими людьми.

Прогрессивными ролями, направленными на посттравматический рост, могут быть:

1. Руководитель здоровых защит, спящий – пробуждающийся ребенок (наивная, спонтанная, творческая часть «Я»), автор своей жизни.

2. Достаточно хороший родитель, партнер, друг. Тот, кто дает новый эмоциональный опыт заботы, любви, поддержки.

3. Подходящий авторитет – внутренний прекрасный защитник, останавливает негативные интроекции, возникающие в результате переживания травмы, когда человек начинает возвращать себе свою личную силу. Высший авторитет – в духовном смысле эта роль означает осознание того факта, что человек является со-творцом себя и мира и несет ответственность за человечество.

Взаимодействие прогрессивных ролей развития с ролями, связанными с травмой, в психодраматическом пространстве создает внутрипсихические изменения, которые будут проявляться в новых способах поведения и отношений (с собой, с другими людьми и с миром) и в снижении посттравматического стресса. Согласно

принципу сотворчества терапевта и клиента и с ориентацией на посттравматический рост прогрессивные роли могут получать «другие имена и лица», те, которые придумывает, создает и проживает сам протагонист.

При надлежащей поддержке личности во время или после травмы люди естественным образом стремятся к спонтанному росту, выходящему за рамки простого выживания [4]. Это положение созвучно с утверждением Льва Семеновича Выготского о призвании психики не столько отражать объективную реальность, сколько «субъективно исказить» ее в пользу человека - «чтобы можно было действовать» [1].

Вырастая в меру человека: вокруг чего пересобирается «Я», и каким видится «Я» будущего

Физики-теоретики исследуют концепцию пространства и времени и теоретизируют возможность путешествия сквозь пространство и время. Однако такая «машина времени» уже построена. И существует она у нас внутри, внутри нашего сознания.

В психодраматической реальности, в метареальности психодрамы, прошлое и будущее воплощаются на сцене настоящего, делая возможным все. «В психодраме все возможно», — это, наверное, любимая фраза психодраматиста. Вместе с фразой Морено: «Сцена выдержит все».

Мы вместе с протагонистом имеем возможность путешествовать как в прошлое, переживая травматические ситуации в безопасной и поддерживающей обстановке с ориентацией на роли развития. И так проектировать будущее, делать проекцию в будущее. Такой способ работы дает возможность не только исцелять раненое «Я», но и создавать желаемый образ себя в будущем, зачастую ориентируясь на роли трансцендентные, роли любимого героя сказки, книги или фильма. Это в прямом смысле восстанавливает «распавшуюся связь времен» и возвращает силу действовать, мечтать, любить, достигать и стремиться. Освобождая

«я» от оков травмы, раскапсулируя свободу и волю, высвобождая спонтанность и энергию жизни.

Но что в этом психодраматическом путешествии остается неизменным? Вокруг чего «Я» всегда может пересобраться? К чему можно обратиться в минуты невзгод, когда будет «соблазн» вновь вернуться к старым способам жить? Где моя «точка сборки»?

Якоб и Зерка Морено, соавторы метода психодрамы, называли такую незыблемую основу внутри человека «автономным исцеляющим центром». Где он находится? В голове, в сердце? Это коннектом? Это нейропластичность мозга? Морено говорил о том, что центр исцеления изначально заложен в человеке. Это метафора души, психики? Возможно.

В понимании автора данной статьи — это то внутреннее место «предвечной любви», откуда исходит жажда жизни, явления себя миру, стремление действовать, проявляться или реализовывать свой акциональный голод (в определении Морено). Тот «негасимый свет», который всегда дает надежду. Причем автономный исцеляющий центр направлен как вовнутрь, в мир протагониста, так и во вне, к ценностной опоре протагониста в мире. Это то качество, которое фундаментально в мире и фундаментально внутри «Я» и то, в чем мир и «Я» схожи изначально. Поэтому в работе с внутренним ролевым атомом человека, пережившего травматический опыт, видится перспективным привносить и роль автономного исцеляющего центра, примеряя которую протагонист получает ресурсную поддержку.

Морено описывает автономный центр исцеления как «существующий глубоко внутри нас самих» и что он «не зависит от слов», безмолвен, тих и может быть «активирован и доступен через действие» [6, С. 288-303.].

Это подчеркивает чувство уважения к каждому человеку, веру в человека, которой пронизана психодрама, непоколебимую убежденность в доброте и силе, в целительном потенциале каждого

клиента, независимо от того, что он пережил, с чем борется, кто он такой, каково его происхождение.

В психодраме сотворчества, сопровождая клиента в его пути исцеления, мы как помогающие практики даем клиенту возможность выбора и уважаем его выбор. На протяжении всего процесса психодрамы помогаем протагонисту исцелить себя, подключиться к той красоте и силе, которая уже заложена внутри каждого человека.

И даже больше. Человек – не остров в океане. Человек – существо социальное. И согласно психодраматическому принципу «теле», тонкой чувственной, психической и телесной сонстройке между людьми, мы можем говорить и о том, что автономный центр исцеления существует не только внутри каждого человека, но и внутри каждой группы, каждого сообщества, каждой семьи, каждой организации и общества в целом.

При всех наших различиях у нас всегда есть пространство для встречи – психодраматическая сцена. И подходящее время – психодраматическое «сейчас», в котором могут воплотиться и настоящее, и прошлое, и будущее. До встречи в метавселенной психодрамы.

Список литературы:

1. Ключко В.Е. и др. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – 2005.
2. Doyle C. A self psychology theory of role in drama therapy //The Arts in Psychotherapy. – 1998. – Т. 25. – №. 4. – С. 223-235.
3. Feldhendler D. Augusto Boal and Jacob L. Moreno: theatre and therapy //Playing Boal. – Routledge, 2002. – С. 97-119.
4. Hudgins K., Durost S. W. Experiential therapy from trauma to post-traumatic growth: Therapeutic spiral model psychodrama. – Springer Nature, 2022. – Т. 2.
5. Hudgins K. Psychodrama revisited: Through the lens of the internal role map of the therapeutic spiral model to promote post-traumatic growth //Zeitschrift für Psychodrama und Soziometrie. – 2019. – Т. 18. – №. 1. – С. 59-74

6. Giacomucci S. et al. Sociatry, psychodrama, and social work: Moreno's mysticism and social justice tradition //Social Work with Groups. – 2021. – T. 44. – №. 3. – C. 288-303.

7. Giacomucci S. Traumatic stress and spontaneity: Trauma-focused and strengths-based psychodrama //Psychodrama: advances in psychotherapy and psychoeducational interventions. – Nova Science Publishers, 2021. – C. 1-43.

8. Krüger, R.T. (2024). Mentalization-Oriented Metacognitive Theory of Psychodrama. In: Disorder-Specific Psychodrama Therapy in Theory and Practice. Psychodrama in Counselling, Coaching and Education, vol 4. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7508-2_2

9. Yaniv D. Trust the process: a new scientific outlook on psychodramatic spontaneity training //Frontiers in psychology. – 2018. – T. 9. – C. 334674.

10. <https://psychodrama.world/method/the-psychodramatist/>

НАШИ АВТОРЫ

1. Айвазова Хамис Багомедовна – магистрант факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

2. Алиев Гаджи Русланович, студент факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

3. Алиева Самира Магомедовна, магистрант факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

4. Ахмедов Исмаил Ахметуллаевич – к. филос. н., доцент кафедры онтологии и теории познания ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

5. Бертенёва Ирина Андреевна – студентка, ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород.

6. Богомягкова Оксана Николаевна – старший тренер Института психодрамы и психологического консультирования, психодраматерапевт, тренер и супервизор Ассоциации психодрамы, руководитель обучающих программ, кандидат наук, доцент, г. Москва.

7. Гаджибабаева Джавганат Ражидиновна – к. пс. н., доцент, ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород.

8. Гаджиева Умажат Басыровна – к.п.н., доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

9. Гасанова Саида Алиевна – к. пс. н., ст.преподаватель кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

10. Гапизова Халима Гапизовна – магистрант факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

11. Давидян Юлия Рубеновна - к. м. н., психолог, психодраматерапевт, член Ассоциации Психодрамы и секции «Психодрама онлайн». Представитель Ассоциации Психодрамы России в Международной Ассоциации Групповой Психотерапии IAGP. Врач онкогематолог, г. Москва.

12. Далгатов Магомед Магомедаминович – д. пс. н., профессор, зав. кафедрой психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала.

13. Далгатова Калимат Магомедовна – методист кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

14. Джабраилов Арсен Набиевич, директор психологического центра ДГУ «Пси-фактор», им. А.М. Ахмедханова, г. Махачкала.

15. Джамалутдинова Марьямгаджи Ибрагимовна – психолог, психодраматерапевт, г. Махачкала.

16. Долгунова Ангелина Васильевна - студентка, ФГБОУ «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар.

17. Ибрагимов Абдусалам Ибрагимович – магистрант факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

18. Казиева Нуржаган Нурбагандовна – к. пс. н., доцент, зав. кафедрой общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

19. Казиева Райганат Зауровна – магистрант факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

20. Квашнина Мария Михайловна – студентка, ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород.

21. Коншина Вероника Владимировна – студентка, ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород.

22. Кулакова-Куприянчук Мария Николаевна – клинический психолог, психодраматерапевт, ведущая тренингов/терапевтических групп для взрослых и подростков. Действительный член ФПО и Ассоциации психодрамы. Преподаватель МИП, г. Москва.

23. Магомедова Хава Нурудиновна – к. п. н., доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

24. Майндурова Хадижат Мухаевна – магистрант факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

25. Мазунова Светлана Юрьевна – магистрант ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород.

26. Махачева Аят Исаевна – магистрант факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

27. Мусаева Саида Рустамовна – клинический психолог, нейропсихолог. Республика Дагестан, г. Махачкала.

28. Муталимова Аида Магомедбеговна – к. пс. н., доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

29. Нагаев Халид Мавладиевич – магистрант факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

30. Назыров Равиль Каисович – д. м. н., Ректор Института психотерапии и медицинской психологии им. Б.Д. Карвасарского, президент Ассоциации развития клинической психотерапии (АРКП), главный редактор научного рецензируемого журнала "Вестник психотерапии", создатель и научный руководитель

частной психотерапевтической клиники "Центр психотерапии на Басковом", г. Санкт-Петербург.

31. Нараленкова Оксана Михайловна – психолог, психодраматерапевт, тренер Института психодрамы и психологического консультирования. Преподаватель, член Ассоциации психодрамы, г. Москва.

32. Омарова Марина.Карахановна – к. пс. н., доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

33. Османова Хадиджа Адамовна – студентка 4 курса ФПиФ ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

34. Пирожкова Вероника Олеговна – к. пс. н., доцент ФГБОУ «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар.

35. Семенов Виктор Владимирович – к. пс. н., директор Института психодрамы и психологического консультирования, вице-президент ассоциации психодрамы, председатель секции Психодрама online, г. Москва.

36. Семёнов Никита Анатольевич - студент, ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород.

37. Семенова Файзура Ореловна – д. пс. н., профессор, Заслуженный деятель науки КЧР, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан факультета психологии и социальной работы Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск.

38. Сурхаев Марат Аслангереевич – магистрант факультета социальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова», г. Махачкала.

39. Тажутдинова Гулжан Шайихулисламовна – к. пс. н., доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала.

40. Хайбулаева Айшат Гамзатовна – к. пс. н., ст. преподаватель, доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

41. Чурсина Юлия Викторовна – студентка, ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород.

42. Яковлева Светлана Сергеевна – студентка, ФГБОУ ВО «Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого», г. Великий Новгород.

43. Яхьяев Мухтар Яхьяевич – д. ф. н., профессор, зав. кафедрой философии и социально-политических наук ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

Ведущие и участники мастер-классов

44. Абумислимова Имара Грамудиновна – клинический психолог. Республика Дагестан, Махачкала.

45. Акаева Наида Шамильевна – к. пс. н., доцент кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.

46. Баирова Зейнеб Музафаровна - психодраматерапевт, Основатель «Ресурсного центра», г. Симферополь.

47. Батыров Тамерлан Батырович – руководитель секции "Психодрама" при психологическом центре ДГУ "Пси-фактор" им. Ахмедханова А.М., психолог, психодраматерапевт, магистр психологии, г. Махачкала.

48. Гаджимурзаева Марьям Магомедрасуловна – психолог, психодраматист, студент Московского института психодрамы и психологического консультирования, г.Махачкала.

49. Горгошидзе Лиана Зазаевна – психолог, психодраматист, г. Махачкала.

50. Давидова Аиша Руслановна - клинический психолог, психодраматерапевт. Республика Дагестан. г.Махачкала.

51. Забитова Султанат Магомедовна - клинический психолог, психодраматист, арт-терапевт, Республика дагестан, г. Махачкала.

52. Исаева Аймаржан Исмаиловна - клинический психолог, психодраматерапевт. Республика Дагестан, г. Махачкала.

53. Лебедько Павел Федорович - психолог, тренер Института групповой и семейной психотерапии, Московская область, г. Королев.

54. Лихорад Алёна Анатольевна - психолог, преподаватель психологии, психодраматист, тренер ассистент института психодрамы и психологического консультирования, г. Москва.

55. Магдилова Патимат Магомедовна - клинический психолог, психодраматист, к.пед.наук. Республика Дагестан. г. Махачкала.

56. Нурмагомедова Патимат Магомедовна - к. пс. н., доцент кафедры психологии развития и профессиональной деятельности ДГУ, Психодраматерапевт, клинический психолог, г. Махачкала.

57. Умаханова Эльмира Султановна - клинический психолог, КПТ терапевт, ведущая КПТ терапии в группе, Республика Дагестан, г. Махачкала.

58. Хулалмагомедова Аминат Хулалмагомедовна - клинический психолог, КПТ, АСТ, схема-терапевт, член ассоциации Когнитивно -Бихевиоральной терапии, сотрудник клиники доказательной психотерапии Mental Health Center (г. Москва). Республика Дагестан, г. Махачкала.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
30-31 мая 2024 года

Махачкала, ДГУ

Подготовка оригинал-макета *Сулейманова М.А.*

Подписано в печать Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 7. Уч.-изд. л. 6,3. Печать по требованию.
Заказ №24-73-51

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева 64
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru